

2020
№ 2 (31)

КРИМИНАЛИСТЪ

В номере:

Стратегические направления уголовно-правового обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации

Вопросы квалификации хулиганства

Полномочия и деятельность прокурора по распоряжению государственным обвинением

История организации государственной экспертной службы в России и становление отечественной криминалистики

Санкт-Петербург
Литейный, 44

СОБЫТИЯ

6 мая 2020 года шесть команд Института приняли участие в III Исторической викторине «Великая Победа» в режиме онлайн.

Ребята выполнили 7 заданий различной сложности на знание истории Великой Отечественной войны.

Так, в первом задании команды продемонстрировали знание военной символики и свою сообразительность. Затем участники проявили эрудицию в области военной бронетехники. Не обошлось и без заданий с известными военными карикатурами и фотографиями. Блеснули команды и своими навыками в написании коротких военных рассказов. Более того, наши участники сами придумали военную награду и описали, кого бы из героев того времени они ею наградили.

А в конце разразилась нешуточная борьба в рамках военной викторины.

Одновременно с нашими командами в нашем профиле Instagram также проходила ожесточенная борьба за звание главного военного эрудита.

Выражаем благодарность организаторам, в частности Руслану Федотову, за помощь в составлении заданий.

25 апреля 2020 года в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации состоялась XI Всероссийская (с международным участием) научная конференция «Актуальные проблемы права, государства и экономики».

Заочный формат конференции не снизил активности участников – свои работы в адрес организационного комитета направили более 200 обучающихся из 23 высших учебных заведений России и Беларуси, среди которых: Белорусский государственный университет, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, Всероссийский государственный университет юстиции, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Кубанский государственный университет, Курский государственный университет, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Институт прокуратуры, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Национальный исследовательский университет Высшая Школа Экономики в Санкт-Петербурге, Российский государственный университет правосудия (г. Казань), Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский университет министерства внутренних дел Российской Федерации, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Саратовская государственная юридическая академия, Северо-Кавказский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Университет прокуратуры Российской Федерации, Челябинский государственный университет.

Работы, отобранные жюри, будут опубликованы в электронном сборнике «Актуальные проблемы права, государства и экономики».

Благодарим всех авторов за проявленную заинтересованность, отмечаем высокий уровень подготовки участников, актуальность, дискуссионность и практическую значимость вопросов, выбранных для исследования.

Отдельно выражаем благодарность всем научным руководителям, которые стимулируют научную активность обучающихся и помогают им в обеспечении высокого качества научных исследований.

Желаем всем участникам успехов и новых научных достижений!

СОБЫТИЯ

17 апреля 2020 года Санкт-Петербургским юридическим институтом (филиалом) Университета прокуратуры Российской Федерации проведен учебно-методический семинар в системе органов прокуратуры в режиме видеоконференции.

В занятиях в режиме видеоконференцсвязи приняли участие работники прокуратур Архангельской, Вологодской, Калининградской, Мурманской, Новгородской, Омской, Псковской, Самарской, Сахалинской областей, Ненецкого автономного округа, Республик Карелия, Коми, Ленинградской области, Северо-Западной транспортной прокуратуры и военной прокуратуры Западного военного округа.

Выступления заведующего кафедрой уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права А. Н. Попова, профессора кафедры Д. А. Безбородова и доцентов кафедры А. В. Зарубина и Д. Ю. Краева были посвящены проблемам квалификации налоговых преступлений, проблемам квалификации ятрогенных преступлений; проблемам назначения наказания в виде принудительных работ; квалификации незаконной добычи полезных ископаемых; проблемам квалификации дорожно-транспортных преступлений.

Об особенностях расследования и доказывания по уголовным делам о ятрогенных преступлениях рассказала заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики Е. Б. Серова.

8 апреля 2020 года состоялся Межвузовский круглый стол «Актуальные проблемы трудового права». Круглый стол проходил дистанционно в формате видеоконференции.

В заседании участие приняли студенты НИУ Высшая школа экономики; Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина; Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации; Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Присутствовали Рыбкина Марина Владимировна, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, доктор юридических наук, профессор, и Чернышева Людмила Александровна, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

С докладами выступили:

1. Федоров Максим Витальевич – студент 2 курса юридического факультета Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации – «Проблемы правового регулирования прекращения трудового договора с руководителем организации»;

2. Шейко Анастасия Николаевна – студент 3 курса факультета подготовки следователей Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации – «Нестандартные формы занятости»;

3. Дронова Виктория Алексеевна – студент 3 курса юридического факультета Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина – «Нетипичные формы занятости в 21 веке: проблемы и перспективы нормативно-правового регулирования»;

4. Чуклина Валерия Михайловна – студент 2 курса юридического факультета Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации – «Проблемы выплаты заработной платы работнику предприятия банкрота».

5. Глазистова Дарья Алексеевна – студент 3 курса факультета подготовки следователей Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации – «Тенденции правового регулирования и использования интернет платформ в трудовом праве».

6. Смирнов Владимир Анатольевич; Юдин Александр Михайлович – студенты 2 курса юридического факультета Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации – «Расторжение трудового договора по основаниям п. 7.1 ст. 81 ТК РФ».

Докладчики смогли раскрыть заявленные темы выступлений, поднять проблемы в законодательстве и вызвали дискуссию среди слушателей.

КРИМИНАЛИСТЪ

2020 № 2 (31)

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2008 года Санкт-Петербургским юридическим институтом (филиалом)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Учредитель Университет прокуратуры Российской Федерации

Главный редактор А. П. Спиридонов, директор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет

А. Ю. Захаров, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации

Н. Е. Солнышкина, начальник управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе

А. П. Спиридонов, директор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Е. Е. Амилеева, кандидат юридических наук, доцент

Н. А. Васильчикова, доктор юридических наук, профессор

В. В. Колесников, доктор экономических наук, профессор

О. Н. Коршунова, доктор юридических наук, профессор

В. В. Лавров, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент

А. Н. Попов, доктор юридических наук, профессор

Е. Б. Серова, кандидат юридических наук, доцент

Редакционная коллегия

Н. А. Данилова (заместитель главного редактора), доктор юридических наук, профессор;

М. А. Григорьева (ответственный секретарь), кандидат юридических наук, доцент;

О. А. Гуреева, кандидат юридических наук;

А. А. Дорская, доктор юридических наук, профессор;

Е. В. Елагина, кандидат юридических наук, доцент;

Д. Ю. Краев, кандидат

юридических наук, доцент; **Е. Л. Никитин**, кандидат юридических наук, доцент; **Т. Г. Николаева**, доктор юридических наук, профессор; **А. В. Сальников**, кандидат юридических наук; **А. А. Сапожков**, кандидат юридических наук, доцент; **И. Л. Честнов**, доктор юридических наук, профессор; **О. В. Чельшева**, доктор юридических наук, профессор; **В. С. Шадрин**, доктор юридических наук, профессор

Адрес редакции:

191014, г. Санкт-Петербург, Литейный просп., 44
E-mail: kriminalist_institut@mail.ru

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре.
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-76805 от 16.09.2019.

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Подписано в печать 12.05.2020.

Печ. л. 12,5. Формат 60x84/8.

Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1 – 140).

Заказ 10/20. Без цены.

Отпечатано в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации

191014, г. Санкт-Петербург, Литейный просп., 44
E-mail: rio-procuror@yandex.ru

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных материалах несут авторы. Перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, возможны только с письменного разрешения редакции.

© Санкт-Петербургский юридический институт
(филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ,
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО**V Всероссийская научно-практическая конференция «Уголовное право России: состояние и перспективы. Преступления против общественной безопасности (Волженкинские чтения)»**

Авдеев В. А. Стратегические направления уголовно-правового обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации..... 3

Арзамасцев М. В. Конституционные основы уголовно-правовых запретов в сфере общественной безопасности 10

Бурлаков В. Н., Щепельков В. Ф. Занятие высшего положения в преступной иерархии как основание уголовной ответственности..... 14

Гилинский Я. И. Терроризм: мифы и реальность 19

Готчина Л. В. О состоянии, тенденциях и перспективах уголовной политики в отношении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков 26

Рахманова Е. Н. Взаимосвязь организованной преступности и террористической деятельности 29

Силкин В. П. Усиление ответственности за посягательства в сфере общественной безопасности как проявление общей тенденции ужесточения уголовно-правовой политики 33

Топильская Е. В. Об особенностях составов преступлений, предусмотренных статьями 210 и 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации 38

Тюнин В. И. К вопросу об ответственности за массовые беспорядки в памятниках уголовного права и современном законодательстве 42

Чучаев А. И., Грачева Ю. В., Маликов С. В. Роботизация транспортных средств: необходимость правового регулирования 49

Шарапов Р. Д. Вопросы квалификации хулиганства..... 53

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
И КРИМИНАЛИСТИКА

Корниенко Н. А. История организации государственной экспертной службы в России и становление отечественной криминалистики (продолжение) 60

Ларинков А. А., Кравцова А. Д. Возвращение уголовного дела прокурору в порядке статьи 237 УПК РФ: актуальные вопросы теории и практики 69

Серова Е. Б., Нестеренко Д. В. К вопросу о поддержании государственного обвинения по делам о сбыте наркотических средств и психотропных веществ, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей 75

Шадрин В. С. Полномочия и деятельность прокурора по распоряжению государственным обвинением 82

НОВОЕ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Холопов А. В. Новое в криминалистике..... 89

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ИНДЕКСА НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ..... 92

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

V Всероссийская научно-практическая конференция «Уголовное право России: состояние и перспективы. Преступления против общественной безопасности (Волженкинские чтения)»

В. А. АВДЕЕВ

УДК 343

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Современные тенденции развития преступности в Российской Федерации являются отражением роста глобальной и региональной напряженности. Процесс глобализации детерминировал криминальную дестабилизацию и наращивание негативных тенденций в развитии преступности¹. Реформирование социально-экономической и политической систем российского общества сопряжено с увеличением числа посягательств на интересы личности, общества и государства.

Подтверждением неблагоприятного изменения криминальной ситуации являются возросшие показатели преступности в России. В январе – августе 2019 года число зарегистрированных преступлений увеличилось на 1,9 %. Одновременно наблюдается рост на 11,6 % тяжких и особо тяжких преступлений. Качественное изменение

преступности сопровождается увеличением на 66,8 % преступлений, связанных с использованием высоких, коммуникационных и информационных технологий².

Оценивая показатели преступности в сфере общественной безопасности, следует обратить внимание на рост на 1,2 % преступлений террористического характера. На 56,0 % увеличились абсолютные показатели заведомо ложного сообщения об акте терроризма, на 0,4 % – хулиганства³. Отмечается увеличение на 36,0 % зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием взрывчатых веществ и взрывных устройств⁴.

Динамика преступлений против общественной безопасности, предварительное следствие по которым обязательно, характеризуется увеличением абсолютных показателей террористического акта, организации преступного сообщества или участия

¹ Авдеев В. А., Авдеева О. А. Преступность террористического характера и экстремистской направленности в РФ: состояние и тенденции правового регулирования // Российский судья. 2018. № 8. С. 19.

² Состояние преступности в России за январь – август 2019 года. М., 2019. 60 с.

³ Там же.

⁴ Там же.

в нем, незаконного изготовления оружия, ненадлежащего исполнения обязанностей по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств соответственно на 16,0 %, 7,2 %, 4,6 %, 150,0 %¹.

Анализ сложившейся в России криминальной ситуации позволяет определить ряд наиболее проблемных регионов в плане обеспечения общественной безопасности. Высокие темпы прироста преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, были зарегистрированы в Республике Северная Осетия – Алания (277,6 %), Чеченской Республике (36,8 %), Карачаево-Черкесской Республике (32,1 %). Увеличение темпов прироста преступлений, совершенных с использованием оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, зафиксировано в Камчатском крае (225,0 %), Чеченской Республике (200,0 %), Владимирской области (69,2 %), Липецкой области (60,0 %)².

В качестве одной из угроз общественной безопасности признаются преступления террористического характера. Их удельный вес составил: в 2010 году – 0,022 %; 2011 году – 0,025 %; 2012 году – 0,027 %; 2013 году – 0,029 %; 2014 году – 0,051 %; 2015 году – 0,064 %; 2016 году – 0,103 %; 2017 году – 0,09 %; 2018 году – 0,084 %; за январь–август 2019 года – 0,092 %. В 2019 году наметилась тенденция роста как абсолютных, так и относительных показателей преступлений террористического характера³.

Негативные тенденции в сфере противодействия преступлениям против общественной безопасности подтверждаются данными официальной судебной статистики, согласно которым за подобные преступления было осуждено: в 2015 году – 10 878 лиц (1,48 %); 2016 году – 11 487 (1,55 %); 2017 году – 11 761 (1,68 %); 2018 году – 11 156 (1,69 %); первом полугодии 2019 года – 5 194 (1,78 %). Оценивая долю осужденных в первой половине 2019 года за отдельные группы преступлений, посягающих на общественную безопасность, следует отметить наиболее высокий удель-

ный вес осужденных за деяния, связанные с нарушением правил оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (1,32 %). Менее значительным является удельный вес осужденных за преступления против общественного порядка (0,14 %). Относительный показатель осужденных за преступления против основ общественной безопасности составил 0,12 %. Доля осужденных за преступления, связанные с нарушением специальных правил безопасности, составляет 0,11 %. Минимальными показателями осужденных характеризуются преступления, состоящие в создании специальных видов преступных групп и сообществ (0,051 %)⁴.

Вследствие наметившихся неблагоприятных тенденций актуализируется задача по совершенствованию мер противодействия посягательствам на общественную безопасность. Основными направлениями модернизации уголовно-правовой политики в Российской Федерации признаются гармонизация национального законодательства, новеллизация нормативно-правового регулирования, модернизация методов и средств по выявлению, раскрытию, пресечению и профилактике преступлений, оптимизация правоприменения.

В целях обеспечения общественной безопасности необходимыми являются: а) укрепление роли государства как гаранта ее обеспечения; б) повышение доверия к судебной и правоохранительной системам Российской Федерации; в) повышение эффективности взаимодействия органов безопасности и правопорядка с гражданским обществом.

Принципиальное значение имеет реализация направленных на уменьшение криминальной напряженности в обществе специальных мер. Обеспечение общественной безопасности требует актуализации мер по противодействию деятельности: 1) преступных организаций и группировок; 2) террористических организаций; 3) радикальных группировок и обществ; 4) связанной с использованием высоких, коммуникационных и информационных технологий. Особой общественной опасностью характеризуется распространение в российском

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

обществе коррупции — фонового явления для развития преступности в сфере общественной безопасности. Требуется усиление мер по нейтрализации ее детерминант.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации для решения указанных задач в сфере обеспечения общественной безопасности целесообразным является: 1) оптимизация структуры и деятельности органов исполнительной власти; 2) создание механизмов профилактики социальных и межнациональных конфликтов; 3) новеллизация антитеррористической политики¹.

Гарантией уголовно-правового обеспечения общественной безопасности служит эффективная реализация норм главы 24 Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих уголовную ответственность за преступления против общественной безопасности. В основу выделения в самостоятельную главу норм об указанных преступлениях положен видовой объект посягательства, функцию которого выполняют общественные отношения в сфере обеспечения общественной безопасности.

Руководствуясь доминирующим значением ряда объективных и субъективных признаков составов преступлений, представляется целесообразным выделить следующих классификационных групп. Первую группу образуют преступления против основ общественной безопасности (ст.ст. 205–207, 211, 215.2, 227 УК РФ). Вторую группу составляют преступления, заключающиеся в создании специальных видов преступных групп и сообществ (ст.ст. 208–210.1 УК РФ). Третья группа включает нарушение правил оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст.ст. 222–226.1 УК РФ). Четвертая группа — преступления, связанные с незаконным оборотом ядерных материалов и радиоактивных веществ (ст.ст. 220, 221 УК РФ). Пятая группа представлена преступлениями, связанными с нарушением специальных правил безопасности (ст.ст. 215, 215.1, 215.3, 215.4,

216–219 УК РФ). Шестую классификационную группу составляют преступления против общественного порядка (ст.ст. 212–214 УК РФ).

В качестве одного из направлений повышения эффективности деятельности по обеспечению общественной безопасности было избрано совершенствование уголовно-правовых норм главы 24 УК РФ и их правоприменения. В этой связи в уголовный закон в 2016–2019 годах регулярно вносились коррективы редакционного характера, ориентированные на повышение качества закона и правоприменительной деятельности. Реализация уголовно-правовой политики преимущественно характеризовалась криминализацией и пенализацией деяний против общественной безопасности.

Угрозы и риски развития терроризма в Российской Федерации предопределили последовательное введение в уголовный закон составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 205.1–205.5, ч. 4 ст. 211, ст. 361 УК РФ. Реструктуризация норм уголовного закона, направленная на усиление мер противодействия посягательствам террористического характера, продолжается в современный период. Подтверждением служит Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ, увеличивший минимальный размер наказания по чч. 1 и 2 ст. 205 УК РФ за террористический акт без отягчающих обстоятельств и при наличии таковых соответственно до 10 и 12 лет лишения свободы. Расширен перечень преступлений, образующих объективную сторону содействия террористической деятельности. Сфера пособничества, позволяющего квалифицировать деяние по ч. 3 ст. 205.1 УК РФ, согласно данному Федеральному закону включает наряду с пособничеством в совершении преступлений, предусмотренных ст. 205 УК РФ, пособничество в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 206 и ч. 1 ст. 208 УК РФ.

Были внесены изменения в п. 1 примечаний к ст. 205.1 УК РФ относительно понятия финансирования терроризма, которое означает предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием их предназначения для финансирования организации, подготовки или совер-

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 2, ч. 2. Ст. 212.

пения преступлений, регламентированных ст.ст. 205–205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277–279, 360 УК РФ.

Изменена санкция ч. 1 ст. 205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма», сохранившая лишь штраф и лишение свободы на определенный срок в качестве основных видов наказания. Диспозиция нормы, предусмотренной ч. 2 ст. 205.2 УК РФ, дополнена указанием на возможность совершения данного преступления не только с использованием средств массовой информации, но и электронных либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».

Высокая степень общественной опасности публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма, совершенных путем использования средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», отражается на санкции ч. 2 ст. 205.2 УК РФ, из содержания которой исключены принудительные работы. Одновременно обозначается нижний предел наказания в виде лишения свободы сроком 5 лет. В этой связи назначаемое наказание с учетом санкции рассматриваемой уголовно-правовой нормы варьируется в пределах от 5 до 7 лет лишения свободы, что существенно ограничивает судебное усмотрение при вынесении обвинительного приговора.

Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ ввел п. 2 примечаний к ст. 205.2 УК РФ, согласно которому террористическая деятельность образуется в результате совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст.ст. 205–206, 208, 211, 220, 221, 277–279, 360, 361 УК РФ.

Акт международного терроризма, криминализованный в ст. 361 УК РФ, включается в содержание диспозиций норм о преступлениях террористического характера, предусмотренных ст.ст. 205.3, 205.4 УК РФ. Идентичное дополнение используется при законодательном оформлении примечания к ст. 205.3 УК РФ. Двукратному увеличению в санкциях норм ст.ст. 205.3, 205.4 УК РФ

подлежит минимальный и максимальный размер наказания, соответственно до 15 и 20 лет лишения свободы.

Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ усовершенствовал регламентированный в примечании к ст. 205.5 УК РФ, предусматривающей ответственность за организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации, специальный вид освобождения от уголовной ответственности лица, впервые совершившего данное преступление, — если лицо прекратило участие в деятельности террористической организации.

Особым предупредительным потенциалом наделяется вновь образованный состав преступления, предусмотренный ст. 205.6 УК РФ «Несообщение о преступлении». Несообщение в органы власти о лице (лицах), которое готовит, совершает или совершило преступление террористического характера, влечет привлечение виновного к уголовной ответственности.

Специально-предупредительное значение имеет установление более строгого наказания в виде лишения свободы за организацию незаконного вооруженного формирования и участие в нем. Изменены нижние и верхние пределы санкций уголовно-правовых норм, предусмотренных чч. 1 и 2 ст. 208 УК РФ «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем», соответственно до 10 и 8, 20 и 15 лет лишения свободы. Примечание к данной статье дополнено упоминанием о впервые совершенном преступлении как обязательном основании освобождения виновного от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием при условии отсутствия в деянии лица признаков иного состава преступления.

Введение Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ ст. 361 УК РФ об ответственности за акт международного терроризма позволило выделить в рамках преступлений против мира и безопасности человечества еще одно преступление террористического характера. Специфика данного преступления состоит в его объективной стороне: 1) совершение вне пределов Российской Федерации взрыва, поджога или иных действий, подвергающих опасности

жизнь, здоровье, свободу либо неприкосновенность граждан Российской Федерации; 2) угроза осуществления указанных действий. Квалифицирующее значение имеют преследуемые цели: а) в целях нарушения мирного сосуществования государств и народов; б) деяния направлены против интересов Российской Федерации.

Совершение вне пределов Российской Федерации взрыва, поджога или иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу либо неприкосновенность граждан Российской Федерации, или угроза осуществления указанных действий в целях нарушения мирного сосуществования государств и народов либо направленных против интересов Российской Федерации (ч. 1 ст. 361 УК РФ) признаются особо тяжким преступлением и влекут наказание от 10 до 20 лет лишения свободы или пожизненное лишение свободы.

Финансирование акта международного терроризма или вовлечение в его совершение квалифицируется по ч. 2 ст. 361 УК РФ. Санкцией данной нормы предусматривается наказание на срок от 8 до 20 лет лишения свободы со штрафом в размере от 300 тыс. до 700 тыс. рублей или пожизненное лишение свободы (в ред. Федерального закона от 29 декабря 2017 г. № 445-ФЗ).

Правовая оценка деяния подлежит изменению на ч. 3 ст. 361 УК РФ в том случае, если результатом совершения преступления, предусмотренного частью первой анализируемой статьи, становится смерть человека. Повышению в данном случае подлежит нижний предел наказания в виде лишения свободы — предусматривается наказание от 15 до 20 лет лишения свободы. Усилению карательной сущности основного вида наказания способствует ограничение свободы на срок от 1 года до 2 лет. В качестве альтернативы лишению свободы на определенный срок в санкции уголовно-правовой нормы предусматривается пожизненное лишение свободы.

Федеральным законом от 3 апреля 2017 г. № 60-ФЗ введен дополнительный квалифицирующий признак хулиганства, предусмотренный п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, — на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а равно

на любом другом виде транспорта общего пользования.

Оптимизации противодействия преступлениям против общественной безопасности способствует законодательное оформление Федеральным законом от 29 декабря 2017 г. № 445-ФЗ ответственности за пропаганду терроризма. Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 501-ФЗ направлен на совершенствование норм, предусмотренных ст. 207 УК РФ «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма». Хулиганские побуждения имеют определяющее значение для квалификации преступления по части первой указанной статьи. Диспозиция части второй дополняется признаком — в отношении объектов социальной инфраструктуры. Особого внимания заслуживают части третья и четвертая, регламентирующие ответственность за заведомо ложное сообщение об акте терроризма, совершенное в целях дестабилизации деятельности органов власти и повлекшее по неосторожности смерть человека либо другие тяжкие последствия.

Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 114-ФЗ, имеющий целью обеспечение общественной безопасности, направлен на модернизацию ст. 216 «Нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ» и ст. 217 «Нарушение требований промышленной безопасности опасных производственных объектов» Уголовного кодекса Российской Федерации. Редакционным изменениям и дополнениям подверглись содержание диспозиций и санкций соответствующих норм.

Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 229-ФЗ ориентирован на совершенствование норм, предусмотренных ст. 215.3 УК РФ «Самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам либо приведение их в негодность». Повышенной общественной опасностью в настоящее время характеризуется самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам лицом, подвергнутому административному наказанию за идентичное деяние. Совершение указанного деяния в отношении магистральных трубопроводов влечет квалификацию по ч. 2 ст. 215.3 УК РФ.

Федеральный закон от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ подвергает модернизации диспозиции и санкции норм, регламентированных ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)». Одновременно вводится новый состав преступления, предусмотренный ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии». Уголовной ответственности подлежит лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии. Данное преступление относится к категории особо тяжких, его совершение влечет назначение наряду с основным и дополнительного вида наказания.

Особое внимание уделяется оптимизации правоприменительной деятельности, сопряженной с квалификацией преступлений террористического характера¹.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 ноября 2016 г. № 41 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2016 года № 1 “О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности”» ориентировано на решение пробельных вопросов, касающихся юридической оценки указанных преступлений. Освобождение от уголовной ответственности исключается, если виновное в совершении предусмотренного ст. 205.3 УК РФ преступления лицо выполнило лишь одно из регламентированных в примечании к данной статье действий².

Исключению подлежит дополнительная квалификация преступления по ч. 2 ст. 205.5 УК РФ, несмотря на то что виновное в создании террористической организации лицо принимало непосредственное участие в осуществляемой ею деятельности³. Судебная коллегия по уголовным делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации апелляционным определением изменила приговор в силу неточной юридической оценки деяния исключительно по

ч. 1 ст. 205.2 УК РФ. Между тем обстоятельства совершения преступления указывают на наличие совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205.2 и ч. 1 ст. 282 УК РФ. Совокупность указанных преступлений предполагает необходимость назначения осужденному М. наказания в виде 2 лет лишения свободы с отбыванием в колонии-поселении⁴.

Помимо вопросов квалификации на правоприменительном уровне возникают проблемы назначения адекватного наказания за преступления против общественной безопасности. Так, Судебная коллегия по уголовным делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации апелляционным определением отменила необоснованно назначенные дополнительные виды наказаний осужденным И., П., Ш. за приготовление к террористическому акту организованной группой, а И., Ш. — за участие в деятельности террористической организации. Кроме того, И., П. подлежали осуждению за незаконные изготовление, хранение и т. п. оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ. В основу принятого решения положено отсутствие мотивов вынесенного судебного приговора⁵. Судебная коллегия по уголовным делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации апелляционным определением смягчила приговор в отношении Л., осужденного за приготовление к совершению террористического акта на 5 лет лишения свободы. Исключение максимального срока наказания за данное преступление обусловлено наличием смягчающих обстоятельств⁶.

Таким образом, наметившиеся качественно новые тенденции состояния и структуры преступности предопределили пролонгирование в национальной системе права базовых направлений обеспечения общественной безопасности, уголовно-правовой защиты неотъемлемых прав и свобод человека. В основу современной модернизации уголовно-правовых мер положена

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 6. С. 20.

² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 7. С. 31.

³ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 10. С. 16.

⁴ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 6. С. 54–55.

⁵ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 3. С. 15–16.

⁶ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 8. С. 77–78.

последовательная институционализация в российском законодательстве норм международного права, адекватизация национального механизма противодействия преступности террористического характера.

Функционирование террористических организаций предполагает наличие определенных идеологий, целей и задач, а также соответствующее финансирование, обеспечивающее их создание, организацию, функционирование, вербовку участников, решение поставленных перед формированиями задач. В зависимости от избранной специализации, численности участников, имеющегося потенциала деятельность террористических и экстремистских преступных формирований может быть направлена: а) на насильственное изменение конституционного строя; б) дестабилизацию работы органов государственной власти; в) уничтожение или нарушение функционирования военных, промышленных объектов; г) ликвидацию объектов жизнеобеспечения населения, транспортной инфраструктуры; д) устрашение населения.

Направлениями террористической деятельности могут стать завладение оружием массового уничтожения, радиоактивными, отравляющими, токсичными, химически и биологически опасными веществами. Указанные тенденции создают предпосылки для осуществления актов ядерного терроризма. Результатом является нарушение безопасности и устойчивости функционирования критической информационной инфраструктуры государства.

Террористическая деятельность сопровождается использованием информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма. В итоге наносится ущерб гражданскому миру, согласию, политической и социальной стабильности в обществе. Посягательствам наряду с общественной безопасностью подвергаются и иные объекты уголовно-правовой охраны.

Следовательно, на современном этапе детализации требуют организационно-практические меры по предупреждению и профилактике преступлений, ориентированные на развитие институтов гражданского общества, социальную ак-

тивизацию населения, формирование антикриминального мировоззрения, стимулирование антипреступной деятельности граждан и общественных объединений, усиление социального контроля. Угнетению террористической преступности должно способствовать повышение социальной ответственности органов обеспечения общественной безопасности.

Резюмируя вышеизложенное, следует заключить, что при всей многоаспектности принимаемых мер противодействия преступности против общественной безопасности должного внимания со стороны компетентных государственных органов заслуживает дальнейшее совершенствование нормативного правового регулирования, направленное на устранение пробелов и коллизий уголовного законодательства, детерминирующих проблемы правильной юридической оценки общественно опасных уголовно наказуемых деяний на правоприменительном уровне. Модернизации требуют отдельные нормы уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, а также деятельность правоохранительных органов по выявлению и расследованию преступлений. Перспективными направлениями являются развитие правовой культуры, преодоление правового нигилизма, комплексное использование научных, правотворческих, правоприменительных, интерпретационных и других юридических ресурсов. Критерием оценки эффективности реализуемой деятельности является удовлетворенность граждан степенью защищенности своих конституционных прав и свобод от преступлений, посягающих на общественную безопасность.

Библиографический список

1. Авдеев, В. А. Преступность террористического характера и экстремистской направленности в РФ: состояние и тенденции правового регулирования / В. А. Авдеев, О. А. Авдеева // Российский судья. — 2018. — № 8. — С. 18–23.

References

1. Avdeev, V. A. Prestupnost' terroristicheskogo haraktera i ekstremistskoj napravlenosti v RF: sostoyanie i tendencii pravovogo regulirovaniya / V. A. Avdeev, O. A. Avdeeva // Rossijskij sud'ya. — 2018. — № 8. — S. 18–23.

**КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ЗАПРЕТОВ
В СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

В XXI веке понятие «безопасность» стало играть особую роль в жизни человечества. Например, на уровне ООН признается, что обеспечение устойчивого развития невозможно без мира и безопасности¹.

В обществе формируется устойчивый запрос на безопасность, определяющий как принятие соответствующих практических мер, так и тенденции совершенствования законодательства.

В конституционном дискурсе вопросы безопасности затрагивают комплекс проблем. Во-первых, обсуждается появление самостоятельного права на безопасность, которое становится «стержнем правового статуса личности»².

Во-вторых, это право создает условия для того, чтобы использовать все иные права³, т. е. становится незримым кусочком каждого другого конституционного права.

В-третьих, признавая нарастающую потребность в эффективном механизме обеспечения безопасности⁴, нельзя забывать, что обеспечивать безопасность государство может только за счет ограничения прав. В этой связи следует согласиться, что «избыточный акцент на безопасности не гармо-

нирует конституционному праву»⁵, лишь «сдержанная безопасность с умеренной подконтрольной репрессией конституционной демократии органична и позволяет ей оставаться собой»⁶. При этом государства могут избирать разные модели баланса между индивидуальными правами и общественной безопасностью. Чаще всего выбирается вариант ограничения прав в пользу безопасности (так, в США после событий 11 сентября 2001 г. был принят Патриотический акт⁷, в Санкт-Петербурге ответом на теракт в метро стало изменение процедур прохода на станции), однако некоторые страны проявляют сдержанность в наращивании применяемых ограничений. В частности, Норвегия, несмотря на террористические действия Брейвика, постаралась не отказываться от достигнутого ранее уровня обеспечения прав человека. В целом необходим баланс между мерами безопасности и реализацией прав человека. Здесь уместна аналогия с медициной, где жаропонижающие лекарства спасают организм человека не от причины болезни, а от избыточной реакции на нее.

Наконец, существует «противоречие между необходимостью государства обеспечить свою национальную безопасность и потребностью в создании условий для личной безопасности граждан»⁸. То есть право на общественную безопасность, являясь коллективным, частично расходится

¹ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года : Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 г. (A/RES/70/1). URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 17.11.2019).

² Колоткина О. А., Ягофарова И. Д. Право личности на безопасность: к вопросу о расширении перечня конституционных прав и свобод // Законы России. 2017. № 10. С. 94–96.

³ Епифанов А. Е., Панченко А. В. Механизм обеспечения личной безопасности граждан (конституционно-правовой аспект) : монография. Волгоград, 2009. С. 17. См. также: Воронцова М. А. Право ребенка на личную безопасность как основа конституционно-правового статуса несовершеннолетних // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 5. С. 87.

⁴ Воронцова М. А. Указ.соч. С. 85.

⁵ Арановский К. В., Князев С. Д. Конституция и безопасность // Государство и право. 2018. № 1. С. 18.

⁶ Там же. С. 23.

⁷ Романовский В. Г. Права человека и безопасность в условиях нарастания террористических угроз // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 47 и далее.

⁸ Цитович Я. В. Соотношение интересов национальной безопасности и обеспечения прав и свобод человека (на примере Государства Израиль) // Современное право. 2015. № 8. С. 139.

с индивидуальным правом на личную безопасность.

Таким образом, можно наблюдать диалектическое противоречие, когда введение в законодательство норм, направленных на повышение уровня общественной безопасности, с одной стороны, является обеспечением конституционного права граждан и содействует реализации всех иных прав, а с другой — приводит к ограничению других индивидуальных прав и свобод.

Сказанное в полной мере относится и к правовому регулированию наиболее строгих запретов — уголовно-правовых, направленных на охрану общественной безопасности (в широком смысле этого слова). Анализируя сформулированные конституционным правосудием требования к качеству таких запретов, хотелось бы остановиться на некоторых из них более подробно.

Цифровые технологии XXI века позволяют говорить о новом типе угрозы — полном или частичном захвате компьютерных систем управления потенциально опасными объектами. Например, еще в 2001 году в УК РФ была введена ст. 215.2, установившая ответственность за приведение в негодность объектов жизнеобеспечения. Однако ни эта статья, ни нормы о компьютерных преступлениях (даже ст. 274.1 УК РФ «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации») не в полной мере учитывают вмешательство в компьютерные системы управления такими объектами.

К числу тенденций современной уголовной политики относится частое законодательное редактирование текста норм. Вместе с тем с момента принятия УК РФ не претерпело никаких изменений понятие угона судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, включенное в ч. 1 ст. 211 УК РФ. При этом ст. 32 Воздушного кодекса Российской Федерации с 30 декабря 2015 г. уже выделяет самостоятельную категорию — беспилотное воздушное судно. Очевидно, что этого явления в 1996 году разработчики УК РФ не знали и не учитывали. Но предполагает ли современный

федеральный законодатель, не меняя ст. 211 УК РФ, что понятием воздушного судна охватываются также и беспилотные аппараты? При этом развитие класса беспилотных летательных аппаратов (дронов), появление их боевых видов обуславливают необходимость распространения уголовно-правового запрета на угон или захват таких машин (по крайней мере, имеющих определенные характеристики, размеры или массу).

Кроме того, появились случаи серьезных перебоев в работе аэропортов в связи с использованием таких летательных аппаратов вблизи взлетно-посадочных полос. Представляется, что подобного рода действия должны быть учтены законодателем в качестве криминообразующего признака уголовно наказуемого хулиганства.

В целом уголовный закон, конечно, существенно отстает как от развития информационных систем безопасности, так и от использования технологий искусственного интеллекта в транспорте, промышленности и других сферах. Можно говорить и об отсутствии учета появившихся у граждан новых прав — информационных.

Практика Конституционного Суда Российской Федерации свидетельствует и о необходимости нового обсуждения некоторых традиционных вопросов, в частности о сроках давности привлечения к уголовной ответственности. С одной стороны, сроки давности относятся к материально-правовым гарантиям личности в ее споре с государством, с другой — являются частью механизма уголовно-правовой охраны, в том числе, общественной безопасности.

Согласно п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» сроки давности исчисляются со дня совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий.

Между тем современные медицинские технологии позволяют искусственно поддерживать жизнедеятельность организма очень продолжительное время. Например, дочь И. А. Епифанова находилась в коме

почти полтора года¹, и все это время текли сроки давности уголовного преследования, хотя последствия в виде смерти еще не наступили.

По делу о нарушении правил безопасности на шахте, повлекшем взрыв и гибель 110 человек², возникла другая проблема — большое количество различных экспертиз и сложность расследования уголовного дела создали практическую невозможность уголовного преследования в сроки, установленные ст. 78 УК РФ. В этой связи В. Ф. Щепельков предлагает сделать исчисление сроков давности за преступления более гибким, учитывая, в том числе, затраты времени на расследование³. Вместе с тем при таком подходе не принимается во внимание правовая природа самого спора гражданина с государством. Не может государство ссылаться на свои организационные и процедурные сложности в обоснование расширения объема ограничений конституционных прав.

Однако проблема является назревшей. Особенно для случаев проектирования промышленных и иных объектов, когда между созданием проекта (деянием) и его реализацией уже проходит несколько лет. Сама же ошибка может обнаружиться еще спустя несколько лет. Человеческие жертвы при обрушении новых или реконструированных зданий, при пожарах в торговых комплексах показывают цену ошибок как проектировщиков, так и строителей. При этом парадоксальным образом сроки давности

уголовного преследования оказываются меньше даже сроков гарантии на построенные объекты (например, для большинства новостроек — не менее пяти лет⁴).

Более того, понимание Верховным Судом Российской Федерации момента начала течения срока давности приводит к парадоксу: деяние еще не стало преступлением, поскольку последствия не наступили, уголовно-правовые отношения еще не возникли, а срок давности по ним уже течет. Поэтому необходимо изменение порядка исчисления срока давности по деяниям, закономерно причиняющим отдаленные по времени последствия, а также увеличение до десяти лет срока давности по неосторожным техногенным преступлениям, повлекшим причинение смерти двум и более лицам.

В целом нормы уголовного закона о преступлениях против общественной безопасности и общественного порядка достаточно часто становятся предметом рассмотрения Конституционным Судом Российской Федерации⁵. Основная причина признания их неконституционными — их межотраслевая несогласованность, которая не позволяет гражданам правильно оценить содержание уголовно-правовых запретов.

В одном из последних решений Конституционного Суда Российской Федерации указано даже на необходимость снятия правовой неопределенности (в отношении понятия «иная военная техника») посредством обращения в уполномоченные государственные органы⁶.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Епифанова Ивана Андреевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 9 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13 февраля 2018 г. № 248-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Функа Андрея Ивановича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 217 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2017 г. № 218-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Щепельков В. Ф. О форме вины в преступлении, предусмотренном ч. 3 ст. 217 УК РФ // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 96.

⁴ Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ : текст с изм. и доп. на 27 июня 2019 г. Ст. 7, ч. 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Например, Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июня 2014 г. № 18-П, от 16 июля 2015 г. № 22-П, от 10 февраля 2017 г. № 2-П (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

⁶ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Баранова Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституцион-

Однако межотраслевые связи уголовно-правовых норм не всегда учитываются в правоприменительной практике. Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» до сих пор относит к предмету соответствующих преступлений любой порох как взрывчатое вещество, но исключает из категории взрывных устройств имитационно-пиротехнические и осветительные средства.

Проблема не является новой. Уже почти десять лет назад в запросе Пожарского районного суда Приморского края ставился вопрос об оценке хранения банки пороха, предназначенного для снаряжения боеприпасов к гладкоствольному оружию¹.

В настоящее время ст. 16 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» разрешает самостоятельное снаряжение патронов к гражданскому огнестрельному длинноствольному оружию, частью которых и является соответствующий порох. Однако эта особенность в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации своего отражения не получила.

Равным образом технический регламент Таможенного союза «О безопасности пиротехнических изделий» (принят Решением Комиссии Таможенного союза от 16 августа 2011 г. № 770) оперирует понятием «пиротехническое изделие», определяя его как изделие, предназначенное для получения требуемого эффекта с помощью горения (взрыва) пиротехнического состава, различая подобные изделия по классам потенциальной опасности и по назначению (бытовые или технические). Согласно п. 10 ч. 1

ного Суда Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 2647-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Пожарского районного суда Приморского края о проверке конституционности части первой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 ноября 2010 г. № 1432-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ст. 12 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 1399-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» к единому виду деятельности, подлежащему лицензированию, относятся разработка, производство, испытание, хранение, реализация и утилизация как боеприпасов, так и пиротехнических изделий IV и V классов, а также применение таких пиротехнических изделий IV и V классов.

То есть механизм действия таких изделий предполагает, в числе прочего, взрыв, по своей опасности они равны (максимально приближаются) боеприпасам (которые прямо указаны в качестве предмета преступлений против общественной безопасности). Летом 2019 года во время салюта в городе Минске подрыв одного из зарядов (приобретенных у российского производителя) причинил смерть женщине².

Соответственно, терминология, используемая Верховным Судом Российской Федерации, уже не соответствует отраслевому законодательству, в связи с чем не в полной мере позволяет решить проблему правовой определенности норм, обеспечивающих общественную безопасность.

Таким образом, учет конституционных положений предполагает обязательства государства как по охране уголовным законом общественной безопасности, так и по обеспечению прав и свобод личности.

Библиографический список

1. Арановский, К. В. Конституция и безопасность / К. В. Арановский, С. Д. Князев // Государство и право. — 2018. — № 1. — С. 17–28.
2. Воронцова, М. А. Право ребенка на личную безопасность как основа конституционно-правового статуса несовершеннолетних / М. А. Воронцова // Проблемы экономики и юридической практики. — 2017. — № 5. — С. 85–88.
3. Епифанов, А. Е. Механизм обеспечения личной безопасности граждан (конституционно-правовой аспект) : монография / А. Е. Епифанов, А. В. Панченко. — Волгоград : Нива, 2009. — 181 с. — ISBN 978-5-85536-392-0.
4. Колоткина, О. А. Право личности на безопасность: к вопросу о расширении перечня конституционных прав и свобод / О. А. Колоткина,

² URL: <https://news.rambler.ru/incidents/42446668-salyut-ubiytza-minsk-svalil-tragediyu-na-rossiyu/> (дата обращения: 17.11.2019).

И. Д. Ягофарова // Законы России. — 2017. — № 10. — С. 94–96.

5. Романовский, В. Г. Права человека и безопасность в условиях нарастания террористических угроз / В. Г. Романовский // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 9. — С. 47–51.

6. Цитович, Я. В. Соотношение интересов национальной безопасности и обеспечения прав и свобод человека (на примере Государства Израиль) / Я. В. Цитович // Современное право. — 2015. — № 8. — С. 139–143.

7. Щепельков, В. Ф. О форме вины в преступлении, предусмотренном ч. 3 ст. 217 УК РФ / В. Ф. Щепельков // Журнал российского права. — 2017. — № 6. — С. 89–97.

References

1. Aranovskij, K. V. Konstitucija i bezopasnost' / K. V. Aranovskij, S. D. Knyazev // Gosudarstvo i pravo. — 2018. — № 1. — С. 17–28.

2. Citovich, YA. V. Sootnoshenie interesov nacional'noj bezopasnosti i obespecheniya prav i svobod cheloveka (na primere Gosudarstva Izrail') /

YA. V. Citovich // Sovremennoe pravo. — 2015. — № 8. — С. 139–143.

3. Epifanov, A. E. Mekhanizm obespecheniya lichnoj bezopasnosti grazhdan (konstitucionno-pravovoj aspekt): monografiya / A. E. Epifanov, A. V. Panchenko. — Volgograd : Niva, 2009. — 181 s. — ISBN 978-5-85536-392-0.

4. Kolotkina, O. A. Pravo lichnosti na bezopasnost': k voprosu o rasshirenii perechnya konstitucionnyh prav i svobod / O. A. Kolotkina, I. D. YAgofarova // Zakony Rossii. — 2017. — № 10. — С. 94–96.

5. Romanovskij, V. G. Prava cheloveka i bezopasnost' v usloviyah narastaniya terroristicheskikh ugroz / V. G. Romanovskij // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. — 2019. — № 9. — С. 47–51.

6. SHCHepel'kov, V. F. O forme viny v prestuplenii, predusmotrennom ch. 3 st. 217 UK RF / V. F. SHCHepel'kov // Zhurnal rossijskogo prava. — 2017. — № 6. — С. 89–97.

7. Voroncova, M. A. Pravo rebenka na lichnyuyu bezopasnost' kak osnova konstitucionno-pravovogo statusa nesovershennoletnih / M. A. Voroncova // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. — 2017. — № 5. — С. 85–88.

В. Н. БУРЛАКОВ, В. Ф. ЩЕПЕЛЬКОВ

УДК 343.3/7

ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ КАК ОСНОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Преступные группировки в современном мире отличаются от банд, промышленных разбоями, вымогательствами, заказными убийствами и т. п. Их основной деятельностью является бизнес, который способствует организованности криминала, проникающего в сферы не только теневой, но и легальной экономики¹. Преступный капитал перетекает в экономику, обеспечивая ее существенный рост и зависимость от него. Плата за вход в экономику этих капиталов — потеря ею своих легальных начал,

когда в сфере экономики начинают действовать законы преступного мира.

Уголовное право в период первоначального накопления капитала в России обеспечивало соблюдение правил игры. Однако репрессивный потенциал Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года в его первоначальной редакции оказался чрезмерным. В связи с этим начала осуществляться корректировка Уголовного кодекса с целью минимизации вмешательства права в бизнес. Но вскоре стало ясно, что реализация лозунга «Защитим бизнес от чрезмерного контроля!» привела к преференциям для бизнесменов, и они стали превращаться в класс неприкасаемых². Яркий пример —

¹ Sokolov V. From Guns to Briefcases : The Evolution of Russian Organized Crime // World Policy Journal. 2004. Vol. 21, no. 1. P. 68–74 ; Organized Crime and the Financial Crisis Recent Trends in the Baltic Sea Region / Edited by Walter Kegö, Erik Leijonmarck and Alexandru Molcean. Institute for Security and Development Policy, 2011. 153 p. ; Bjelopera Jerome P., Finklea Kristin M. Organized Crime : An Evolving Challenge for U. S. Law Enforcement. January 6, 2012. URL: <https://fas.org/spp/crs/misc/R41547.pdf> (дата обращения: 06.05.2019).

² Милуков С. Ф. Усиление сословного (классового) начала в современной уголовно-правовой политике // Совершенствование уголовного законодательства в современных условиях: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 23–24 мая 2019 г. / Балт. ин-т. экологии, политики и права ; отв. ред. В. Б. Малинин. СПб., 2011. С. 81–87.

включение в УК РФ ст. 159.4, предусматривавшей более мягкое наказание за мошенничество, если оно совершено в сфере предпринимательской деятельности. Печальные итоги модернизации УК РФ были отмечены многими учеными.

Например, Н. А. Лопашенко пишет: «Если посмотреть на ту редакцию УК, в какой он был принят, и ту, которая действует ныне, могу с уверенностью сказать: первое, первоначальный вариант УК был лучше и, второе, тот, первый, вариант мог прекрасно справиться со всеми проблемами, опасностями, бедами, которые встречаются ныне»¹.

Сегодня государство усиливает отрицательное отношение к коррупционному механизму формирования и оборота капитала. Используемые при этом правовые меры иногда нетрадиционны. Классические формы уголовно-правового воздействия в эпоху постмодерна уступают место новым, а правовые конструкции (составы преступлений) перестают быть классическими.

В этом контексте и надо оценивать новый состав преступления, предусмотренный в ст. 210.1 УК РФ. Из диспозиции статьи следует, что преступление состоит в занятии высшего положения в преступной иерархии. Состав этого преступления основан на характеристике личности преступника. Уголовное законодательство Российской Федерации в отдельных случаях признает общественную опасность личности виновного в качестве признака состава преступления (например, в ст.ст. 321, 264, 131, 132, 134 и 135 УК РФ).

Личность преступника появляется в составе преступления, если она определяет характер и степень общественной опасности предусмотренного в этом составе преступления². От социального статуса лично-

сти зависит порой возможность совершения преступления³. Статус лидера преступного сообщества является показателем такой возможности, он аккумулирует общественную опасность организованной преступности.

Конструкция состава преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, обусловлена прежде всего и в основном повышенной степенью общественной опасности собственно занятия высшего положения в преступной иерархии, ибо такой статус, будучи характеристикой самого преступного сообщества, предопределяет совершение тяжких или особо тяжких преступлений. Именно создание реальной возможности причинения большего вреда в связи с повышенной общественной опасностью лидера преступного сообщества и является основанием для уголовной ответственности за занятие такого положения. Также следует отметить, что общественная опасность деяния, предусмотренного в ст. 210.1 УК РФ, заключается и в том, что лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, в известной степени являются хранителями преступных традиций, благодаря им преступная деятельность получает устойчивость.

Относительно признаков преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, необходимо выяснить: 1) что означает занятие высшего положения? 2) какое положение в преступной иерархии считается высшим? Требование определенности признаков состава преступления поддерживается позицией Европейского суда по правам человека, неоднократно указывавшего на необходимость формулирования правовых норм с достаточной степенью точности⁴.

ния состояния опьянения по уголовным делам о нарушениях правил дорожного движения: реалии и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. № 2. С. 373 – 389.

³ Бурлаков В. Н. Уголовное право и личность преступника. СПб., 2006. С. 49.

⁴ «Санди Таймс» (The Sunday Times) против Соединенного Королевства : судебное решение Европейского суда по правам человека от 26 апреля 1979 г. ; Дело «Коккинакис (Kokkinakis) против Греции». (Жалоба № 14307/88) : Постановление Европейского суда по правам человека

¹ Лопашенко Н. А. Уголовно-правовое воздействие в современной России: цифры, факты, парадоксы и иллюстрации // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (III Саратовские уголовно-правовые чтения) : сб. ст. по материалам III Всерос. науч.-практ. конф. (Саратов, 29 – 30 марта 2018 г.) / Саратов. гос. юрид. акад. ; под общ. ред. Н. А. Лопашенко. Саратов, 2018. С. 9 – 28.

² Щепельков В. Ф., Бурлаков В. Н., Стойко Н. Г., Сидорова Н. А. Стандарт доказыва-

Представляется, что термин «занятие положения» следует трактовать как характеристику деяния с точки зрения наделяния высшими полномочиями или признания высших полномочий. Для того чтобы занять место в системе отношений, нужно обладать социальным основанием, и таким основанием в нашем случае является статус. А статус формируется на основе деятельности, которая обращена в прошлое, это прошлые заслуги, это право быть авторитетом в силу накопленного опыта. В преступности прошлые заслуги и авторитет основаны на рецидиве. Иерархия в преступной среде строится опять же по количеству рецидива. Преступный мир как-бы выдает преступнику специальный ярлык на высшее положение, посредством которого рецидивист приобретает статус заслуженного вора. Этот статус становится признаком личности субъекта преступления. Высшее положение означает, что его носитель может отдавать приказы, но ему никто не может отдать такой приказ.

Таким положением обладает лицо в криминальном мире, называемое вором в законе. П. А. Скобликов пишет: «Вор в законе — это особо опасный и авторитетный в своей среде профессиональный преступник, признанный лидер, активный идеолог криминального образа жизни и криминальной морали. Данный титул присваивается после специальной процедуры (“крещения”), обязательным элементом которой является рекомендация нескольких уже признанных воров в законе. Это своеобразное личное “дворянство” в криминальной среде, которое несколько десятков лет воспроизводилось сначала в СССР, а затем на постсоветском пространстве»¹.

Эволюция организованной преступности достигает такой фазы своего развития, когда возникает потребность формализовать статусные prerogatives ее лидеров. В этом смысле сама форма организованной

преступности становится доказательством статуса лидера как занимающего высшее положение в преступной иерархии, и опознавательные признаки лидера можно найти в характеристике типа преступного сообщества (его конфигурации).

С учетом криминальной устойчивости и структуры преступных сообществ (как организованных преступных группировок (ОПГ)) их можно подразделить следующим образом:

- унитарная ОПГ;
- федеративная ОПГ;
- конфедеративная ОПГ;
- авторитарно-унитарная ОПГ;
- тоталитарно-федеративная ОПГ;
- криминальный клуб².

Полагаем, что начиная с третьей конфигурации ОПГ ее лидер обладает теми полномочиями, которые позволяют отнести его к лицу, занимающему высшее положение в преступной иерархии.

Включение в УК РФ ст. 210.1 и одновременное изменение ст. 210 УК РФ, с одной стороны, не снимает с повестки дня старые проблемы применения норм УК РФ, а с другой — порождает новые вопросы по квалификации этих преступлений.

Во-первых, сохраняется проблема отнесения виновных к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии. Использованное законодателем понятие не имеет четких очертаний. В доктрине уголовного права также нет устоявшихся подходов к определению данного понятия³. Верховный Суд Российской Федерации не сформулировал критериев высшего положения в преступной иерархии. В пункте 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г.

² Бурлаков В. Н. Развитие преступности и социальный контроль // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 1. С. 65–66.

³ Валикарамов Д. Д., Коновалова Е. А. Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии: вопросы толкования и проблемы применения ч. 4 ст. 210 УК РФ // Евразийский юридический журнал. 2017. № 5 (108). С. 204–205; Рагулин А. В., Фефелов В. В. О понятии лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Уголовное право. 2010. № 5. С. 67–70.

от 25 мая 1993 г. и др. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

¹ Скобликов П. А. Высшее положение в преступной иерархии: уголовный закон, его толкование и применение // Уголовное право и криминология. 2018. № 2. С. 44–45.

№ 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» перечисляются типичные признаки лидерства в преступной иерархии. Неопределенность в отношении базового признака лидерства в преступной иерархии не могла не сказаться на решении судов, за все время существования ч. 4 ст. 210 УК РФ по ней вынесен только один обвинительный приговор.

Во-вторых, появляется необходимость в разъяснении понятия «занятие положения», использованного в ст. 210.1 УК РФ. С учетом ст. 14 УК РФ оно требует трактовки не только как наличие определенного статуса в преступной иерархии, но и как определенная разновидность общественно опасного поведения. Речь может идти об управлении преступной деятельностью, о контроле над ней, о выполнении квазисудебных функций внутри преступного сообщества и др. Кроме того, лицо, обладающее соответствующим статусом, может быть признано совершающим преступление, предусмотренное ст. 210.1 УК РФ, если оно имеет реальную возможность влиять на принятие управленческих решений в преступном сообществе. Занятие высшего положения в преступной иерархии — это не всегда активная деятельность. Для наличия состава данного преступления достаточно только самой возможности управления преступной деятельностью, которая осознается лицом как реальная (т. е. охватывается умыслом). В силу этого в предмет доказывания будут входить особый статус в преступной иерархии и наличие реальной возможности благодаря этому статусу влиять на организованную преступную деятельность.

В-третьих, включение в УК РФ ст. 210.1 порождает проблему установления соотношения норм, изложенных в ст. 210.1 и ч. 4 ст. 210 УК РФ, и, соответственно, допустимости совокупности преступлений, предусмотренных указанными нормами¹.

¹ П. А. Скобликов допускает фактическую ошибку, когда подвергает критике вышеизложенные доводы. Он пишет: «На самом деле, статус виновного может повышать общественную опасность совершенного деяния, но отсю-

Согласно буквальному смыслу закона занятие высшего положения в преступной иерархии является одним из признаков состава преступления (признаком специального субъекта преступления), предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ. К признакам объективной стороны данного состава преступления относится совершение деяния, предусмотренного чч. 1 и 1.1 настоящей статьи (создание, руководство, координация, создание устойчивых связей и др.). В статье 210.1 УК РФ в качестве признака объективной стороны указано занятие высшего положения в преступной иерархии, т. е., по сути, согласие на принятие особого статуса. При квалификации по этой статье не требуется создание, руководство, координация, создание устойчивых связей или совершение других действий по смыслу ч. 1 и ч. 1.1 ст. 210 УК РФ. В этом и состоит принципиальное отличие этих двух смежных составов преступлений.

Также нужно отметить, что преступным сообществом (преступной организацией)

да еще не следует вывод о наличии общественной опасности у статуса. Например, получение взятки лицом, занимающим государственную должность РФ или государственную должность субъекта РФ, образует квалифицированный состав получения взятки и влечет ответственность по ч. 4 ст. 290 УК РФ... Однако нет никаких оснований считать, что занятие лицом государственной должности само по себе представляет общественную опасность безотносительно осуществления этим лицом каких-либо общественно опасных действий или бездействия с его стороны. В противном случае надо упразднить государство» (Скобликов П. А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: продолжение разговора (к вопросу о толковании ст. 210.1 УК РФ) // Закон. 2019. № 11. С. 147). Во-первых, повышая наказание за получение взятки (ч. 4 ст. 290 УК РФ), закон исходит из того, что степень общественной опасности этого преступления многократно увеличивается в силу совершения или не совершения лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, служебных действий в пользу взяткодателя, а не в связи с обладанием таким лицом соответствующими полномочиями. Во-вторых, приравнять по социально-правовому смыслу высшее положение в преступной иерархии к занятию государственной должности Российской Федерации или государственной должности субъекта Российской Федерации, а именно в этом и состоит острейшая критика, означает ровно то, чего опасается ученый, а именно «надо упразднить государство».

по смыслу ст. 210 УК РФ является структурированная организованная группа или объединение организованных групп, которые до момента появления преступного сообщества (преступной организации) занимались какой-либо криминальной деятельностью. Этот признак прямо не вытекает из содержания ст. 35 УК РФ и Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12, но, по нашему мнению, его следует признать обязательным.

В силу этого при вменении ч. 4 ст. 210 УК РФ, на первый взгляд, не требуется дополнительная квалификация по ст. 210.1 УК РФ. Однако занятие высшего положения в преступной иерархии — это длящееся преступление, на фоне которого и благодаря которому совершаются иные преступления. В связи с этим предпочтителен иной подход к решению вопроса.

Если лицо обладает статусом, имеет возможность совершать действия, предусмотренные в ч. 1 и ч. 1.1 ст. 210 УК РФ, но не совершает их, то содеянное квалифицируется только по ст. 210.1 УК РФ. Если же лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, совершает действия, предусмотренные в ч. 1 и ч. 1.1 ст. 210 УК РФ, то содеянное им подлежит оценке по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ. Здесь работает логика квалификации преступлений, когда одно из них является фоном для совершения другого.

Однако такая квалификация нарушит принцип справедливости, согласно которому «никто не может нести ответственность дважды за одно и то же преступление». Избежать нарушения принципа справедливости можно, если оценивать ситуацию как перерастание одного преступления в другое, менее опасного (ст. 210.1 УК РФ) в более опасное (ч. 4 ст. 210 УК РФ), и квалифицировать содеянное только по ч. 4 ст. 210 УК РФ. Но тогда практически утрачивается самостоятельная роль ст. 210.1 УК РФ.

Оба варианта квалификации имеют «плюсы» и «минусы», и выбор одного из них заведомо сопряжен с определенными издержками.

Библиографический список

1. Бурлаков, В. Н. Развитие преступности и социальный контроль / В. Н. Бурлаков // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2002. — № 1. — С. 65–66.
2. Бурлаков, В. Н. Уголовное право и личность преступника / В. Н. Бурлаков. — Санкт-Петербург : Изд-во юрид. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. — 238 с. — ISBN 5-9645-0050-1.
3. Валикарамов, Д. Д. Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии: вопросы толкования и проблемы применения ч. 4 ст. 210 УК РФ / Д. Д. Валикарамов, Е. А. Коновалова // Евразийский юридический журнал. — 2017. — № 5 (108). — С. 204–205.
4. Лопашенко, Н. А. Уголовно-правовое воздействие в современной России: цифры, факты, парадоксы и иллюстрации / Н. А. Лопашенко // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (III Саратовские уголовно-правовые чтения) : сб. ст. по материалам III Всерос. науч.-практ. конф. (Саратов, 29–30 марта 2018 г.) / Сарат. гос. юрид. акад. ; под общ. ред. Н. А. Лопашенко. — Саратов : СГЮА, 2018. — ISBN 978-5-7924-1412-9. — С. 9–28.
5. Милоков, С. Ф. Усиление сословного (классового) начала в современной уголовно-правовой политике / С. Ф. Милоков // Совершенствование уголовного законодательства в современных условиях : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 23–24 мая 2019 г. / Балт. ин-т экологии, экономики и права ; отв. ред. В. Б. Малинин. — Санкт-Петербург : Балт. ин-т экологии, экономики и права, 2011. — С. 81–87.
6. Рагулин, А. В. О понятии лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии / А. В. Рагулин, В. В. Фефелов // Уголовное право. — 2010. — № 5. — С. 67–70.
7. Скобников, П. А. Высшее положение в преступной иерархии: уголовный закон, его толкование и применение / П. А. Скобников // Уголовное право и криминология. — 2018. — № 2. — С. 44–45.
8. Скобников, П. А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: продолжение разговора (к вопросу о толковании ст. 210.1 УК РФ) / П. А. Скобников // Закон. — 2019. — № 11. — С. 144–152.
9. Щепельков, В. Ф. Стандарт доказывания состояния опьянения по уголовным делам о нарушениях правил дорожного движения: реалии и перспективы / В. Ф. Щепельков, В. Н. Бурлаков, Н. Г. Стойко, Н. А. Сидорова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2019. — № 2. — С. 373–389.
10. Bjelopera, Jerome P. Organized Crime : An Evolving Challenge for U. S. Law Enforcement.

January 6, 2012 / Jerome P. Bjelopera, Kristin M. Finklea. — URL: <https://fas.org/sgp/crs/misc/R41547.pdf> (дата обращения: 06.05.2019).

11. Organized Crime and the Financial Crisis Recent Trends in the Baltic Sea Region / Edited by Walter Kegö, Erik Leijonmarck and Alexandru Molcean. — Institute for Security and Development Policy, 2011. — 153 p.

12. Sokolov, V. From Guns to Briefcases : The Evolution of Russian Organized Crime / V. Sokolov // World Policy Journal. — 2004. — Vol. 21, no. 1. — P. 68–74.

References

1. Bjelopera, Jerome P. Organized Crime: An Evolving Challenge for U. S. Law Enforcement. January 6, 2012 / Jerome P. Bjelopera, Kristin M. Finklea. — URL: <https://fas.org/sgp/crs/misc/R41547.pdf> (дата обращения: 06.05.2019).

2. Burlakov, V. N. Razvitie prestupnosti i social'nyj kontrol' / V. N. Burlakov // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. — 2002. — № 1. — S. 65–66.

3. Burlakov, V. N. Uголовное право i lichnost' prestupnika / V. N. Burlakov. — Sankt-Peterburg : Izd-vo jurid. fak. S.-Peterb. gos. un-ta, 2006. — 238 s. — ISBN 5-9645-0050-1.

4. Lopashenko, N. A. Uголовно-правовое vozdejstvie v sovremennoj Rossii: cifry, fakty, paradoksy i illyustracii / N. A. Lopashenko // Uголовно-правовое vozdejstvie i ego rol' v preduprezhdenii prestupnosti (III Saratovskie uголовно-pravovye chteniya) : sb. st. po materialam III Vseros. nauch.-prakt. konf. (Saratov, 29–30 marta 2018 g.) / Sarat. gos. jurid. akad. ; pod obshch. red. N. A. Lopashenko. — Saratov : SGYUA, 2018. — ISBN 978-5-7924-1412-9. — S. 9–28.

5. Milyukov, S. F. Usilenie soslovnogo (klassovogo) nachala v sovremennoj uголовно-pravovoj politike / S. F. Milyukov // Sovershenstvovanie

ugolovnogo zakonodatel'stva v sovremennyh usloviyah : sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Sankt-Peterburg, 23–24 maya 2019 g. / Balt. in-t ekologii, ekonomiki i prava ; otv. red. V. B. Malinin. — Sankt-Peterburg : Balt. in-t ekologii, ekonomiki i prava, 2011. — S. 81–87.

6. Organized Crime and the Financial Crisis Recent Trends in the Baltic Sea Region / Edited by Walter Kegö, Erik Leijonmarck and Alexandru Molcean. — Institute for Security and Development Policy, 2011. — 153 p.

7. Ragulin, A. V. O ponyatii lica, zanimayushchego vysshee polozenie v prestupnoj ierarhii / A. V. Ragulin, V. V. Fefelov // Uголовное право. — 2010. — № 5. — S. 67–70.

8. SHCHEpel'kov, V. F. Standart dokazyvaniya sostoyaniya op'yaneniya po uголовnym delam o narusheniyah pravil dorozhnogo dvizheniya: realii i perspektivy / V. F. SHCHEpel'kov, V. N. Burlakov, N. G. Stojko, N. A. Sidorova // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. — 2019. — № 2. — S. 373–389.

9. Skoblikov, P. A. Vysshee polozenie v prestupnoj ierarhii: uголовnyj zakon, ego tolkovanie i primenenie / P. A. Skoblikov // Uголовное право i kriminologiya. — 2018. — № 2. — S. 44–45.

10. Skoblikov, P. A. Zanyatie vysshego polozenia v prestupnoj ierarhii: prodolzhenie razgovora (k voprosu o tolkovanii st. 210.1 UK RF) / P. A. Skoblikov // Zakon. — 2019. — № 11. — S. 144–152.

11. Sokolov, V. From Guns to Briefcases : The Evolution of Russian Organized Crime / V. Sokolov // World Policy Journal. — 2004. — Vol. 21, no. 1. — P. 68–74.

12. Valikaramov, D. D. Lico, zanimayushchee vysshee polozenie v prestupnoj ierarhii: voprosy tolkovaniya i problemy primeneniya ch. 4 st. 210 UK RF / D. D. Valikaramov, E. A. Konovalova // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. — 2017. — № 5 (108). — S. 204–205.

Я. И. ГИЛИНСКИЙ

УДК 343.98

ТЕРРОРИЗМ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Политические убийства были во все времена существования государства. Однако терроризм появился в конце XIX века, и его начало нередко связывают с деятельностью российских террористов. Современный же, глобальный терроризм начался в 1970-е годы и обусловлен, очевидно, вхождением человечества в новую эпоху — эпоху пост-

модерна (постклассическую, постиндустриальную).

Терроризм (от лат. *terror* — страх, ужас) — одна из серьезнейших современных социальных проблем, потенциально или актуально затрагивающих каждого из нас. Однако эта проблема, которая требует обстоятельного изучения, нередко мифологизируется.

В многочисленных (более ста) определениях терроризма обычно отмечаются два основных признака:

применение или угроза применения насилия; его политическая (в широком смысле слова) мотивация.

Но есть еще один важный признак терроризма как социального явления, а не индивидуального акта политического убийства: *неопределенный круг объектов* террористического акта, применение насилия в отношении неопределенного круга лиц ради достижения отдаленной цели — удовлетворение политического (экономического, социального, религиозного) требования. Ибо «о терроризме можно говорить лишь тогда, когда смыслом поступка является устрашение, наведение ужаса. Это основная черта терроризма, его специфика»¹.

О сложности и возможном субъективизме определения терроризма высказался W. Laqueur: «Один — террорист, другой — борец за свободу»². Че Гевара — террорист или борец за свободу? Вопрос, который я задаю студентам и получаю неоднозначные ответы... Эта тема подробно рассматривается в статье сотрудника Международного полицейского института по контртерроризму В. Ganor³. Как различить терроризм и партизанскую войну, терроризм и революционное насилие, терроризм и борьбу за национальное освобождение?

Многое зависит от позиции субъекта оценки тех или иных насильственных действий по политическим мотивам. В. Ganor проводит тщательный анализ, выявляя различия между исследуемыми феноменами. Для начала он разграничивает *объявленную войну* — между государствами и *необъявленную войну* — между организациями и государством. Последняя включает *терроризм* и *партизанскую войну*. Кроме того, к необъ-

явленной войне могут относиться деятельность анархистов, борцов за свободу, революционеров, а также действия *ad hoc* (по конкретному случаю). Принципиальное различие между терроризмом и партизанской войной состоит в том, что *партизанская война* ведется *против комбатантов* — *вооруженных сил*, военных и военной техники, а *терроризм* направлен *против мирного населения*, «некомбатантов» (*noncombatant*), при этом сохраняется политическая мотивация насильственных действий. Это различие представляется весьма существенным и позволяющим конкретизировать некоторые оценки. Другое дело, что и предлагаемое различие носит условный характер (мирное население может также оказаться жертвой партизанских действий, как, впрочем, и «точечных ударов»). В результате солидного исследования В. Ganor называет три важнейших элемента терроризма: (1) *применение или угроза применения насилия*; (2) *политические цели* (мотивы) деятельности; (3) *реальными целями* оказывается *мирное население, граждане*⁴.

Следует разграничивать *терроризм* (против неопределенного круга лиц) и *индивидуальный террористический акт* против конкретного лица — государственного или общественного деятеля. Например, различаются террористический акт 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и убийство президента США Роберта Кеннеди 6 июня 1968 г. В российском уголовном законодательстве это такие составы преступлений, как террористический акт (ст. 205 УК РФ) и посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ).

Значительно реже помнят о различии террора и терроризма:

террор со стороны правящих властных структур (или «насилие сильных над слабыми», присущее, прежде всего, тоталитарным режимам);

терроризм как насилие и устрашение «слабыми сильных», «оружие слабых, жертв “государственного террора”»⁵.

¹ Антонян Ю. М. Терроризм: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998. С. 8.

² Laqueur W. The Age of Terrorism. Toronto, 1987. P. 302.

³ Ganor B. Defining Terrorism : Is one Man's Terrorist another Man's Freedom Fighter? // Police Practice & Research : An International Journal. 2002. Vol. 3, № 4. P. 287 — 304.

⁴ Ibid. P. 294 — 295.

⁵ 50/50. Опыт словаря нового мышления / ред.-сост. Г. Козлова ; под общ. ред. Ю. Афанасьева, М. Ферро. М., 1989. С. 310, 314.

Иначе говоря, «террор является насилием и устрашением, используемым объективно более сильным в отношении более слабых; терроризм — это насилие и устрашение, используемое более слабым в отношении более сильного»¹.

Понятно, что власти, режиму любой страны не очень хочется признавать, что нередко политика репрессий, террора порождает ответную реакцию в виде террористических организаций и терроризма. Ситуация осложняется в современную эпоху постмодерна, когда, во-первых, все человечество и население каждой страны поделено на *включенных (included)* в активную экономическую, политическую, культурную жизнь и *исключенных (excluded)* из активной экономической, политической, культурной жизни. Причем именно «исключенные» являются основной социальной базой преступности, в том числе терроризма, а также наркотизма, самоубийств, проституции². А во-вторых, террористы овладевают новыми технологиями. Возможен кибертерроризм.

Террористические организации и террористы-одиночки представляют — осознанно или нет — интересы массы *excluded* («исключенных») в современном мире. Поляризация на очень богатое и властное меньшинство «включенных» (*included*) и очень бедное и бесправное большинство «исключенных» (при относительном размывании среднего класса — основы устойчивости социальных систем) приводит в условиях глобализации к опасному для всего человечества разделению стран и жителей каждой страны на *included/excluded*. Так, различаются «включенные» страны «золотого миллиарда» и «исключенные» — все остальные.

Но ведь и российские террористы эпохи паризма — народовольцы либо сами были «униженные и оскорбленные» (по Ф. Достоевскому), аналог нынешних «исключен-

ных», либо они выступали от имени «униженных и оскорбленных».

Классическим примером крайне негативного поведения «исключенного» служит страшный террористический акт 14 июля 2016 г. в Ницце: «Террористом в Ницце оказался неудачник-разведка с целым букетом проблем и комплексов. Ницца, кстати, ...это солидное тихое место для солидных господ, в котором понятие “бюджетное жилье” начинается с уровня, который в любом другом месте будет считаться респектабельным и элитным. Так что если нужно, чтобы объект ненависти оказался тем, кем надо, — можно ехать сквозь толпу напролом, не ошибешься... Фактически перед нами классический свихнувшийся неудачник, реализовавший свои комплексы и ненависть к окружающему богатому и равнодушному миру... К теракту в Ницце можно пристегивать кого угодно — и националистов, и ИГИЛ, и каких-нибудь леваков-марксистов. Они все про это — про несправедливость и равнодушие к маленькому человеку. Рецепты у всех свои, но среда, в которой их идеи востребованы, — она одна на всех. И не бомбить далекие пески нужно, а лечить страну и общество. И это не только к Франции относится, скажем откровенно»³. И еще: «Мигранты часто ощущают себя людьми второго сорта. Молодые и харизматичные люди — выходцы из мусульманских стран и их дети — пытаются найти какую-то новую идентичность, обращаясь к историческим корням, и в итоге часто приходят к радикальным течениям»⁴. И в США «появляется множество одиноких, отчужденных молодых людей, стремящихся к самоутверждению через насилие»⁵.

Обратимся к Бельгии: «Без попытки решения вопроса вот этих замкнутых анклавов получается, например, как с кварталом

³ Маленький человек // Живой журнал : сервис онлайн-дневников. URL: <http://el-murid.livejournal.com/2883448.html> (дата обращения: 11.09.2017).

⁴ Теракт в Ницце // Сноб. 2016. 15 июля.

⁵ Брукс Д. На пути к национальной катастрофе? // Иносми.ру : сайт. URL: <https://inosmi.ru/politic/20160713/237169898.html> (дата обращения: 18.10.2019).

¹ Бернгард А. Стратегия терроризма. Варшава, 1978. С. 23.

² Гишинский Я. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 4-е изд., перераб. и доп. СПб., 2018. С. 170–175.

Моленбек, известным концентрацией представителей мусульман... который стал центром терроризма европейского масштаба. Он возник сам, его не создавали: беднейшие слои населения сконцентрировались в этом районе; беднейшие слои населения притягивали бедное обслуживание, бедное образование. А бедное плохое образование выталкивает людей из общественной жизни, воспроизводит, точнее, создает заново социально-религиозную, социально-расовую дискриминацию... Конечно, такой род замкнутых кварталов — это котел, который формирует резервы террористов»¹. Вообще «религиозная мотивация наиболее радикальна, так как само основание религии — человек, верящий в посмертное существование, меньше всего подвержен рациональному воздействию. Поэтому борьба с подобным терроризмом с точки зрения усиления уголовного закона неэффективна: применение самых строгих мер наказания вплоть до смертной казни будет рассматриваться религиозными террористами как награда»². Поэтому, в частности, бессмысленны возникающие время от времени в России предложения восстановить смертную казнь в отношении террористов.

По мнению вице-президента Международной ассоциации ветеранов подразделения антитеррора «Альфа» А. Филатова, «дело в том, что террористами люди не рождаются, а становятся по каким-то причинам. Надо искать эти причины и устранять их. Это серьезная глобальная проблема. Терроризм — это средство борьбы, как правило, слабой стороны против сильной. Если мы в разы не уменьшим угрозу, если будут условия, толкающие людей на эту сторону, террористы все равно будут просачиваться. Если мы завтра поставим датчики, выявляющие взрывные устройства, на всю

территорию страны, террористы пересядут на машины или возьмутся за ножи»³. Терракты последних лет свидетельствуют о том, что уже и пересели, и за ножи взялись...

Это глобальный процесс, и его последствия недостаточно осознаются правящими элитами современного мира. *Terror вызывает терроризм*. Или, как писал петербургский экономист Д. Травин: «Не мочите, да не мочимы будете!». И не важно, кто «первым начал»: за политические игры человечеству приходится расплачиваться горами трупов.

Права человека первичны и неотъемлемы (ст.ст. 1, 2, 3 Всеобщей декларации прав человека 1948 года). Сегодня все чаще повторяется аксиома: государство для человека, а не человек для государства⁴. Нарушение прав человека рождает ответную насильственную реакцию, в частности — терроризм. *Требования ограничить права человека ради «борьбы с терроризмом» абсурдны*. Во-первых, тем самым создается идеологическая база оправдания терроризма (как ответа на террор властных структур). Во-вторых, повышается риск граждан стать жертвой нарушения прав человека. Вообще дилемма «меры безопасности vs права и свободы граждан» — одна из наиболее актуальных в современном мире постмодерна, когда государство приобретает все больше технологических возможностей следить за каждым. Где и как найти оптимальную грань между «мерами безопасности» и правами человека? Злоупотребления властью, нарушающие права и свободы человека, сегодня отчетливо проявляются в Китае («цифровой концлагерь») и набирают силы в США⁵. Это очень опасная тенденция, о чем предупреждают российские и немецкие коллеги:

³ Борьба с терроризмом на входах в метро и аэропорты — неэффективно // Известия. 2017. 10 апр.

⁴ Гилинский Я. Уголовная политика государства и человек // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 1–2 ноября 2019 г. / Рос. гос. ун-т правосудия. СПб., 2019. С. 105–111.

⁵ См., напр.: Гуринская А. Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ. СПб., 2018. 398 с.

¹ Почему террор набирает обороты в развитах мире? Объясняет политолог и этнограф Эмиль Паин. URL: <https://open.russia.org/post/view/16544> (дата обращения: 04.08.2017).

² Григорьев Н., Родюков Э. Современный религиозный терроризм как он есть // Независимое военное обозрение : газета. URL: http://nvo.ng.ru/gpolit/2017-07-21/1_957_terrorism.html (дата обращения: 21.08.2019).

«Безопасность относится к дискурсу политики безопасности и оказывается медленно действующим ядом для правового государства, которое им разрушается» (проф. Й. Арнольд); «Человеческая история — это драма, в которой средства защиты превращаются в источники опасности, для защиты от которых создаются новые средства, которые вновь становятся опасными» (проф. Н. В. Щедрин)¹.

Права человека и криминальные риски, включая терроризм, находятся в обратной, а не прямой зависимости: *чем надежнее защита прав человека, тем ниже вероятность криминальных рисков*.

История политических репрессий (террора) и террористических актов в виде политических убийств уходит в глубь веков². Однако большинство исследователей отмечают существенные отличия современного терроризма как «неотъемлемой части государственного террора — одной из форм государственной политики» (М. Ферро)³ и как систематического устрашения общества насилием: массовый характер (вплоть до геноцида со стороны властных структур⁴), все возрастающее количество терактов и их жертв, глобализация (интернационализация) терроризма.

Нью-Йоркская трагедия 11 сентября 2001 г. стала страшным символом новых вызовов XXI века (как Освенцим — символом бесчеловечности XX века). Знаменательно, что в качестве объекта самого страшного террористического акта в мировой истории были выбраны Нью-Йорк («Город Желтого

Дьявола» М. Горького!) и Международный торговый центр — символы стран «Золотого миллиарда» («включенных»).

Многочисленны проявления и методы терроризма: захват транспортных средств и заложников; уничтожение транспортных коммуникаций; взрывы, поджоги; отравление источников питания и водоснабжения; применение отравляющих веществ; угрозы применения этих и иных мер и др.

Не останавливаясь на юридической (уголовно-правовой) стороне терроризма⁵, рассмотрим некоторые его социально-политические аспекты.

Терроризм, приводя к бесчисленным жертвам и принося неисчислимы страдания, является *преступной* деятельностью и заслуживает самой суровой оценки. Но социально-политическая сущность терроризма и желание противодействовать ему требуют более широкого подхода, чем только юридический. Да, террористам нет оправдания с общечеловеческой, принятой мировым сообществом и международными организациями точки зрения. Но ведь терроризм — преступление «особого рода». С точки зрения террористов, организаций и движений, прибегающих к террористическим методам, их требования, отстаиваемые идеи — «справедливы», имеют не меньшую ценность, чем те, против которых они выступают. Поэтому вооруженная борьба с терроризмом, носящим политический (этнический, конфессиональный, идеологический) характер, малоэффективна.

Необходимы прежде всего политические, экономические, дипломатические меры. Сколько лет в Северной Ирландии, в Ольстере, происходили теракты! Удалось же мирным путем их прекратить (Белфастское соглашение 1998 года). Прекратила деятельность террористическая организация басков ЭТА в Испании. С 1994 года не

¹ Криминология — уголовное право — право безопасности: схватка или единение? : междунар. беседа по криминологии закона, 12 октября 2018 г. // Санкт-Петербургский международный криминологический клуб. URL: <http://www.criminologyclub.ru/home/3-last-sessions/347-2018-10-20-07-48-31.html> (дата обращения: 07.10.2019).

² Применительно к России, «колыбели терроризма», см.: История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях : доп. учеб. пособие для студентов вузов / авт.-сост. О. В. Будницкий. Изд. 2-е, доп. и перераб. Ростов н/Д, 1996. 573 с.

³ 50/50. Опыт словаря... С. 313.

⁴ Kressel N. Mass Hate : The Global Rise of Genocide and Terror. Plenum Press, 1996.

⁵ Емельянов В. П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. СПб., 2002. 289 с. ; Комиссаров В. С. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против безопасности общества по новому УК РФ. М., 1997. 159 с. ; Овчинникова Г. В. Терроризм / науч. ред. Б. В. Волженкин. СПб., 1998. 36 с.

было терактов со стороны алжирских террористов во Франции (что не исключило, к сожалению, терактов со стороны других террористов).

Насилие и ненависть рождают насилие и ненависть, формируют идеологию и субъектов «преступлений ненависти» (*hatecrimes*). Поэтому «искусство цивилизованной жизни состоит в том, чтобы не плодить недовольных, обиженных, “мучеников”, а строить благополучие людей в контексте их долгосрочных отношений друг с другом»¹.

Мировое сообщество в целом и каждое государство в отдельности должны предпринимать прежде всего *политические* (экономические, социальные) усилия по *предотвращению условий* для терроризма, по ненасильственному разрешению межэтнических, межконфессиональных, социальных конфликтов. Конечно, провозгласить принцип ненасильственного, упреждающего терроризма решения назревших проблем и конфликтов легче, чем его реализовать. Но *не существует «простых решений» сложных социальных проблем*. Так называемые простые решения («ликвидировать», «подавить», «уничтожить») либо неосуществимы, либо приводят к еще большему осложнению ситуации. Можно (и нужно) преследовать исполнителей терактов, но нельзя уголовно-правовыми, карательными мерами устранить *причины, источники* терроризма как метода «решения» социальных (этнических, религиозных, политических, идеологических) конфликтов.

Не существует универсальных рецептов предупреждения терроризма и разрешения сложных проблем, лежащих в его основе. Некоторые общие подходы предлагаются в конфликтологической, политологической литературе².

Важно понять:

мир без насилия в обозримом будущем невозможен;

¹ Дмитриев А. В., Кудрявцев С. В., Кудрявцев В. Н. Введение в общую теорию конфликтов : Юридическая конфликтология / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1993. Ч. 1. С. 171.

² Дмитриев А. В. Конфликтология : учеб. пособие. М., 2000. С. 221 – 277 ; Дмитриев А. В., Кудрявцев С. В., Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 162 – 208.

основная антитеррористическая задача – максимально сокращать масштабы терроризма (как насилия «слабых» по отношению к «сильным»);

основной путь такого сокращения – предупреждение или урегулирование социальных проблем и конфликтов ненасильственными, не репрессивными, политическими методами.

«Абсолютно ненасильственный мир – это нереальная перспектива. Более реальной выглядит задача сократить масштабы политического насилия, попытаться свести его к минимуму. Об этом свидетельствует политическая жизнь развитых демократических государств, где насилие чаще всего второстепенное средство власти»³.

Библиографический список

1. 50/50. Опыт словаря нового мышления / [ред.-сост. Г. Козлова] ; под общ. ред. Ю. Афанасьева, М. Ферро. – Москва : Прогресс, 1989. – 557, [1] с. – ISBN 5-01-002295-8.
2. Антонян, Ю. М. Терроризм: криминологическое и уголовно-правовое исследование / Ю. М. Антонян. – Москва : Щит-М, 1998. – 305, [1] с. – ISBN 5-8006-0001-5.
3. Брукс, Д. На пути к национальной катастрофе? / Д. Брукс // Иносми.ру : сайт. URL: <https://inosmi.ru/politic/20160713/237169898.html> (дата обращения: 18.10.2019).
4. Гилинский, Я. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я. Гилинский. – 4-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург : Алет-Пресс, 2018. – 515, [1] с. – ISBN 978-5-905966-55-2.
5. Гилинский, Я. Уголовная политика государства и человек / Я. Гилинский // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 1–2 ноября 2019 г. / Рос. гос. ун-т правосудия. – Санкт-Петербург : Астерион, 2019. – С. 105–111. – ISBN 978-5-00045-762-7.
6. Григорьев, Н. Современный религиозный терроризм как он есть / Н. Григорьев, Э. Родюков // Независимое военное обозрение : газета. – URL: http://nvo.ng.ru/gpolit/2017-07-21/1_957_terrorism.html (дата обращения: 21.08.2019).
7. Гуринская, А. Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ / А. Л. Гуринская. – Санкт-Петербург : Рос. гос. педагог. ун-т им. А. И. Герцена, 2018. – 398 с. – ISBN 978-5-8064-2528-8.
8. Дмитриев, А. В. Введение в общую теорию конфликтов : Юридическая конфликтология. Ч. 1 / А. В. Дмитриев, С. В. Кудрявцев, В. Н. Куд-

³ Дмитриев А. В., Залысин И. Ю. Насилие: социологический анализ. М., 2000. С. 296.

ржавцев ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев. — Москва : ИНИОН РАН, 1993. — 212 с.

9. Дмитриев, А. В. Конфликтология : учеб. пособие / А. В. Дмитриев. — Москва : Гардарики, 2000. — 320 с. — ISBN 5-8297-00444-1.

10. Дмитриев, А. В. Насилие: социологический анализ / А. В. Дмитриев, И. Ю. Залысин. — Москва : РОССПЭН, 2000. — 327, [1] с. — ISBN 5-8243-0149-2.

11. Емельянов, В. П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование / В. П. Емельянов. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2002. — 289 с. — (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса). — ISBN 5-94201-064-1.

12. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях : доп. учеб. пособие для студентов вузов / авт.-сост. О. В. Будницкий. — Изд. 2-е, доп. и перераб. — Ростов-на-Дону : Феникс, 1996. — 573 с. — ISBN 5-85880-137-4.

13. Комиссаров, В. С. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против безопасности общества по новому УК РФ / В. С. Комиссаров. — Москва : Кросна-Лекс, 1997. — 159 с.

14. Овчинникова, Г. В. Терроризм / Г. В. Овчинникова ; науч. ред. Б. В. Волженкин. — Санкт-Петербург : С.-Петербург. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 1998. — 36 с. — (Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе). — ISBN 5-8909-4048-1.

15. Ganor, B. Defining Terrorism : Is one Man's Terrorist another Man's Freedom Fighter? / B. Ganor // *Police Practice & Research : An International Journal*. — 2002. — Vol. 3, № 4. — P. 287–304.

16. Kressel, N. Mass Hate : The Global Rise of Genocide and Terror / N. Kressel. — Plenum Press, 1996.

17. Laqueur, W. The Age of Terrorism / W. Laqueur. — Toronto : Little, Brown & Co, 1987.

18. Long, D. The Anatomy of Terrorism / D. Long. — The Free Press, 1990.

References

1. 50/50. Opyt slovarya novogo myshleniya / [red.-sost. G. Kozlova] ; pod obshch. red. YU. Afanas'eva, M. Ferro. — Moskva : Progress, 1989. — 557, [1] s. — ISBN 5-01-002295-8.

2. Antonyan, YU. M. Terrorizm: kriminologicheskoe i ugovolno-pravovoe issledovanie / YU. M. Antonyan. — Moskva : SHCHit-M, 1998. — 305, [1] s. — ISBN 5-8006-0001-5.

3. Bruks, D. Na puti k nacional'noj katastrofe? / D. Bruks // *Inosmi.ru* : sajt. URL: <https://inosmi.ru/politic/20160713/237169898.html> (data obrashcheniya: 18.10.2019).

4. Dmitriev, A. V. Konfliktologiya : ucheb. posobie / A. V. Dmitriev. — Moskva : Gardariki, 2000. — 320 s. — ISBN 5-8297-00444-1.

5. Dmitriev, A. V. Nasilie: sociologicheskij analiz / A. V. Dmitriev, I. YU. Zalyzin. — Moskva : ROSSPEN, 2000. — 327, [1] s. — ISBN 5-8243-0149-2.

6. Dmitriev, A. V. Vvedenie v obshchuyu teoriyu konfliktov : YUridicheskaya konfliktologiya. CH. 1 / A. V. Dmitriev, S. V. Kudryavcev, V. N. Kudryavcev ; otv. red. V. N. Kudryavcev. — Moskva : INION RAN, 1993. — 212 s.

7. Emel'yanov, V. P. Terrorizm i prestupleniya s priznakami terrorizirovaniya: ugovolno-pravovoe issledovanie / V. P. Emel'yanov. — Sankt-Peterburg : YUrid. centr Press, 2002. — 289 s. — (Teoriya i praktika ugovolnogo prava i ugovolnogo procesa). — ISBN 5-94201-064-1.

8. Ganor, B. Defining Terrorism : Is one Man's Terrorist another Man's Freedom Fighter? / B. Ganor // *Police Practice & Research : An International Journal*. — 2002. — Vol. 3, № 4. — P. 287–304.

9. Gilinskij, YA. Kriminologiya: teoriya, istoriya, empiricheskaya baza, social'nyj kontrol' / YA. Gilinskij. — 4-e izd., pererab. i dop. — Sankt-Peterburg : Alef-Press, 2018. — 515, [1] s. — ISBN 978-5-905966-55-2.

10. Gilinskij, YA. Ugolovnaya politika gosudarstva i chelovek / YA. Gilinskij // *Ugolovnaya politika i pravoprimeritel'naya praktika : sb. materialov VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Sankt-Peterburg, 1–2 noyabrya 2019 g.* / Ros. gos. un-t pravosudiya. — Sankt-Peterburg : Asterion, 2019. — S. 105–111. — ISBN 978-5-00045-762-7.

11. Grigor'ev, N. Sovremennyy religioznyj terrorizm kak on est' / N. Grigor'ev, E. Rodyukov // *Nezavisimoe voennoe obozrenie : gazeta*. — URL: http://nvo.ng.ru/gpolit/2017-07-21/1_957_terrorizm.html (data obrashcheniya: 21.08.2019).

12. Gurinskaya, A. L. Anglo-amerikanskaya model' preduprezhdeniya prestupnosti: kriticheskij analiz / A. L. Gurinskaya. — Sankt-Peterburg : Ros. gos. pedagog. un-t im. A. I. Gercena, 2018. — 398 s. — ISBN 978-5-8064-2528-8.

13. Istoriya terrorizma v Rossii v dokumentah, biografijah, issledovaniyah : dop. ucheb. posobie dlya studentov vuzov / avt.-sost. O. V. Budnickij. — Izd. 2-e, dop. i pererab. — Rostov-na-Donu : Feniks, 1996. — 573 s. — ISBN 5-85880-137-4.

14. Komissarov, V. S. Terrorizm, banditizm, zahvat zalozhnika i drugie tyazhkie prestupleniya protiv bezopasnosti obshchestva po novomu UK RF / V. S. Komissarov. — Moskva : Krosna-Leks, 1997. — 159 s.

15. Kressel, N. Mass Hate : The Global Rise of Genocide and Terror / N. Kressel. — Plenum Press, 1996.

16. Laqueur, W. The Age of Terrorism / W. Laqueur. — Toronto : Little, Brown & Co, 1987.

17. Long, D. The Anatomy of Terrorism / D. Long. — The Free Press, 1990.

18. Ovchinnikova, G. V. Terrorizm / G. V. Ovchinnikova ; nauch. red. B. V. Volzhenkin. — Sankt-Peterburg : S.-Peterb. yurid. in-t General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii, 1998. — 36 s. — (Sovremennye standarty v ugovolnom prave i ugovolnom processe). — ISBN 5-8909-4048-1.

О СОСТОЯНИИ, ТЕНДЕНЦИЯХ И ПЕРСПЕКТИВАХ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

В настоящее время российская уголовная политика в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков характеризуется нестабильностью, ее приоритеты изменены. Внимание общества, в том числе и с помощью средств массовой информации, сосредоточено на преступности экстремистской направленности, коррупции и ослаблено по отношению к проблеме незаконного оборота наркотиков, которая сегодня воспринимается как неактуальная. Все это происходит не случайно.

Включение в уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство многочисленных новелл, от увеличения числа составов преступлений до необоснованного ужесточения санкций за их совершение, не повлияло на улучшение наркоситуации. Это одна из причин «законодательного застоя» в антинаркотическом законодательстве.

Вторая причина, не менее важная, — ресурсная: наблюдается ослабление внимания специалистов к вопросам признания:

опасности наркопреступности;
приоритета профилактической работы с молодежью;

особенностей менталитета российского населения, независимо от того, что оно в последние годы значительно «разбавилось» мигрантами.

Именно на государственном признании первоочередного значения данных обстоятельств должно строиться совершенствование антинаркотической уголовной политики.

Уровень опасности наркопреступлений остается высоким. Продолжают синтезироваться новые наркотики, пополняющие наркорынок, молодежь и несовершеннолетние по-прежнему являются основными потерпевшими и наркопреступниками. Методы приобщения — старые, всем известные. На «наркокрючок» подсаживают так же, как и десять лет назад... Поэтому приостановка процесса совершенствования

уголовного законодательства в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков — это признание потери вектора движения.

Своей приостановкой законодатель признает поражение. В моем представлении, такая приостановка оправдана, если не знаешь, куда двигаться. Предыдущие шаги не дали результатов, наркоситуация не контролируется, развивается по своим законам.

В «воронку» наркозависимости, под которой мы понимаем не только заболеваемость наркоманией, но и преступную деятельность, связанную с наркотиками, втягиваются все новые и новые малолетние, несовершеннолетние и представители молодежи.

Приоритет профилактической работы с несовершеннолетними и молодежью по-прежнему остается первоочередным направлением совершенствования антинаркотической уголовной политики. Государственные меры, направленные на увеличение рождаемости, важны, но в приоритете — здоровое потомство, сохранение здоровой нации, а потому важнейшей задачей является первичная профилактика, которая должна быть системной и непрерывной. Однако предусмотренные Федеральной целевой программой «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на 2005—2009 годы», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 13 сентября 2005 г. № 561, единые профилактические программы для сотрудников правоохранительных органов больше не внедряются. Такие программы, как «Основы профилактики наркомании и наркопреступности» и «Основные технологии профилактики наркомании», были реализованы в форме повышения квалификации и переподготовки сотрудников правоохранительных органов в образовательных учреждениях МВД России и ФСКН России. Их главное назначение состояло в

подготовке сотрудников силовых структур к работе с населением и специалистами, сталкивающимися с проблемой наркозависимости и наркопреступности несовершеннолетних и молодежи. Проведенные в последнее десятилетие кадровые реформы в системе МВД России, реорганизация ФСКН России привели к значительному обновлению кадров, которые не готовы к работе с населением в условиях постоянных наркоугроз. Такие профилактические программы нужны и для специалистов в сфере образования. Осуществление профилактической работы с несовершеннолетними и молодежью профессионально подготовленными специалистами остается неизменным направлением совершенствования антинаркотической уголовной политики.

Тенденцией международного права является повсеместное признание финансового приоритета государств, который должен базироваться на экономических законах, подчиняющих все отношения в обществе, в том числе и криминальную организацию деятельности, приносящей финансовый доход.

Влияние такой международной тенденции на политику России связано с рекомендацией Глобальной комиссии по наркополитике инициировать реформы по легализации рынка наркотиков и с проектом Резолюции о разрешении применения метадона во всем мире¹.

Призыв членов Глобальной комиссии по наркополитике объясняется тем, что в мире примерно 250 млн человек употребляют наркотики. Это согласуется с нашим мнением о том, что причина попытки изменения уголовной политики в наркосфере во всем мире кроется в многочисленности наркопотребителей. При этом сокращение финансирования силовых структур, сдерживающих сегодня на определенном уровне наркоугрозы, обернется для России большими затратами на здравоохранение. Европейский опыт это подтверждает.

Специалисты признают, что уголовно-правовые меры противодействия нар-

копреступлениям малоэффективны. Среди причин — организационные, ресурсные проблемы правоохранительных органов.

Нуждаются в корректировке и санкции ст.ст. 228–234.1 УК РФ. Их изменение в сторону ужесточения ответственности не снизило уровень наркопреступности, криминологически необоснованно и не востребовано правоприменителем.

Так, ч. 3 ст. 228 УК РФ предусматривает основное наказание в виде лишения свободы сроком от 10 до 15 лет. Часть 5 ст. 228.1 УК РФ — пожизненное лишение свободы. Часть 4 ст. 229 УК РФ — лишение свободы сроком от 15 до 20 лет. Часть 4 ст. 229.1 — пожизненное лишение свободы. Для сравнения: ч. 1 ст. 105 УК РФ (убийство) предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 6 до 15 лет. То есть жизнь человека, по мнению законодателя, представляет меньшую ценность.

Обратимся к международным документам. В статье 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года закреплены условия лишения свободы. Данные положения применимы к наркоманам.

В соответствии со статьей «Право на охрану здоровья» Европейской социальной хартии 1961 года государство обязуется устранять «насколько это возможно, причины плохого здоровья». Это обязательство «может быть выполнено при наличии... общих мер, направленных на... борьбу с... наркоманией»².

Так, за деяния, направленные на склонение к потреблению наркотических средств и психотропных веществ, предусмотренные в ст.ст. 228.1, 230, 232, 234, 234.1 УК РФ, должно назначаться более суровое наказание, чем за иные наркопреступления.

При определении уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков нужно учесть разный уровень их общественной опасности, и на основании этого обстоятельства законодателю следует пересмотреть санкции ст.ст. 228–234.1 УК РФ.

¹ Готчина Л. В. Война с наркотиками продолжается: о ее перспективах // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 4 (54). С. 56.

² Фролова Н., Халлберг Т., Зазулин Г. Практика антинаркотической деятельности городов и направления ее совершенствования. Вып. 1. М.; Стокгольм, 2005. С. 26.

Недостаточная эффективность уголовно-правовых норм о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотиков сегодня объяснима и проблемами в системе правоохранительных органов.

В частности, расширение функций полицейского, его правовая незащищенность по сравнению с представителями иных правоохранительных органов, предвзятое отношение законодателя к сотрудникам полиции, проявляющееся хотя бы в содержании п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ, разрушили преемственность в работе, привели к потере престижности профессии полицейского, массовому омоложению, текучести и некомплектности кадров. Результат этого — ухудшение физического и психического здоровья сотрудников полиции, как следствие — повышение латентности всей российской преступности и наркопреступности в частности.

Прогноз наркоситуации и уголовной политики в отношении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков следующий:

продолжится изготовление метадона в российских регионах; увеличится число потребителей метадона; актуализируется работа международных организаций по лоббированию метадоновой терапии. Ее признание для России неприемлемо;

активизируются попытки легализации международного наркорынка. При этом равнение на методы контроля за рынком алкоголя или табака ошибочно. Лечение алкоголизма и наркомании занимается нарколог. Эти болезни имеют общие признаки. Однако разница между ними в том, что первая болезнь лечится, а вторая — нет. При своевременном вмешательстве возможна временная остановка наркоупотребления (ремиссия) с колеблющимся сроком от маленьких периодов до больших. Пребывающие в ремиссии лица думают, что вылечились. Так считают и их родные. Однако начало употребления наркотиков вновь приводит к развитию болезни начиная со стадии, которая была до ремиссии. Именно поэтому методы контроля за рынком алкоголя или табака

никак не допустимы для контроля незаконного наркооборота; их применение, если такое реализуется, увеличит объемы наркозаболеваемости и темпы сокращения российского населения.

Поэтому инициирование на международном уровне и поддержание авторитетными российскими специалистами отмены наркозапретов с перспективой изменения национальной уголовной политики в отношении наркопреступлений, попытки изменения российского менталитета, очаговая профилактическая работа с молодежью представляют для россиян угрозу национальной безопасности. Она выражается в попытке внедрить механизм самоуничтожения населения, что облегчит захват территории и поставит под сомнение сохранение суверенности российского государства.

Уголовная политика в отношении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков должна выстраиваться на основе сохранения единых многолетних запретов на незаконный оборот наркотиков, пересмотра санкций статей и квалифицирующих признаков составов преступлений, несомненно, обладающих большим профилактическим потенциалом.

Библиографический список

1. Готчина, Л. В. Война с наркотиками продолжается: о ее перспективах / Л. В. Готчина // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2018. — № 4 (54). — С. 54–57.
2. Фролова, Н. Практика антинаркотической деятельности городов и направления ее совершенствования / Н. Фролова, Т. Халлберг, Г. Зазулин. — Вып. 1. — Москва ; Стокгольм : Орбита-М, 2005. — 158 с. — ISBN 5-85210-234-2.

References

1. Frolova, N. Praktika antinarkoticheskoy deyatel'nosti gorodov i napravleniya ee sovershenstvovaniya / N. Frolova, T. Hallberg, G. Zazulin. — Vyp. 1. — Moskva ; Stokgol'm : Orbita-M, 2005. — 158 s. — ISBN 5-85210-234-2.
2. Gotchina, L. V. Vojna s narkotikami prodolzhaetsya: o ee perspektivah / L. V. Gotchina // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. — 2018. — № 4 (54). — S. 54–57.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Современный глобализированный мир порождает все более разнообразные угрозы. Одной из наиболее опасных тенденций последнего десятилетия, по крайней мере в некоторых регионах мира, следует признать расширение сотрудничества между организованными преступными группами и террористическими организациями. Причем уровень интеграции между ними таков, что порой их трудно отличить друг от друга. Такое сотрудничество создает значительные угрозы международному миру и безопасности.

Геополитические факторы, детерминирующие современную организованную преступную и террористическую деятельность, во многом совпадают. Это и кризис, и слабость структур государственной власти в странах, находящихся на переходном этапе, и появление новых возможностей для сокрытия и перевода денежных средств, для отмывания денег, которые препятствуют эффективному контролю, и развитие теневой экономики, сопровождающееся вбросом в легальную экономику средств, полученных от преступной деятельности, и мобильность общества, простота и скорость пересечения границ, возрастание роли миграционных потоков, диаспор и этнических систем и др.¹

И организованные преступные группы, и террористические организации действуют тайно и безжалостно по отношению к гражданскому населению. Так, в Южной Америке некоторые банды, похищая людей, передают их под опеку террористическим группировкам, извлекая из этого финансовую выгоду².

¹ Топильская Е. В. Геополитическая концепция организованной преступности // Уголовная политика и правоприменительная практика: сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 3 ноября 2017 г. / Рос. гос. ун-т правосудия; отв. ред. Е. Н. Рахманова. СПб., 2018. С. 348.

² Nicaso A. & Lamothe L. Angels, Mobster and Narco-Terrorists: The Rising Menace of Global Criminal Empires. Mississauga, Ontario, 2005. P. 45.

Глобализационные процессы последних лет, связанные с миграцией, способствуют сближению организованной преступности и терроризма. Организованные преступные группы активно способствуют незаконному перемещению мигрантов через границы, получая соответствующую плату. В то же время незаконные мигранты – прекрасная база для вовлечения их в террористическую деятельность. Наконец, некоторые маршруты незаконной миграции совпадают с маршрутами незаконного перемещения наркотиков и оружия. И хотя эмпирических данных о связи между организованной преступностью и терроризмом еще недостаточно, но даже существующие примеры заставляют международное сообщество обращать на них особое внимание.

Какова же связь между организованной преступностью и терроризмом? Для достижения своих целей организованные преступные группы и террористические организации могут сотрудничать, и хотя у них принципиально разные мотивы совершения преступлений, их интересы зачастую совпадают. Очевидно, что взаимосвязь может проявляться по-разному, во многом в зависимости от региональных условий, но в любом случае никто не сомневается в ее опасности.

Взаимосвязь между организованной преступностью и терроризмом наблюдается, в первую очередь, в тех регионах, в которых отсутствуют надлежащие структуры государственного управления. Известны примеры, когда организованные преступные группы и террористические организации создают нечто похожее на законную государственную власть. Так, террористическая организация Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ) и организованные преступные группы, совместно применяя мафиозные стратегии, получали прибыли от преступной деятельности и грабежей, а также использовали политическую идеологию для достижения социальных, финан-

совых или политических целей. Во второй половине 2014 года ИГИЛ захватило или незаконно получило доступ к наличности, эквивалентной не менее полумиллиарда долларов США, после установления контроля над филиалами государственных банков в иракских провинциях Ниневия, Анбар, Салах-эд-Дин и Киркук¹.

Международное сообщество в последние годы все больше внимания уделяет взаимодействию организованной преступности и терроризма. Совет Безопасности ООН принял ряд резолюций, посвященных данному вопросу, каждый раз подчеркивая, что связь между терроризмом и транснациональной организованной преступностью может иметь серьезные глобальные последствия.

Начало было положено спустя месяц после 11 сентября 2001 г., когда была принята Резолюция Совета Безопасности ООН 1373 (2001)², которая признала тесную связь между международным терроризмом и транснациональной организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков, отмыванием денег, незаконным оборотом оружия и незаконным перемещением ядерных, химических, биологических и других потенциально смертоносных материалов.

Резолюция 1373 (2001) задала тон политическим дебатам, касающимся взаимосвязи организованной преступности и терроризма, позже она была подкреплена предположением, что стратегические отношения между организованными преступными и террористическими группами являются прежде всего финансовыми.

В последующих резолюциях указывается на тактические и оперативные связи между организованной преступностью, терроризмом и незаконными рынками.

Так, в Резолюции Совета Безопасности ООН 2195 (2014) содержится призыв к государствам изучить и устранить двойные угрозы, создаваемые организованной пре-

ступностью и терроризмом, для безопасности и развития³, а в Резолюции 2322 (2016) обращается внимание на использование и организованными преступными группами, и террористическими организациями информационно-коммуникационных технологий и рекомендуется расширять международное сотрудничество по уголовно-правовым вопросам, касающимся терроризма, включая иностранных боевиков-террористов, особенно в отношении выдачи и взаимной правовой помощи⁴.

Председатель Совета Безопасности ООН 8 мая 2018 г. признал, что любое взаимодействие организованной преступности и терроризма представляет значительную угрозу для международной безопасности, и призвал «государства-члены не допускать, чтобы террористы использовали финансовые доходы от транснациональной организованной преступной деятельности в своих целях и получали поддержку от транснациональных организованных преступных групп»⁵.

Генеральным секретарем ООН, а также 36 организациями системы ООН, Интерполом и Всемирной таможенной организацией 23 февраля 2018 г. был подписан Глобальный договор ООН о координации контртеррористической деятельности («Глобальный договор»)⁶. Данный документ представляет собой рамочную договоренность между Генеральным секретарем ООН и руководителями структур, входящих в состав Целевой группы ООН по осуществле-

³ Резолюция 2195 (2014), принятая Советом Безопасности ООН на его 7351-м заседании 19 декабря 2014 г. URL: https://www.un.org/sc/ctc/wp-content/uploads/2015/06/N1470878_RU.pdf (дата обращения: 09.11.2019).

⁴ Резолюция 2322 (2016), принятая Советом Безопасности ООН на его 7831-м заседании 12 декабря 2016 г. URL: https://www.undocs.org/documents/organized-crime/mandates_on_trafficking_in_cultural_property/Security/Council/Resolution_2016 (дата обращения: 08.11.2019).

⁵ Заявление Председателя Совета Безопасности ООН на 8247-м заседании Совета Безопасности 8 мая 2018 г. URL: <https://undocs.org/ru/S/PRST/2018/9> (дата обращения: 08.11.2019).

⁶ Новости ООН : сайт. URL: <https://news.un.org/pdf?symbol=en/story/2018/02/1003451> (дата обращения: 08.11.2019).

¹ Финансирование террористической организации Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ) : отчет ФАТФ (февраль 2015). ФАТФ/ОЭСР, 2014. 68 с.

² Резолюция 1373 (2001), принятая Советом Безопасности ООН на его 4385-м заседании 28 сентября 2001 г. URL: <https://cbr.ru/StaticHtml/File/36809/1373.pdf> (дата обращения: 09.11.2019).

нию контртеррористических мероприятий (в настоящее время их насчитывается 38). Его цель состоит в укреплении принятого в рамках системы ООН единого подхода к обеспечению координации действий и согласованности усилий по борьбе с терроризмом и в укреплении поддержки, оказываемой по их просьбе государствам-членам.

Совет Безопасности ООН 19 июля 2019 г. принял Резолюцию 2482 (2019) о связи между терроризмом и организованной преступностью¹.

В Резолюции 2482 (2019) указывается, что террористами все чаще используются средства, более присущие организованной преступности, а именно: извлечение выгоды из такой организованной преступной деятельности, как незаконный оборот оружия, памятников истории и культурных ценностей, наркотрафик и торговля людьми, незаконная торговля природными ресурсами, включая золото и другие драгоценные металлы и камни, минералы, древесный уголь и нефть, незаконный оборот объектов дикой природы, и других преступлений, влияющих на окружающую среду, а также из злонамеренного использования законной предпринимательской деятельности, некоммерческих организаций, пожертвований, краудфандинга и доходов от преступной деятельности, включая, в частности, похищение людей ради выкупа, вымогательство и ограбление банков, равно как и из транснациональной организованной преступной деятельности на море.

При этом в Резолюции содержится призыв к государствам шире использовать и внедрять в свою деятельность международные стандарты, закрепленные в Рекомендациях Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма².

¹ Резолюция 2482 (2019), принятая Советом Безопасности ООН на его 8582-м заседании 19 июля 2019 г. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2482\(2019\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2482(2019)) (дата обращения 08.11.2019).

² Рекомендации ФАТФ : Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения : пер. с англ. М., 2012. 189 с.

Но нельзя забывать, что ФАТФ концентрируется прежде всего на контроле за банковской системой и международных операциях, в то время как методы финансирования терроризма, указанные в Резолюции 2642 (2019), выходят за пределы ее юрисдикционной компетенции.

Обращает на себя внимание и то, что в Резолюции Совета Безопасности ООН 2019 года используется понятие «организованная преступность, будь то внутренняя или транснациональная», тем самым признается связь терроризма не только с транснациональной, но и национальной организованной преступностью.

В Резолюции обращается внимание и на то, что торговцы наркотиками используют современные методы торговли наркотиками для торговли прекурсорами, химическими веществами, содержащимися в прекурсорах, и синтетическими наркотиками, а также используют онлайн-рынки для продажи синтетических наркотиков, в частности синтетических опиоидов. Этот вид деятельности также вполне может быть связан с терроризмом. Правда, в этой части Резолюция, скорее, напоминает резолюцию Комиссии ООН по наркотическим средствам.

Резолюция также поощряет усиление судебного преследования за торговлю людьми внутри страны и детализирует обязанности государств по предотвращению незаконного изготовления различных категорий оружия, от стрелкового оружия и легких вооружений до взрывчатых веществ и военной техники и незаконной торговли оружием. Что касается систем уголовного правосудия, то в Резолюции обращается внимание на необходимость обеспечить безопасные и гуманные условия содержания в тюрьмах, и в то же время содержится настоятельный призыв предпринимать шаги для предотвращения радикализации в местах лишения свободы.

Но на данном этапе приходится признать тот факт, что в проанализированных выше документах все еще недостаточно внимания уделяется использованию как организованной преступностью, так и террористами новых платежных продуктов и услуг, а также разного рода пожертвований, организованных с помощью социальных сетей. Это те

сферы, в которых интересы организованной преступности и терроризма частично совпадают. Резолюция 2019 года содержит лишь одну ссылку на надлежащее управление в отношении борьбы с отмыванием денег и одну ссылку на вымогательство в качестве источника финансирования. И это при том, что только «одна террористическая организация собрала до 1 000 000 US\$ в месяц от членов диаспор в Канаде, Британии, Швейцарии и Австралии, сделав этот вид получения доходов самым доходным. В Канаде средняя сумма, вымогаемая у отдельных лиц и семей, колебалась в пределах от 2 500 до 5 000 канадских долларов, а для владельцев коммерческих предприятий эта сумма нередко была еще выше. Вымогательство от доходов бизнеса мигрантов могло достигать до 100 000 канадских долларов и 100 000 фунтов стерлингов. Подобные цифры отмечались и во Франции, и в Норвегии»¹.

Помимо Совета Безопасности ООН проблемами взаимосвязи организованной преступности и терроризма занимаются Межрегиональный научно-исследовательский институт ООН по вопросам преступности и правосудия (ЮНИКРИ), который совместно с Глобальным контртеррористическим форумом (GCTF) разработал Гаагский документ о надлежащей практике в условиях смыкания между транснациональной организованной преступностью и терроризмом («Надлежащая практика»). Его целью явилось создание основы для международного взаимодействия и подготовки кадров. Документ был одобрен на девятом пленарном заседании министров стран – членов GCTF в Нью-Йорке в сентябре 2018 года.

В ходе работы над «Надлежащей практикой» с 2017 по 2018 год проводились региональные совещания, которые охватили Алжир, Иран, Сингапур и Найроби. Особое внимание уделялось Западной Африке и Сахель, Балканам, Юго-Восточной и Южной Азии, а также Африканскому Рогу и Восточной Африке².

¹ Мелкумян К. С. Финансирование терроризма: тренды XXI в. с сирийским акцентом // Вопросы безопасности. 2018. № 3. С. 78–93; URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23120 (дата обращения: 08.11.2019).

² Transnational Organized Crime and Terrorism The Hague Good Practices on the Nexus between

Связь между транснациональной организованной преступностью и терроризмом по своей природе сложна и динамична. Как указывалось выше, проявляется она по-разному и имеет различные характеристики в разных регионах мира. Но в самых своих крайних случаях она, негативно влияя на безопасность, способствует разрушению политической, экономической и социальной стабильности.

Очевидно, что взаимодействие террористических организаций с транснациональной организованной преступностью может иметь серьезные глобальные последствия. Но до сих пор на международном уровне так и не достигнуто согласие по поводу общего определения терроризма³, несмотря на то что на данный момент ООН приняла 19 документов о борьбе с терроризмом. Государствами – членами ООН 8 сентября 2006 г. подписана Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций, целью которой является укрепление национальных, региональных и международных усилий по борьбе с терроризмом⁴.

Связанные с этим риски, а также сопутствующие проблемы и сложности, которые экспоненциально возрастают благодаря современному техническому прогрессу, усугубляются еще и тем, что применимые правовые инструменты (международные, региональные и национальные), как правило, не успевают за технологическими достижениями, используемыми и транснациональной организованной преступностью, и террористическими организациями.

При этом несколько удивительно, что, несмотря на предсказуемые риски для мира и безопасности, до сих пор существует ми-

Transnational Organized Crime and Terrorism. URL: http://www.unicri.it/news/article/Hague_good_practices_nexus_crime_terrorism (дата обращения: 08.11.2019).

³ Гачинович Р. Современный терроризм – проблема XXI века // Конфликтология. 2010. № 4. С. 32–48.

⁴ Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций : Резолюция 60/288 Генеральной Ассамблеи ООН (Принята 8 сентября 2006 г. на 99-м пленарном заседании 60-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нимальная, если таковая имеется, криминализация деятельности, связанной с современными технологиями. Еще большее беспокойство вызывают пробелы, которые, как представляется, присутствуют в современных документах: во-первых, международные договоры, как правило, не предусматривают уголовную ответственность за передачу технологий в качестве активов для использования в преступных целях, будь то для получения финансовой выгоды или совершения террористических актов; во-вторых, не криминализуется передача нематериальных технологических активов организованной преступной или террористической группе.

Библиографический список

1. Гачинович, Р. Современный терроризм – проблема XXI века / Р. Гачинович // Конфликтология. – 2010. – № 4. – С. 32–48.
2. Мелкумян, К. С. Финансирование терроризма: тренды XXI в. с сирийским акцентом / К. С. Мелкумян // Вопросы безопасности. – 2018. – № 3. – С. 78–93. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23120 (дата обращения: 08.11.2019).
3. Топильская, Е. В. Геополитическая концепция организованной преступности / Е. В. Топильская // Уголовная политика

и правоприменительная практика : сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 3 ноября 2017 г. / Рос. гос. ун-т правосудия ; отв. ред. Е. Н. Рахманова. – Санкт-Петербург : Петрополис, 2018. – ISBN 978-5-9676-0913-8. – С. 343–350.

4. Nicaso, A. Angels, Mobster and Narco-Terrorists : The Rising Menace of Global Criminal Empires / A. Nicaso & L. Lamothe. – Mississauga, Ontario : John Wiley & Sons, Canada Ltd, 2005. – P. 240–262.

References

1. Gachinovich, R. Sovremennyj terrorizm – problema XXI veka / R. Gachinovich // Konfliktologiya. – 2010. – № 4. – S. 32–48.
2. Melkumyan, K. S. Finansirovanie terrorizma: trendy XXI v. s sirijskim akcentom / K. S. Melkumyan // Voprosy bezopasnosti. – 2018. – № 3. – S. 78–93. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23120 (data obrashcheniya: 08.11.2019).
3. Nicaso, A. Angels, Mobster and Narco-Terrorists : The Rising Menace of Global Criminal Empires / A. Nicaso & L. Lamothe. – Mississauga, Ontario : John Wiley & Sons, Canada Ltd, 2005. – P. 240–262.
4. Topil'skaya, E. V. Geopoliticheskaya koncepciya organizovannoj prestupnosti / E. V. Topil'skaya // Ugolovnaya politika i pravoprimenitel'naya praktika : sb. materialov V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., g. Sankt-Peterburg, 3 noyabrya 2017 g. / Ros. gos. un-t pravosudiviya ; otv. red. E. N. Rahmanova. – Sankt-Peterburg : Petropolis, 2018. – ISBN 978-5-9676-0913-8. – S. 343–350.

В. П. СИЛКИН

УДК 343

УСИЛЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ОБЩЕЙ ТЕНДЕНЦИИ УЖЕСТОЧЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

Отечественный законодатель постоянно вносит изменения и дополнения в Уголовный кодекс Российской Федерации, в последнее время – в среднем примерно раз в месяц или полтора. В Уголовном кодексе практически не осталось статей, в которые бы не вносились изменения. Принято считать, что вектор данных изменений – гуманизация уголовного законодательства. Но так ли это?

Если проанализировать новшества, несложно заметить, что законодатель в настоящее время фактически отступил от идеи гуманизации уголовного закона, характерной для девяностых и «нулевых» годов.

Большинство вносимых изменений касаются криминализации деяний, расширения сферы применения составов преступлений, дополнения их квалифицирующими признаками, ужесточения наказаний за преступления, увеличения их степени тяжести.

Так, только Федеральным законом от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ в УК РФ внесено одиннадцать изменений, как в Общую, так и Особенную часть Уголовного кодекса Российской Федерации, и они касаются в основном увеличения либо размеров наказаний за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта (ст.ст. 263 и 264 УК РФ), либо степени тяже-

сти этих преступлений. Это при том, что всего за два месяца до этого ст.ст. 264 и 264.1 УК РФ Федеральным законом от 23 апреля 2019 г. № 65-ФЗ дополнены новыми частями и квалифицирующими признаками.

Деяния, повлекшие по неосторожности смерть двух или более лиц, вновь признаны тяжкими, с санкцией в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет (ч. 6 ст. 264 УК РФ), т. е. более суровой, чем даже за убийство без отягчающих обстоятельств. Между тем смещением размеров наказания за умышленное и неосторожное лишение жизни попирается основной принцип уголовного права — принцип справедливости, согласно которому наказание должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления и другим обстоятельствам. Если в случае дорожно-транспортного происшествия с участием нетрезвого водителя это ужесточение закона еще можно объяснить, то совсем нелогично установление такой же ответственности за деяние, которое «сопряжено с оставлением места его совершения». Это не просто повторная криминализация оставления места дорожно-транспортного происшествия, декриминализованного в 2003 году, но и придание ему значения особо квалифицирующего признака.

Многочисленные изменения вносились также в главу 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности». В частности, ст. 205 УК РФ «Террористический акт» за период ее действия семь раз подвергалась серьезным изменениям. При этом статистические данные свидетельствуют, что за 2014 год в целом по России по ст. 205 УК РФ осуждено всего 27 человек, за 2015 год — 17, за 2016 год — 26, за 2017 год — 28, за 2018 год — 24 человека¹. Принимая во внимание, что такие преступления, как правило, совершаются в соучастии, можно

¹ О видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) : отчеты Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 12 месяцев 2014 года, за 12 месяцев 2015 года, за 12 месяцев 2016 года, за 12 месяцев 2017 года, за 12 месяцев 2018 года. Форма 10.3 полугодовая (Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://cdep.sudrf.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 15.11.2019)).

задаваться резонным вопросом: стоило ли семь раз менять одну статью из-за нескольких уголовных дел, учитывая, что эти изменения никак не отразились на практике ее применения?

Помимо того что изменения уголовного закона в последнее время направлены в большинстве случаев на усиление его репрессивности, следует отметить также их вопиющую непродуманность и бессистемность, отсутствие какой-либо научной обоснованности, отступление от правил и традиций, выработанных уголовным правом и другими науками.

Ю. В. Голик и А. И. Коробеев справедливо отмечают такие проблемы вносимых в уголовный закон изменений, как отсутствие ярко выраженной цели уголовной политики и связанная с этим бессистемность и разнонаправленность изменений и дополнений; криминологическая и социальная необоснованность целого ряда предписаний; низкое качество юридической техники уголовного закона, одновременная пробельность и избыточность криминализации деяний; широкие, вплоть до nepазвоzительного, рамки судейского усмотрения и др.²

Например, рассматриваемая глава 24 УК РФ в 2006 году дополнена ст. 205.1 «Содействие террористической деятельности», которая, вероятно, была сформулирована наспех, поэтому впоследствии многократно изменялась. Данный состав преступления вносит путаницу в давно известный, проработанный наукой и апробированный практикой институт соучастия, в связи с чем критиковался многими авторами³.

Представляет интерес статистика применения ст. 205.1 УК РФ на практике. В 2014 году по данной статье осуждено 17 человек, в 2015 году — 15, в 2016 году — 22,

² Голик Ю. В., Коробеев А. И. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть? // Lex russica. 2014. Т. 97, № 12. С. 1399–1410.

³ См., напр.: Тарбагаев А. Н., Москалев Г. Л. Проблемы уголовно-правовой регламентации склонения, вербовки или иного вовлечения в осуществление террористической деятельности (часть 1 статьи 205.1 УК РФ) // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 2. С. 350–360.

в 2017 году — 52, в 2018 году — 71¹. То есть при стабильном числе лиц, осужденных за террористический акт, количество лиц, осужденных за содействие террористической деятельности, увеличилось за пять лет в несколько раз, что само по себе является неким парадоксом. Следует отметить, что по ст. 205.1 УК РФ, как и по ст. 205 УК РФ, как правило, все лица, за редким исключением, осуждаются к реальному лишению свободы.

Еще более стремительный отмечается рост числа осужденных (за пять лет в десять раз) по ст. 205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма»: в 2014 году — 10 человек (из них 3 — к реальному лишению свободы, 4 — к лишению свободы условно, 3 — к штрафу); в 2015 году — 26; в 2016 году — 47; в 2017 — 76; в 2018 году — 95 человек (из них 76 — к реальному лишению свободы)².

Редакция введенных в УК РФ в 2013 году статей 205.3–205.5 и примечаний к ним, на первый взгляд, направленных на борьбу с террористическими преступлениями, по нашему мнению, несостоятельна с точки зрения как юридической техники, так и правил русского языка: в них содержится множество нормативно-структурных, языковых и логических погрешностей³, делающих весьма затруднительным единообразное применение данных составов преступлений на практике.

Вероятно, поэтому применение на практике ст.ст. 205.3 и 205.4 УК РФ незначительно: число лиц, осужденных по ст. 205.3 УК РФ «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности», составляет за 2014–2019 годы от 0 до 9 человек в год; по ст. 205.4 УК РФ «Организация террористического сообщества и участие в нем» — от 0 до 2 человек. В то

же время количество лиц, осужденных по ст. 205.5 УК РФ «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации», за тот же период, напротив, выросло с 3 до 79 человек в год, т. е. в 26 раз, все осуждены к реальному лишению свободы⁴.

Если взять состав преступления против общественной безопасности, предусмотренный ст. 205.6 УК РФ «Несообщение о преступлении», введенный в уголовный закон в 2016 году (по существу, возрожденный, поскольку он был хорошо известен ранее), он также вызывает немало вопросов у исследователей.

Например, О. А. Бычкова обоснованно отмечает такие проблемы данного состава преступления, как: некачественная законодательная техника (наименование статьи шире, чем ее содержание); нормой введена обязанность граждан сообщать о преступлении, что несвойственно уголовному закону; возраст субъекта неоправданно для преступления небольшой тяжести снижен до 14 лет⁵. Тем не менее число лиц, осужденных по ст. 205.6 УК РФ, составило за 2017 год — 17, за 2018 год — уже 47 человек (из них 43 — к штрафу, 1 — к реальному лишению свободы, 1 — к условному лишению свободы, 2 от наказания освобождены)⁶.

Нельзя не отметить существенное ужесточение ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ). Деяние, предусмотренное ст. 207 УК РФ, ранее относилось только к числу преступлений небольшой тяжести. Сейчас, в редакции Федерального закона от 31 декабря 2017 г. № 501-ФЗ, данная статья содержит четыре части, причем при наличии квалифицирующих признаков, указанных в третьей и четвертой частях, преступление является тяжким, влекущим

¹ О видах наказания ...

² Там же.

³ См. об этом подробнее: Тихонова С. С. Противодействие терроризму: юридико-технический анализ изменений Уголовного кодекса Российской Федерации от 2 ноября 2013 года // Вестник Нижегородской правовой академии. 2014. № 3 (3). С. 74–78.

⁴ О видах наказания ...

⁵ Бычкова О. А. Некоторые проблемы ответственности за несообщение о преступлении в уголовном праве России // Правовое регулирование современного общества: теория, методология, практика : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., г. Воронеж, 27 декабря 2017 г. / Воронеж. экономико-правовой ин-т. Воронеж, 2017. С. 289–297.

⁶ О видах наказания ...

наказание вплоть до лишения свободы на срок от 8 до 10 лет.

В то же время практика применения судами ст. 207 УК РФ показывает, что число лиц, осужденных за данное преступление, несколько уменьшилось: с 602 человек в 2014 году до 576 человек в 2018 году. Уменьшилось и число лиц, осужденных к реальному лишению свободы: 54 человека в 2018 году (9 %); 70 человек (11,6 %) в 2014 году¹. Другими словами, суды не поддерживают законодателя в вопросе ужесточения ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма.

Неоднократно подвергавшаяся изменениям ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)», несмотря на все «улучшения», также имеет ряд погрешностей юридико-технического характера. В частности, данный состав преступления перегружен оценочными понятиями, четко не определенными законодателем: преступное сообщество, преступная организация, их структурное подразделение, лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, и др., что не способствует единообразию применения нормы. Непонятно, чем субъект, указанный в части четвертой статьи, отличается от субъекта, на которого рассчитана часть первая. Это же отмечают и другие исследователи². Число лиц, осужденных по ст. 210 УК РФ, меняется незначительно: 165 человек в 2014 году (135 из них, или 82 %, — к реальному лишению свободы) и 149 человек в 2018 году (122, или также 82 %, — к реальному лишению свободы)³.

Таким образом, анализируя законодательную практику внесения изменений в уголовный закон, приходим к выводу, что тезис о фактическом изменении направления уголовно-правовой политики с идеи

гуманизации на противоположную тенденцию ужесточения этой политики, по нашему мнению, нашел свое подтверждение, в том числе, в отношении преступлений против общественной безопасности. Это выражается в увеличении числа составов преступлений, расширении сферы их применения, увеличении количества квалифицирующих признаков, изменении видов и размеров наказаний в санкциях статей в сторону ужесточения наказания, в повышении степени тяжести преступлений.

Э. В. Густова справедливо отмечает, что изменения, вносимые в уголовное законодательство, не должны менять баланс в конституционной триаде приоритетов охраняемых ценностей: «личность — общество — государство»⁴. Представляется, что в настоящее время данный баланс охраняемых ценностей, вследствие внесения изменений в УК РФ, уже нарушен в пользу интересов государства.

Следует согласиться с С. А. Галактионовым в следующем: «Хотелось бы, чтоб законодатель более обоснованно подходил к процессам криминализации и декриминализации, учитывая их принципы и возможные последствия; не плодил бесчисленное количество так называемых “новых” составов преступлений, затрудняя их применение; привлекал большее количество научных и практических работников при разработке законопроектов по внесению изменений в уголовное законодательство»⁵. К сожалению, пока эти пожелания не востребованы законодателем.

При этом проведенное исследование показывает, что судебная практика по преступлениям против общественной безопасности противоречива. По некоторым новым составам преступлений число осужденных возрастает, в то же время в спорных случаях суды неохотно принимают законодатель-

¹ Там же.

² См., напр.: Гапеенок Д. Е. К вопросу об обоснованности внесения изменений в статью 210 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2010. № 2. С. 67–70.

³ О видах наказания ...

⁴ Густова Э. В. К вопросу о качестве изменений, вносимых в Уголовный кодекс РФ // Вестник Воронежского института МВД России. 2013. № 2. С. 91–95.

⁵ Галактионов С. А. О системности уголовного законодательства РФ // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (30–31 мая 2019 г.) : в 2 ч. / Самар. юрид. ин-т ФСИН России. Самара, 2019. Ч. 1. С. 42–43.

ные решения об ужесточении ответственности и, как правило, «нивелируют» ошибочные решения законодателя, как это видно на примере применения ст. 207 УК РФ.

Заметим, что чрезмерное ужесточение касается не только уголовного законодательства в сфере противодействия преступлениям террористической направленности, но и других методов предупреждения преступлений данной категории. Это и так называемый «пакет законов Яровой», и внесение лиц (в ряде случаев необоснованное) в список экстремистов и террористов. В результате такой политики в столицу страны г. Москву стало некомфортно приезжать, буквально на каждом шагу (вокзалы, метро, торговые центры, театры, музеи и т. д.) приходится преодолевать многочисленные кордоны полиции и различного рода охранников, каждый из которых норовит «обискать» прохожего и его вещи. Встает вопрос: где та грань, до которой государство отодвинет права и свободы человека и гражданина, преследуя цель предупреждения преступности?

Библиографический список

1. Бычкова, О. А. Некоторые проблемы ответственности за несообщение о преступлении в уголовном праве России / О. А. Бычкова // Правовое регулирование современного общества: теория методология, практика : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., г. Воронеж, 27 декабря 2017 г. / Воронеж. экономико-правовой ин-т. — Воронеж : АМиСта, 2017. — С. 289–297.
2. Галактионов, С. А. О системности уголовного законодательства РФ / С. А. Галактионов // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (30–31 мая 2019 г.) : в 2 ч. / Самар. юрид. ин-т ФСИН России. — Самара : Самар. юрид. ин-т ФСИН России, 2019. — Ч. 1. — ISBN 978-5-91612-251-0. — С. 42–43.
3. Гапеенко, Д. Е. К вопросу об обоснованности внесения изменений в статью 210 Уголовного кодекса Российской Федерации / Д. Е. Гапеенко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. — 2010. — № 2. — С. 67–70.
4. Голик, Ю. В. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть? / Ю. В. Голик, А. И. Коробеев // Lex russica. — 2014. — Т. 97, № 12. — С. 1399–1410.
5. Густова, Э. В. К вопросу о качестве изменений, вносимых в Уголовный кодекс РФ / Э. В. Густова // Вестник Воронежского института МВД России. — 2013. — № 2. — С. 91–95.
6. Тарбагаев, А. Н. Проблемы уголовно-правовой регламентации склонения, вербовки или иного вовлечения в осуществление террористической деятельности (часть 1 статьи 205.1 УК РФ) / А. Н. Тарбагаев, Г. Л. Москалев // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11, № 2. — С. 350–360.
7. Тихонова, С. С. Противодействие терроризму: юридико-технический анализ изменений Уголовного кодекса Российской Федерации от 2 ноября 2013 года / С. С. Тихонова // Вестник Нижегородской правовой академии. — 2014. — № 3 (3). — С. 74–78.

References

1. Bychkova, O. A. Nekotorye problemy otvetstvennosti za nesoobshchenie o prestuplenii v ugovnom prave Rossii / O. A. Bychkova // Pravovoe regulirovanie sovremennogo obshchestva: teoriya metodologiya, praktika : materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., g. Voronezh, 27 dekabrnya 2017 g. / Voronezh. ekonomiko-pravovoj in-t. — Voronezh : AMiSta, 2017. — S. 289–297.
2. Galaktionov, S. A. O sistemnosti ugovnogo zakonodatel'stva RF / S. A. Galaktionov // Penitenciar'naya bezopasnost': nacional'nye tradicii i zarubezhnyj opyt : materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (30–31 maya 2019 g.) : v 2 ch. / Samar. yurid. in-t FSIN Rossii. — Samara : Samar. yurid. in-t FSIN Rossii, 2019. — CH. 1. — ISBN 978-5-91612-251-0. — S. 42–43.
3. Gapeenok, D. E. K voprosu ob obosnovannosti vneseniya izmenenij v stat'yu 210 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii / D. E. Gapeenok // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: YUrisprudenciya. — 2010. — № 2. — S. 7–70.
4. Golik, YU. V. Reforma ugovnogo zakonodatel'stva Rossii: byt' ili ne byt'? / YU. V. Golik, A. I. Korobeev // Lex russica. — 2014. — T. 97, № 12. — S. 1399–1410.
5. Gustova, E. V. K voprosu o kachestve izmenenij, vnosimyh v Ugolovnyj kodeks RF / E. V. Gustova // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2013. — № 2. — S. 91–95.
6. Tarbagaev, A. N. Problemy ugovno-pravovoj reglamentacii skloneniya, verbovki ili inogo vovlecheniya v osushchestvlenie terroristicheskoj deyatel'nosti (chast' 1 stat'i 205.1 UK RF) / A. N. Tarbagaev, G. L. Moskaev // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. — 2017. — T. 11, № 2. — S. 350–360.
7. Tihonova, S. S. Protivodejstvie terrorizmu: yuridiko-tekhnicheskij analiz izmenenij Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii ot 2 noyabrya 2013 goda / S. S. Tihonova // Vestnik Nizhegorodskoj pravovoj akademii. — 2014. — № 3 (3). — S. 74–78.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 210 И 210.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Российский уголовный закон, ст. 35 Уголовного кодекса Российской Федерации, называет несколько видов преступных сообществ (преступных организаций); ответственность за их создание и участие в них предусмотрена ст.ст. 205.4, 208, 209, 210 и 282.1 УК РФ. Но на противодействие именно организованной преступности как опасному социальному феномену направлена лишь одна статья из данного перечня — ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)». Это прямо вытекает из текста пояснительных записок к законопроектам 2009 и 2019 годов о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации¹. Во всех документах, сопровождающих упомянутые законопроекты, говорится об опасности именно организованной преступности и о необходимости усиления борьбы с ней.

Однако практика применения ст. 210 УК РФ косвенно указывает на ее правовую неопределенность, что, по мнению многих юристов и представителей бизнес-сообщества, приводит к искажению вектора воздействия на преступность.

Так, в сентябре 2018 года Борис Титов, Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, заявил о том, что ст. 210 УК РФ используется для незаконного воздействия

на бизнес: «...если не удастся привлечь предпринимателя по ст. 159 УК РФ “Мошенничество”, то для оказания давления следствие подключает ст. 210 УК РФ»², так как это тяжкое обвинение гарантирует арест в качестве меры пресечения.

С этим согласился и Президент России. В ходе Прямой линии 20 июня 2019 года В. В. Путин указал на недостатки юридической техники при формулировании ст. 210 УК РФ и подчеркнул, что «на сегодняшний день юридическая техника такова, что под преступное сообщество можно подвести совет директоров любой корпорации, где один из членов замешан в нарушениях закона. Конечно, это недопустимо, совершенно очевидный факт, с этим нужно поработать и внести изменения в действующий закон»³.

Безусловно, проблема коренится не только и не столько в возможности давления на бизнес с помощью данного уголовно-правового инструмента, а в том, что дефекты законодательной техники при формировании норм об организованной преступности вполне очевидны и препятствуют полноценной борьбе с этим опасным криминальным феноменом.

Тем не менее с каждым новым изменением ст.ст. 35 и 210 УК РФ проблема усугубляется и вместо выравнивания законодательной регламентации создаются новые составы, которые также несовершенны.

Объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 210 УК РФ, составляют альтернативные деяния, каждое

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Законопроект № 250820-5. Дата внесения: 03.09.2009; Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части противодействия организованной преступности)». Законопроект № 645492-7. Дата внесения: 14.02.2019 // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/02E5CA7F-6D03-446D-B284-DDE2A6420D59> (дата обращения: 15.11.2019).

² Цит. по: Дмитриева А. Эксперты: аресты за организацию преступного сообщества или участие в нем оказывают давление на бизнес // Гарант.ру: информ.-правовой портал. Дата публикации: 28.09.2018. URL: <https://www.garant.ru/news/1220843/> (дата обращения: 10.11.2019).

³ Путин прокомментировал практику применения статьи за преступное сообщество // РИА Новости: сайт. Дата публикации: 20.06.2019 // РИА Новости: сайт. URL: <https://ria.ru/20190620/1555742609.html> (дата обращения: 10.11.2019).

из которых образует состав преступления. Вполне обоснованно в диспозиции указаны два вида деяния: создание преступного сообщества или преступной организации и руководство таким преступным объединением. Но далее перечисляются действия, которые, собственно, и представляют собой содержание этих преступлений: координация действий организованных групп, создание устойчивых связей между ними, разработка планов и создание условий для совершения преступлений организованными группами, раздел сфер преступного влияния или преступных доходов между такими группами. Невозможно представить, в частности, раздел сфер преступного влияния или координацию действий организованных групп, которые выполняются рядовым участником преступной деятельности; значит, это деяние подразумевает «руководство». Нужна ли такая конкретизация в норме Особенной части Уголовного кодекса? Явно не нужна, подобная детализация была бы более уместна, например, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации при разъяснении того, что следует понимать под руководством преступным сообществом (преступной организацией). Именно на такие действия и ссылаются суды, обосновывая в приговорах вину подсудимых в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 210 УК РФ. Например: «...совершила руководство входящими в преступное сообщество (преступную организацию) структурными подразделениями, а также координацию преступных действий, создание устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами, разработала планы и создала условия для совершения преступлений такими группами, с использованием своего влияния на участников организованных групп, при следующих обстоятельствах...»¹. Хотя логика подсказывает, что все эти действия и составляли суть руководства преступным сообществом (преступной организацией),

¹ Приговор Красноглинского районного суда г. Самары от 26 сентября 2017 г. по уголовному делу № 1-220/2017 // Sud-Praktika.ru : сайт. URL: <http://www.sud-praktika.ru/precedent/467415.html> (дата обращения: 10.11.2019).

а вовсе не были совершены «а также». Иначе в чем тогда заключалась руководящая роль осужденной?

Интересно, что в пояснительной записке к законопроекту № 645492-7 2019 года в части внесения изменений в ст. 210 УК РФ именно такой смысл вкладывается в понятие руководства преступным сообществом: «...лидеры преступных сообществ (преступных организаций) координируют преступные действия, создают устойчивые преступные связи между различными организованными группами, занимаются разделом сфер преступного влияния и преступных доходов, руководят преступными действиями и в связи с этим представляют наибольшую общественную опасность»².

Поэтому ч. 1 ст. 210 УК РФ может быть оптимизирована за счет исключения из диспозиции нормы всех перечисленных в ней деяний кроме создания преступного сообщества (преступной организации) и руководства им (ею).

Федеральным законом от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ из ч. 1 статьи о преступном сообществе была выделена ч. 1.1 об участии в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп в целях совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 210 УК РФ. Норма ч. 1.1 ст. 210 УК РФ явно страдает правовой неопределенностью, заключающейся в отсутствии однозначного ответа на вопрос, какие преступления имеются в виду под предусмотренными ч. 1 ст. 210 УК РФ: координация преступных действий и создание устойчивых связей между группами либо тяжкие и особо тяжкие преступления, ради которых создается преступное сообщество и которые также упоминаются в ч. 1 ст. 210 УК РФ. Ответ на этот вопрос содержался в пояснительной записке к законопроекту, где было указано, какие преступления имеются в виду в

² Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части противодействия организованной преступности)».

новой части ст. 210 УК РФ, но правоприменители исходят из текста закона, а не сопроводительных документов к законопроекту. К тому же с точки зрения лингвистической и логической определенности конструкции «участие в собрании представителей преступных сообществ в целях руководства преступным сообществом (преступной организацией)», «участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) преступных сообществ (преступных организаций) в целях создания преступного сообщества (преступной организации) в целях совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений» не выдерживают критики. Вообще необходимости в выделении ч. 1.1 ст. 210 УК РФ не усматривается, указанные в ней действия полностью охватываются ч. 1 или ч. 2 той же статьи, поскольку из диспозиции ч. 1.1 следует, что субъектами преступления являются либо руководители, либо члены преступного сообщества (преступной организации).

Что касается субъекта преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, то специалисты в области уголовного права многократно отмечали, что как в научной литературе, так и в судебной практике отсутствуют четкие критерии такого лица¹. Эта проблема очевидна, если судить по данным судебной статистики: за десять лет существования в уголовном законе специального субъекта — лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, — в отношении всего одного лица вынесен приговор по ч. 4 ст. 210 УК РФ. Мамука Чкадуа по кличке Гальский в 2017 году осужден по ч. 4 ст. 210 и другим статьям УК РФ, в 2018 году приговор вступил в законную силу². Судебные документы по делу М. Чкадуа подтвр-

дили те претензии, которые предъявляются к законодательному термину «преступная иерархия» и к признакам субъекта преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ: расплывчатость формулировки, допускающей многозначное толкование и не содержащей критериев отграничения такого лица от субъекта преступления, предусмотренного ч. 1 той же статьи. Так, суд установил вину М. Чкадуа в руководстве преступным сообществом, а также в том, что он являлся «вором в законе», т. е. занимал высшее положение в преступной иерархии; в доказательство и того, и другого обстоятельства привел одни и те же доводы: осужденный осуществлял организационные и управленческие функции в отношении преступного сообщества и его участников; подбирал и вербовал руководителей структурных подразделений, входящих в его состав, осуществлял контроль за их действиями; планировал и координировал деятельность преступной организации и т. д.³ Суд исследовал значения понятий «вор в законе», «положенец», «смотрящий», а также «преступная иерархия» и пришел к выводу, что свой криминальный статус «вора в законе» Чкадуа «использовал для осуществления криминальной деятельности на территории Алтайского края и получения выгоды от преступлений, совершаемых членами преступного сообщества»⁴. Однако возникает вопрос: можно ли установить состав преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, в деянии лица, которое не обладает таким криминальным статусом, как «вор в законе», «положенец» и «смотрящий»? Иными словами, можно ли признать специальным субъектом преступления, квалифицируемого по ч. 4 ст. 210 УК РФ, лицо, которое создавало преступное сообщество, руководило им, но не занимает особого положения в воровском мире? Хотя Пленум Верховного Суда Российской Федерации допустил такую возможность⁵, закон

определение-verkhovnogo-suda-rf-ot-29052018-n-51-apu18-4/ (дата обращения: 11.11.2019).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем

¹ См., напр.: Григорьев Д. А., Морозов В. И. Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии? // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4 (30). С. 50–58; Мондохонов А. Специальный субъект организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) // Уголовное право. 2010. № 5. С. 53–57.

² Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2018 г. № 51-АПУ18-4 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : сайт. URL: [https://legalacts.ru/sud/apelliationsionnoe-](https://legalacts.ru/sud/apelliationsionnoe)

не дает ответа на этот вопрос. В научной литературе встречаются различные подходы к его решению. Например, А. Мондохонов предлагает считать субъектами данного преступления не только «воров в законе» и «положенцев», но также и «криминальных лидеров организованных преступных объединений, не относящихся к “воровской среде”»¹. Д. А. Григорьев и В. И. Морозов, ссылаясь на то, что криминальный титул «вор в законе» присваивается на особой воровской церемонии и является пожизненным, а «положенцы» и «смотрящие» назначаются «ворами в законе», т. е. их место в преступной иерархии может со временем изменяться, считают, что «положенцы» и «смотрящие» не могут являться специальными субъектами преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, таким специальным субъектом является только «вор в законе»². А. В. Рагулин и В. В. Фефелов справедливо замечают, что понятие лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, скорее криминологическое, нежели уголовно-правовое, но в таком случае, если оно введено в уголовный закон, необходимо установить юридическое значение этого термина³. То же относится и к другой новелле 2019 года — ст. 210.1 УК РФ. Объективная сторона этого преступления состоит в занятии высшего положения в преступной иерархии. Уже возбуждено несколько уголовных дел по ст. 210.1 УК РФ в отношении лиц, получивших в воровской криминальной среде статус «вор в законе» гораздо ранее введения новой статьи в УК РФ⁴, и это дает основание считать, что состав преступления образует

(ней): Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12. П. 24. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Мондохонов А. Указ. соч. С. 57.

² Григорьев Д. А., Морозов В. И. Указ. соч. С. 52.

³ Рагулин А. В., Фефелов В. В. О понятии лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Уголовное право. 2010. № 5. С. 69.

⁴ См., напр.: Муртазин И. Занимал высшее положение в преступной иерархии // Новая газета. 2019. 17 июля; Выродова Ю. В России впервые арестовали криминального авторитета по новой статье // РБК: сайт. Дата публикации: 28.05.2019. URL: <https://www.rbc.ru/society/28/05/2019/5ced10f59a7947ba6c971683> (дата обращения: 11.11.2019).

не только факт приобретения этого статуса в ходе особой «церемонии», но и пребывание в этом статусе, а само преступление является длящимся. Но возможно ли занимать высшее положение в преступной иерархии, не осуществляя при этом преступной деятельности? Из сообщений о возбужденных по новой статье уголовных делах усматривается, что все их фигуранты подозреваются в организации и исполнении тяжких и особо тяжких преступлений, в связи с чем действия этих лиц скорее всего будут квалифицированы по ст. 210 УК РФ. И перед правоприменителями неизбежно встанет вопрос об идеальной совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 210 и 210.1 УК РФ. Но такая квалификация явно будет нарушать принцип *non bis in idem*. Проблема избыточной криминализации в данном случае может быть разрешена двумя путями: либо исключением из Уголовного кодекса Российской Федерации ч. 4 ст. 210, что даст возможность применять ст. 210.1 по совокупности со ст. 210, либо отказом от ст. 210.1, если только она не предназначена для того, чтобы подменять тщательное расследование организованной преступной деятельности формальным установлением воровского статуса.

Библиографический список

1. Выродова, Ю. В России впервые арестовали криминального авторитета по новой статье / Ю. Выродова // РБК: сайт. — Дата публикации: 28.05.2019. — URL: <https://www.rbc.ru/society/28/05/2019/5ced10f59a7947ba6c971683> (дата обращения: 11.11.2019).

2. Григорьев, Д. А. Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии / Д. А. Григорьев, В. И. Морозов // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2014. — № 4 (30). — С. 50–58.

3. Дмитриева, А. Эксперты: аресты за организацию преступного сообщества или участие в нем оказывают давление на бизнес / А. Дмитриева // Гарант.ру: информ.-правовой портал. — Дата публикации: 28.09.2018. — URL: <http://garant.ru/news/1220843/> (дата обращения: 10.11.2019).

4. Мондохонов, А. Специальный субъект организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) / А. Мондохонов // Уголовное право. — 2010. — № 5. — С. 53–57.

05/2019/5ced10f59a7947ba6c971683 (дата обращения: 11.11.2019).

5. Муртазин, И. Занимал высшее положение в преступной иерархии / И. Муртазин // Новая газета. — 2019. — 17 июля.

6. Рагулин, А. В. О понятии лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии / А. В. Рагулин, В. В. Фефелов // Уголовное право. — 2010. — № 5. — С. 67–70.

References

1. Dmitrieva, A. Eksperty: aresty za organizaciyu prestupnogo soobshchestva ili uchastie v nem okazyvayut davlenie na biznes / A. Dmitrieva // Garant.ru : inform.-pravovoj portal. — Data publikacii: 28.09.2018. — URL: <http://garant.ru/news/1220843/> (data obrashcheniya: 10.11.2019).

2. Grigor'ev, D. A. Kak opredelit' lico, zanimayushchee vysshee polozhenie v prestupnoj ierarhii / D. A. Grigor'ev, V. I. Morozov // YUridicheskaya

nauka i pravoohranitel'naya praktika. — 2014. — № 4 (30). — С. 50–58.

3. Mondohonov, A. Special'nyj sub"ekt organizacii prestupnogo soobshchestva (prestupnoj organizacii) ili uchastiya v nem (nej) / A. Mondohonov // Uголовное право. — 2010. — № 5. — С. 53–57.

4. Murtazin, I. Zanimal vysshee polozhenie v prestupnoj ierarhii / I. Murtazin // Novaya gazeta. — 2019. — 17 iyulya.

5. Ragulin, A. V. O ponyatii lica, zanimayushchego vysshee polozhenie v prestupnoj ierarhii / A. V. Ragulin, V. V. Fefelov // Uголовное право. — 2010. — № 5. — С. 67–70.

6. Vyrodova, YU. V Rossii vpervye arestovali kriminal'nogo avtoriteta po novej stat'e / YU. Vyrodova // RBK : sajt. — Data publikacii: 28.05.2019. — URL: <https://www.rbc.ru/society/28/05/2019/5ced10f59a7947ba6c971683> (data obrashcheniya: 11.11.2019).

В. И. ТЮНИН

УДК 343

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МАССОВЫЕ БЕСПОРЯДКИ В ПАМЯТНИКАХ УГОЛОВНОГО ПРАВА И СОВРЕМЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Массовые беспорядки как преступление приобрели юридическую форму задолго до вступления в силу действующего Уголовного кодекса Российской Федерации.

Массовые беспорядки — это хаос, разрушение, бесчинство участников, образующих толпу. Казалось бы, опасность подобных действий очевидна и не требует глубокого научного анализа. Обратимся к памятникам уголовного права, в которых закреплена уголовная ответственность за названное преступление.

Глава четвертая «О преступлениях и проступках против порядка управления» Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (ред. 1885 г.) содержит не одну статью, описывающую массовые беспорядки. Собственно говоря, такого преступления наши предки не знали. В Уложении оно называется «скопищем» (ст. 269.1 Уложения), очевидно, этим подчеркивается многочисленность участников, совершающих различные действия. В статье 263 Уложения законодатель установил ответственность за «восстание» против мер, осуществляемых правительством, совершенное вооруженными чем-либо людьми, применившими насилие и учинившими беспорядки. Обращает на себя

внимание цель виновных лиц, которая состоит в препятствии обнародованию указов и постановлений высшей власти или в противодействии мерам, ею осуществляемым. Менее сурово каралось деяние, совершенное невооруженными людьми, применившими насилие, и сопровождавшееся беспорядками (ст. 264 Уложения). Более суровая ответственность за деяние наступала, если в результате такого «восстания» были совершены поджоги или причинялась смерть (ст. 268 Уложения).

В статье 266 Уложения указывалось, что ответственность наступает лишь для главных виновных, если преступление совершено без предварительного соглашения, а при его наличии ответственность несут зачинщики и подговорщики (подстрекатели).

В статье 269.1 Уложения говорится уже не о восстании, а о скопище. При этом ответственность была установлена за участие в скопище, силами участников которого совершены действия, прямо перечисленные в статье, состоящие в насилии, принуждении к совершению противоправных действий, к отказу от осуществления права или выполнения обязанности, действиях, направленных на захват или уничтожение имущества, и др.

Лица, организовавшие скопище, руководившие действиями активных участников, и подстрекатели наказывались более сурово, нежели участники, причинившие ущерб. Ответственность предусматривалась и за противодействие органам власти по «разсеянию» скопища. Лица, руководившие противодействием властям и подстрекавшие к такому противодействию, наказывались строже. Таким образом, законодатель разделяет преступления (восстание и скопище) по мотивам и целям их совершения. Преступление, совершаемое по политическим мотивам против государственной власти, законодатель отнес к восстанию, по иным мотивам — к скопищу. В законе прямо указывается на более суровую ответственность для организаторов и подстрекателей совершаемых преступлений. Ответственности подлежали лица, проявившие себя как наиболее активные исполнители деяний, совершаемых «восставшими» или участниками «скопища», а также активные участники, противодействовавшие прекращению противоправных действий.

В Уложении уголовном 1903 года мы находим ряд статей, посвященных скопищу (ст.ст. 120–123). Законодатель дифференцировал ответственность виновных лиц, исходя из характера их действий. Так, ст. 120 указывает на ответственность тех, кто не оставил «скопища» (толпы) по требованию органов полицейской власти. Статья 121 Уложения карала за участие в скопище, собравшемся для выражения неуважения верховной власти, порицания образа правления, выражения сочувствия бунту, измене, лицу, их учинившему, либо учению, направленному на насильственное свержение существующего общественного строя, либо лицу, его проповедававшему.

В статье 122 Уложения уголовного 1903 года ответственность устанавливалась за деяние, известное Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (ст. 269.1). Наконец, самое суровое наказание в виде каторги до восьми лет включительно устанавливалось за участие в скопище, если силами его участников были совершены определенные деяния, к числу которых принадлежали: 1) насильственное противодействие вооруженной силе, при-

званной для «разсеяния» скопища; 2) захват, разграбление или разрушение оружейного склада, оружейного завода и прочие деяния, обладающие повышенной общественной опасностью.

Первый советский Уголовный кодекс (1922 г.) в главе «О преступлениях против порядка управления» содержал ст. 75, которая предусматривала ответственность за «участие в массовых беспорядках всякого рода, как-то: погромах, разрушении путей и средств сообщения, освобождении арестованных, поджогах и т. п., если при этом участники беспорядка были вооружены». При этом закон дифференцировал ответственность участников массовых беспорядков в зависимости от характера совершаемых действий. Так, вооруженные участники, совершившие убийства, поджоги, нанесение телесных повреждений, изнасилование, вооруженное сопротивление, могли быть расстреляны по решению суда. Такую же ответственность могли нести организаторы, руководители, подстрекатели. Менее суровой ответственности подлежали иные вооруженные участники, невооруженные участники карались лишением свободы на срок не ниже одного года. Статья устанавливала также ответственность лиц, оказывавших содействие участникам беспорядков. В Уголовном кодексе 1926 года норма о массовых беспорядках (ст. 59.2) изменений не претерпела.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года отнес массовые беспорядки к числу особо опасных государственных преступлений, которые состояли в организации массовых беспорядков, сопровождавшихся погромами, разрушениями, поджогами и другими подобными действиями, а равно непосредственным совершении их участниками указанных выше преступлений или оказании ими вооруженного сопротивления власти.

Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года в главе 24 «Преступления против общественной безопасности» содержит ст. 212 «Массовые беспорядки». Помещение уголовно-правовой нормы об ответственности за массовые беспорядки в главу о преступлениях против общественной безопасности в целом не вызывает возражения. Многие преступления из числа государст-

венных преступлений в новой парадигме охраняемых благ перешли в разряды иных преступлений. Преступление посягает именно на общественный порядок, а не на порядок управления, как это когда-то было определено Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Правоприменительная практика применения ст. 212 УК РФ свидетельствует, что преступлением зачастую причиняется вред отношениям, субъектом которых органы государственного управления не являются. Независимо от субъектного состава и интересов участников отношений преступлением всегда причиняется вред общественной безопасности и общественному порядку. Первоначально ст. 212 УК РФ содержала три части. В части 1 ст. 212 УК РФ устанавливалась ответственность за организацию массовых беспорядков. Часть 2 ст. 212 УК РФ карала за участие в массовых беспорядках. По части 3 ст. 212 УК РФ ответственность наступала за призывы к активному неподчинению законным требованиям представителей власти, массовым беспорядкам и насилию над гражданами. Такие требования по сути являются подстрекательством к массовым беспорядкам.

Действующая редакция ст. 212 УК РФ «Массовые беспорядки» содержит четыре части. Частью 1 криминализованы действия, состоящие в организации массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, а также оказании вооруженного сопротивления представителю власти, а равно подготовке лица для организации таких массовых беспорядков или участия в них.

Помимо традиционных признаков преступления в ч. 1 ст. 212 УК РФ содержится указание на подготовку лица для организации массовых беспорядков или участия в них. Наказание за преступление ужесточилось и достигло пятнадцати лет лишения свободы.

В части 1.1 ст. 212 УК РФ криминализовано подстрекательство к совершению действий в процессе массовых беспоряд-

ков. Наличие указанной нормы исключает привлечение виновного как подстрекателя с применением ст. 33 УК РФ о соучастии. Часть 2 ст. 212 УК РФ, как и ранее, определяет ответственность за участие в массовых беспорядках. Из части 3 ст. 212 УК РФ исключены «призывы к активному неподчинению законным требованиям представителей власти». Наказуемыми остаются только призывы к самим массовым беспорядкам, а равно к насилию над гражданами. Таким образом, перестают быть уголовно наказуемыми призывы «не расходиться» в ответ на требование полиции «разойтись и не мешать прохождению других граждан»¹.

В части 4 ст. 212 УК РФ определена ответственность за прохождение лицом обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях организации массовых беспорядков либо участия в них, в том числе приобретение знаний, практических умений и навыков в ходе занятий по физической и психологической подготовке, при изучении способов организации массовых беспорядков, правил обращения с оружием, взрывными устройствами, взрывчатыми, отравляющими, а также иными веществами и предметами, представляющими опасность для окружающих.

Статья 212 УК РФ наделена примечанием, позволяющим освобождать от ответственности указанных лиц при наличии определенных действий с их стороны в интересах следствия.

Официальная статистика за пять лет, с 2014 по 2018 год, показывает, что число лиц, осуждаемых по ст. 212 УК РФ, не столь велико: в 2014 году осуждено 30 человек, из них по ч. 1 – 2, по ч. 2 – 28; в 2015 году осуждено 16 человек, из них по ч. 1 – 8, по ч. 2 – 7, по ч. 3 – 1; в 2016 году осуждено 19 человек, из них по ч. 1 – 3, по ч. 2 – 16; в 2017 году осуждено 52 человека, из них по ч. 1 – 3, по ч. 2 – 48, по ч. 3 – 1; в 2018 году осуждено 36 человек, из них по ч. 1 – 6, по ч. 2 – 30 человек. Наибольшее число лиц осуждается по ч. 2 ст. 212 УК РФ за участие

¹ Кажеева Б. С. Некоторые аспекты объективной стороны преступлений, квалифицируемых как массовые беспорядки, по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан // Современное право. 2014. № 10. С. 145.

в массовых беспорядках, что вполне объяснимо. За период действия ч. 4 ст. 212 УК РФ не было осуждено ни одного человека, что в определенной мере свидетельствует о надуманности проблемы и отсутствии необходимости такой криминализации. Можно предположить, что криминализация деяния, предусмотренного ч. 4 ст. 212 УК РФ, была навеяна событиями, произошедшими 6 мая 2012 года на Болотной площади, квалифицированными как массовые беспорядки, и событиями в Украине¹.

Конструкция состава весьма сложная, она соединяет в себе действия лидера (лидеров), организующего поведение других участников массовых беспорядков. В литературе уже давно высказывалась мысль, что рядовые участники массовых беспорядков находятся под «гипнотическим» влиянием. О том, что лица, включенные в толпу, находятся под психическим воздействием других, писали многие психологи. Еще Гюстав Лебон отмечал, что в силу волевой неразвитости и низкого интеллектуального уровня больших масс людей ими правят бессознательные инстинкты, особенно тогда, когда человек оказывается в толпе². Здесь происходит снижение уровня интеллекта, падает ответственность, самостоятельность, критичность, исчезает личность как таковая. Не случайно еще в имперский период России уголовный закон предусматривал ответственность организаторов (руководителей), действовавших сознательно, намеренно «заводивших» людей, находящихся в толпе, и активных участников, совершавших бесчинства. Современная концепция вины до настоящего времени исходит из положения о «свободе воли лиц, совершающих преступления»³.

Многие лица из числа участников преступления подчиняются стихии толпы, утрачивают свою индивидуальность, подчиняются общему порыву, ощущая себя частью целого (организма толпы), состояние,

при котором просыпаются первобытные инстинкты. Признание существования коллективного бессознательного и влияния его на поведение индивидов при совершении общественно опасных действий ставит вопрос о виновности в преступлении⁴. Сказанное, впрочем, относится далеко не ко всем случаям массовых беспорядков. Вряд ли можно утверждать, что все участвующие в массовых беспорядках подвержены некому «сумасшествию». Такое состояние, по-видимому, возможно, если массовые беспорядки охватывают значительную часть толпы и эти лица не были предварительно организованы и подготовлены для совершения преступления. На организованную часть лиц, участвующих в массовых беспорядках, сказанное не распространяется.

С социальной стороны основу для массовых беспорядков составляет интерес противостоящих сторон конфликта. Мотивы инициаторов открытого противостояния могут быть различными. Например, возвращение или сохранение статуса потенциальных участников конфликта.

Верховным Судом Российской Федерации вынесено Апелляционное определение от 1 марта 2019 г. № 48-АПУ19-1 по жалобам осужденных К., В. и др. В основе конфликта, переросшего в массовые беспорядки, лежал мотив сохранить доминирующее положение К. среди лиц, находившихся в следственном изоляторе, не желавшего передать полномочия «положенца» другому осужденному⁵.

В основе массовых беспорядков может лежать корыстный мотив участников⁶. Так, действия Н. и Ф. были квалифицированы как массовые беспорядки и приготовление к мошенничеству. При захвате предприятия гражданам были причинены побои и телесные повреждения, уничтожено и повреждено имущество, на восстановление

⁴ Харрис С. Свобода воли, которой не существует. М., 2015. 112 с.

⁵ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 1 марта 2019 г. № 48-АПУ19-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 4 августа 2008 г. № 45-о08-50. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Агапов П. В., Меркурьев В. В. Ответственность за массовые беспорядки: вопросы квалификации и доказывания // Законность. 2015. № 1. С. 54.

² Лебон Г. Психология народов и масс. М., 2015. 238 с.

³ Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. Изд. 3-е. М., 1900. Т. 1. С. 276 – 277.

которого потрачено около 11 млн рублей, повреждено и похищено имущество граждан, индивидуальных предпринимателей. На несколько часов была парализована деятельность «О», индивидуальных предпринимателей¹.

В основе массовых беспорядков, организованных Ч., директором Хованского кладбища г. Москвы, лежало желание вытеснить с территории кладбища лиц из Средней Азии, оказывавших на добровольной основе услуги родственникам усопших и не согласившихся делиться частью полученных денежных средств².

Нельзя не упомянуть массовые беспорядки, произошедшие на Болотной площади в г. Москве 6 мая 2012 года. Столкновение произошло между сотрудниками полиции и ОМОН, обеспечивавшими общественный порядок на массовом мероприятии, и отдельными участниками «Марша миллионов». В процессе беспорядков пострадало около 40 протестующих и 30 сотрудников МВД и ОМОН.

В процессе беспорядков было задержано и в последующем привлечено к уголовной ответственности 30 человек. Организаторами массовых беспорядков признали С. У. и Л. Р. и осудили к четырем годам шести месяцам лишения свободы.

Конфликт возник в результате провокационных действий части радикально настроенных участников митинга в отношении сотрудников полиции и ОМОН. Эти события стали апофеозом протестных акций представителей так называемой несистемной оппозиции несогласной с результатами выборов в Государственную Думу и результатами выборов Президента Российской Федерации. Мотив, который лежал в основе событий, квалифицированных как массовые беспорядки, можно назвать политическим, хотя, по сути, это была провокация. К сожалению, конфликты по политическим мотивам между сотрудниками

полиции, национальной гвардии и активными представителями оппозиции не редкость, особенно в столице России. 27 июня 2019 года состоялась несанкционированная акция, направленная на поддержку кандидатов в Мосгордуму, которым было отказано в регистрации. Акция ознаменовалась рекордным количеством задержанных, привлечением участников акции к административной ответственности³ и возбуждением двух уголовных дел. Следственный комитет Российской Федерации возбудил уголовное дело, получившее название «Московское дело», по ст. 212 УК РФ «Массовые беспорядки». И хотя по ст. 212 УК РФ никого из участников акции не осудили, некоторые ее участники были осуждены по иным статьям УК РФ. С сожалением приходится констатировать, что применение уголовного закона становится нормой в противодействии акциям «несистемной оппозиции», средством консервации политической системы государства, нормой правоприменительной практики.

Безусловно, вопросы квалификации представляют интерес особенно для тех, кто вынужден применять закон, в процессе предварительного расследования давая оценку содеянному, и для тех, кто наделен правом выносить приговор виновным лицам.

Интерес представляет юридическая техника, использованная законодателем при криминализации массовых беспорядков.

Преступление по характеру совершаемых действий кардинально отличается от других преступлений, совершаемых группой лиц. Законодатель указал на массовый характер преступления. И памятники права, и правоприменительная практика нового времени исходят из того, что в совершении преступления принимают участие многие лица, при этом количественный критерий законом не определен.

Анализируя категорию массовости при совершении преступления, авторы по-разному оценивают количественный состав

¹ Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование : науч.-практ. пособие / Рос. акад. правосудия ; авт.-сост. Ю. И. Антонов [и др.] ; под ред. А. В. Галаховой. М., 2014. 736 с.

² Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 апреля 2019 г. № 5-АПУ19-20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Четыре десятка участников акции 27 июля в центре Москвы получили административные аресты // Радио «Эхо Москвы» : сайт. URL: <https://echo.msk.ru/news/2473245-echo.html> (дата обращения: 18.10.2019).

участников¹. При этом следует руководствоваться не только численным составом людей, образующих толпу, но и качественным критерием, предусматривающим эмоциональное (идейное) и коммуникативное единство именно тех лиц, которые совершают погромы, уничтожают имущество, применяют насилие и пр.

Указанные действия могут совершаться «толпой» а могут и единицами, присутствующими в «толпе». В таком случае некорректно употреблять понятие «массовые беспорядки».

Организация массовых беспорядков, на наш взгляд, является оконченным преступлением в том случае, если участники массовых беспорядков (ч. 1 ст. 212 УК РФ) уже совершили действия, указанные в ч. 1 ст. 212 УК РФ².

«Массовость» – понятие относительное и должно быть «привязано» к количеству проживающих в месте, где происходят беспорядки, способности решить те задачи, которые ставят перед собой организаторы (руководители) преступления³.

Сложность в понимании вызывает понятие «погромы», обладающее высоким уровнем неопределенности. В пособии «Преступления против общественной безопасности» погромы определяются как разрушение, повреждение, разорение или разграбление жилых, служебных помещений, транспортных средств, средств коммуникаций и т. д.⁴

По мнению В. Б. Боровикова, этим понятием охватываются и случаи совершения грабежа, предусмотренного ч. 1 или ч. 2 ст. 161 УК РФ (преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 161 УК РФ, как более тяжкое, не-

жели установленное ч. 2 ст. 212 УК РФ, квалифицируется по совокупности)⁵. Авторы коллективной работы «Квалификация массовых беспорядков, хулиганства и преступлений экстремистской направленности» считают, что термин «разграбление» больше всего сходен с проявлениями открытых хищений чужого имущества – грабежей, т. е. не совсем корректно использован при характеристике объективной стороны массовых беспорядков⁶.

Профессор Ю. Н. Демидов полагает, что массовые беспорядки охватывают действия, состоящие в хищении чужого имущества и его уничтожении (повреждении), если они совершаются в процессе погромов и других действий, образующих объективную сторону массовых беспорядков⁷.

При этом Ю. Н. Демидов указывает, что деяния против личности (убийство, изнасилование и иные тяжкие преступления) требуют самостоятельной квалификации. С этим можно согласиться, поскольку в случае совершения тяжких и особо тяжких преступлений личность как самостоятельный объект преступлений должна защищаться дополнительно.

Признаком объективной стороны состава рассматриваемого преступления является применение оружия. Исключение из диспозиции ч. 1 ст. 212 УК РФ указания на признак оружия как огнестрельного позволяет утверждать, что оружие может быть самым различным (огнестрельным, холодным, метательным, газовым, пневматическим). Полагаем, что понятие «оружие» не следует толковать расширительно, включая сюда и другие предметы.

Нами указаны не единственные трудности в понимании признаков, характеризующих объективную сторону преступлений, предусмотренных ст. 212 УК РФ. Сказанное

¹ Хохрин С. А. Массовые беспорядки: проблемы определения понятия // Вестник Владимирского юридического института. 2009. № 4 (13). С. 161.

² Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 2 августа 2013 г. № 45-АПУ13-27. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Багмет А. М., Бычков В. В. Уголовно-правовая характеристика массовых беспорядков: монография. Челябинск, 2009. С. 95–96.

⁴ Чучаев А. И., Грачева Ю. В., Задоян А. А. Преступления против общественной безопасности: учеб.-практ. пособие: с постатейными материалами к главе 24 УК РФ. М., 2010. С. 57.

⁵ Уголовный закон в практике районного суда: науч.-практ. пособие / Рос. акад. правосудия; под ред. А. В. Галаховой. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 486.

⁶ Борисов С. В., Дмитренко В. А., Осипов В. А., Русскевич Е. А. Квалификация массовых беспорядков, хулиганства и преступлений экстремистской направленности: теория и практика / отв. ред. Н. Г. Кадников. М., 2012. 117, [1] с.

⁷ Демидов Ю. Н. Массовые беспорядки: уголовно-правовой и криминологический аспекты: учеб. пособие. М., 1994. С. 24–25.

свидетельствует о необходимости унификации понимания признаков, образующих объективную сторону преступлений, объединенных названием «массовые беспорядки». Оптимальным вариантом для этого нам видится разъяснение Верховного Суда Российской Федерации.

Библиографический список

1. Агапов, П. В. Ответственность за массовые беспорядки: вопросы квалификации и доказывания / П. В. Агапов, В. В. Меркурьев // Законность. — 2015. — № 1. — С. 54–56.
2. Багмет, А. М. Уголовно-правовая характеристика массовых беспорядков: монография / А. М. Багмет, В. В. Бычков. — Челябинск: Челяб. юрид. ин-т МВД России, 2009. — 117 с.
3. Борисов, С. В. Квалификация массовых беспорядков, хулиганства и преступлений экстремистской направленности: теория и практика / С. В. Борисов, В. А. Дмитриенко, В. А. Осипов, Е. А. Рускевич; отв. ред. Н. Г. Кадников. — Москва: Юриспруденция, 2012. — 117, [1] с. — ISBN 978-5-9516-0588-7.
4. Демидов, Ю. Н. Массовые беспорядки: уголовно-правовой и криминологический аспекты: учеб. пособие / Ю. Н. Демидов. — Москва: Изд-во Акад. МВД России, 1994. — 84 с.
5. Кажеева, Б. С. Некоторые аспекты объективной стороны преступлений, квалифицируемых как массовые беспорядки, по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан / Б. С. Кажеева // Современное право. — 2014. — № 10. — С. 140–145.
6. Лебон Г. Психология народов и масс / Гюстав Лебон. — Москва: Академический проект, 2015. — 238 с. — (Психологические технологии). — ISBN 978-5-8291-1557-9.
7. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: науч.-практ. пособие / Рос. акад. правосудия; [авт.-сост. Ю. И. Антонов и др.]; под ред. А. В. Галаховой. — Москва: Норма, 2014. — 736 с. — ISBN 978-5-91768-462-8.
8. Уголовный закон в практике районного суда: науч.-практ. пособие / Рос. акад. правосудия; под ред. А. В. Галаховой. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2010. — 975 с. — ISBN 978-5-91768-064-4, 978-5-16-004060-8.
9. Харрис, С. Свобода воли, которой не существует / Сэм Харрис. — Москва: Альпина Паблшер, 2015. — 112 с. — ISBN 978-5-9614-3945-8.
10. Хомяков, А. С. Полное собрание сочинений. В 8 т. Т. 1 / А. С. Хомяков. — Изд. 3-е. — Москва: Университет. тип., 1900. — 417 с.
11. Хохрин, С. А. Массовые беспорядки: проблемы определения понятия / С. А. Хохрин // Вестник Владимирского юридического института. — 2009. — № 4 (13). — С. 160–161.

12. Чучаев, А. И. Преступления против общественной безопасности: учеб.-практ. пособие: с постатейными материалами к главе 24 УК РФ / А. И. Чучаев, Ю. В. Грачева, А. А. Задоян. — Москва: Проспект, 2010. — 255, [1] с. — ISBN 978-5-392-01311-1.

References

1. Agapov, P. V. *Otvetstvennost' za massovye besporyadki: voprosy kvalifikacii i dokazyvaniya* / P. V. Agapov, V. V. Merkur'ev // *Zakonnost'*. — 2015. — № 1. — S. 54–56.
2. Bagmet, A. M. *Ugolovno-pravovaya harakteristika massovyh besporyadkov: monografiya* / A. M. Bagmet, V. V. Bychkov. — *CHelyabinsk: CHelyab. yurid. in-t MVD Rossii*, 2009. — 117 s.
3. Borisov, S. V. *Kvalifikaciya massovyh besporyadkov, huliganstva i prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti: teoriya i praktika* / S. V. Borisov, V. A. Dmitrienko, V. A. Osipov, E. A. Russkevich; *otv. red. N. G. Kadnikov*. — *Moskva: YUrisprudenciya*, 2012. — 117, [1] s. — ISBN 978-5-9516-0588-7.
4. *CHuchaev, A. I. Prestupleniya protiv obshchestvennoj bezopasnosti: ucheb.-prakt. posobie: s postatejnymi materialami k glave 24 UK RF* / A. I. CHuchaev, YU. V. Gracheva, A. A. Zadoyan. — *Moskva: Prospekt*, 2010. — 255, [1] s. — ISBN 978-5-392-01311-1.
5. Demidov, YU. N. *Massovye besporyadki: ugolovno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty: ucheb. posobie* / YU. N. Demidov. — *Moskva: Izdvo Akad. MVD Rossii*, 1994. — 84 s.
6. Harris, S. *Svoboda voli, kotoroj ne sushchestvuet* / Sem Harris. — *Moskva: Al'pina Pablisher*, 2015. — 112 s. — ISBN 978-5-9614-3945-8.
7. Hohrin, S. A. *Massovye besporyadki: problemy opredeleniya ponyatiya* / S. A. Hohrin // *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*. — 2009. — № 4 (13). — S. 160–161.
8. Homyakov, A. S. *Polnoe sobranie sochinenij. V 8 t. T. 1* / A. S. Homyakov. — *Izd. 3-e*. — *Moskva: Universitet. tip.*, 1900. — 417 s.
9. Kazhkeeva, B. S. *Nekotorye aspekty ob'ektivnoj storony prestuplenij, kvalificiruemyh kak massovye besporyadki, po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii i Respubliki Kazahstan* / B. S. Kazhkeeva // *Sovremennoe pravo*. — 2014. — № 10. — S. 140–145.
10. Lebon G. *Psihologiya narodov i mass* / Gyu-stav Lebon. — *Moskva: Akademicheskij proekt*, 2015. — 238 s. — (Psihologicheskie tehnologii). — ISBN 978-5-8291-1557-9.
11. *Ocenochnye priznaki v Ugolovnom kodekse Rossijskoj Federacii: nauchnoe i sudebnoe tolkovanie: nauch.-prakt. posobie* / *Ros. akad. pravosu-diya*; [avt.-sost. YU. I. Antonov i dr.]; *pod red. A. V. Galahovoj*. — *Moskva: Norma*, 2014. — 736 s. — ISBN 978-5-91768-462-8.
12. *Ugolovnyj zakon v praktike rajonnogo suda: nauch.-prakt. posobie* / *Ros. akad. pravosu-diya*; *pod red. A. V. Galahovoj*. — 2-e izd., *pere-rab. i dop.* — *Moskva: Norma: INFRA-M*, 2010. — 975 s. — ISBN 978-5-91768-064-4, 978-5-16-004060-8.

РОБОТИЗАЦИЯ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ: НЕОБХОДИМОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ¹

Полная автоматизация транспортных средств, используемых для движения на дорогах общего пользования, в настоящее время рассматривается в качестве весьма отдаленной перспективы, однако частичная автоматизация, когда управление автомобилем контролируется водителем, уже в ближайшее время возможна в серийных транспортных средствах при условии значительного ограничения области их применения. Эксплуатация таких автомобилей, вероятнее всего, будет осуществляться на автострадах или специально выделенных участках магистралей. Такое развитие событий актуализирует проблему правового обеспечения процессов автоматизации транспортных средств. Очевидно, что действующее законодательство не способно осуществлять исчерпывающее регулирование соответствующих общественных отношений.

Появление на дорогах общего пользования автоматизированных (беспилотных) транспортных средств ставит ряд вопросов, связанных с их безопасностью, касающихся, в частности, определения субъекта ответственности за возможные дорожно-транспортные происшествия с участием таких автомобилей. Большинство стран, занимающихся разработкой автоматизированных транспортных средств, идут по пути законодательного закрепления необходимости нахождения в салоне автоматизированного автомобиля человека, который в случае экстренной ситуации сможет взять управление транспортным средством на себя. В то же время зарубежное законодательство, как правило, не регламентирует порядок получения прав на управление автоматизированными автомобилями, а также ответственность за дорожно-транспортные преступления с их участием. Дорожная карта

по преодолению этих проблем должна содержать шаги, во-первых, по устранению пробелов в законодательстве (например, имеющихся в гражданском и административном праве); во-вторых, по разработке правил безопасности движения и эксплуатации беспилотных транспортных средств; в-третьих, по конструированию уголовно-правовой нормы об ответственности за вред, причиненный беспилотником.

Первые официальные тестовые испытания разработок российских компаний начались в 2016 году в рамках проекта «Караван», а в 2018 году был произведен первый заезд автоматизированного автомобиля по российской дороге. Национальной технологической инициативой «Автонет» разработана «дорожная карта», в которой поставлены цели:

развитие рынка частично и полностью беспилотных автотранспортных средств, комплексных решений и услуг на их основе;

развитие отрасли автомобилей с интеллектуальными системами (АсИС);

создание беспилотных автомобилей различных классов общего и специального назначения, программно-аппаратных комплексов ИТС (интеллектуальных транспортных систем) для АсИС².

Дорожная карта реализуется в три этапа. На первом этапе (2016–2018 гг.) были проведены научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, на втором этапе (2019–2023 гг.) должны быть реализованы среднесрочные проекты и проекты по организации производства и внедрению технологий, выявленных на первом этапе, на третьем этапе (2024–2035 гг.) реализу-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 8-29-16158 и № 18-29-16162.

² План мероприятий («дорожная карта») Национальной технологической инициативы «Автонет»: приложение № 2 к протоколу заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России от 24 апреля 2018 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ются долгосрочные проекты первых двух этапов. Существующие разработки уже достигают уровня, когда тестовые испытания необходимо проводить на дорогах общего пользования для сбора данных о среде эксплуатации с целью повышения общего уровня автоматизации систем управления, поэтому на законодательном уровне необходимо рассмотреть возможность проведения таких испытаний.

В Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 января 2018 г. № 1-р, отмечается приоритетность использования современных технологий в деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения (интеллектуальных транспортных систем, систем автоматизации процесса управления), что направлено на снижение аварийности на дорогах, увеличение безопасности водителей и пассажиров в автомобилях с полуавтоматическим (или автоматическим) управлением.

Первой попыткой регламентации отношений в сфере использования беспилотных транспортных средств, в том числе затрагивающей вопросы ответственности, является постановление Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2018 г. № 1415 «О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств»: ответственность за дорожно-транспортные и иные происшествия на автомобильных дорогах Российской Федерации, произошедшие с участием высокоавтоматизированного транспортного средства при проведении эксперимента, при отсутствии виновных действий других участников дорожного движения, приведших к данному дорожно-транспортному или иному происшествию на автомобильной дороге, несет собственник высокоавтоматизированного транспортного средства.

Толкование этого и иных положений указанного Постановления позволяет установить, что водитель понимается как участник дорожного движения, чьи виновные действия могут также привести к

дорожно-транспортным происшествиям, причиняющим вред имуществу, здоровью и жизни других лиц, поскольку он обязан активировать автоматизированную систему вождения высокоавтоматизированного транспортного средства, контролировать движение этого транспортного средства в автоматизированном режиме управления, а также осуществлять управление высокоавтоматизированным транспортным средством в режиме ручного управления.

В то же время Постановление не дает ответа на вопрос о том, что понимать под виновными действиями водителя. Вероятно, имеются в виду неправомерные действия по переходу на ручное управление транспортным средством в случаях, когда не было необходимости предотвращать дорожно-транспортное происшествие, что привело к причинению вреда, а также принятие ручного управления транспортным средством в случаях, когда была необходимость предотвратить дорожно-транспортное происшествие.

Сложности порождаются отсутствием законодательного определения понятия «управление транспортным средством», что затрудняет оценку «вклада» водителя в процесс управления автопилотируемым транспортом, определение его вины, характера влияния на наступление последствий.

Заложенный в Постановлении Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2018 г. № 1415 подход свидетельствует о большей ответственности водителя, нежели собственника, поскольку на первого возложена обязанность контроля за соблюдением правил дорожного движения и предотвращения дорожно-транспортных происшествий.

Рассмотренный правовой акт представляет собой лишь первую попытку закрепления и распределения ответственности за ущерб, причиняемый беспилотными транспортными средствами. Можно констатировать, что нормативные документы, регулирующие эксплуатацию беспилотных автомобилей, находятся в стадии разработки.

Для понимания дальнейших потребностей в правовой регламентации соответствующих общественных отношений необходимо выделить две точки зрения на

нормативные требования. Во-первых, целесообразно внести в правила дорожного движения поправки, касающиеся высокоавтоматизированных функций вождения. Во-вторых, закон и сертификация соответствия должны быть адаптированы таким образом, чтобы оригинальные производители оборудования (ОЕМ), поставщики, а также все другие заинтересованные стороны в автомобильной промышленности могли согласовывать свои технологические разработки с четкими и стабильными требованиями к автоматизированным транспортным средствам.

В ситуации, когда в управление транспортным средством в той или иной степени вовлечен водитель, действуют нормы Уголовного кодекса Российской Федерации. Иное дело при полной автономизации управления транспортным средством. Решение вопросов уголовной ответственности в этом случае представляет особую сложность по ряду причин. Во-первых, норма должна быть бланкетной по определению, однако на сегодняшний день правила, на которые надо будет ссылаться в уголовном законе, отсутствуют. Во-вторых, следует решить, что лежит в основе этиологии дорожно-транспортного происшествия при использовании высокоавтоматизированного транспортного средства: нарушение функционирования системы или нарушение правил дорожного движения как таковых (возможна совокупность этих факторов). Это необходимо для определения правовой природы возможного преступления: транспортное или какое-то иное (например, технологическое), а значит, определения объекта преступления и места последнего в системе Особенной части УК РФ. Нет ясности и в отношении субъекта ответственности: таковым должен являться пользователь, разработчик системы или производитель? Кроме того, необходимо решить вопрос об ответственности за внешнее вмешательство в функционирование автоматизированной системы; очевидно, что ни одна из норм УК РФ не охватывает подобные действия.

В отличие от аварий с участием человека, аварии с участием беспилотных транспортных средств могут происходить

по ряду причин, последствия от аварий могут быть самыми разнообразными — от порчи имущества и срыва сроков доставки до травм и человеческих жертв. Причинами аварий с участием беспилотных транспортных средств являются:

ошибки управляющих систем;

несанкционированный доступ, т. е. доступ несанкционированного оператора к системе управления. В случае физического доступа, если оператор незнаком с оборудованием, связанным с роботизированной средой, он может оказаться в опасной и потенциально смертельной зоне. В случае удаленного доступа неквалифицированные действия могут нанести материальный ущерб;

механические неисправности;

сбой в системе питания (повреждение, преднамеренное отключение источников питания; возможны столкновения или падение, например, беспилотных летательных аппаратов);

неправильная установка при настройке складского робота.

Кроме рисков, вызванных непосредственно технологическими сбоями, беспилотные транспортные средства создают новые возможности для совершения традиционных преступлений:

использование беспилотных транспортных средств наркокурьерами (даже в случае пресечения такой деятельности отправитель с высокой вероятностью останется анонимным, а доставка наркотиков в зоне видимости при помощи дрона позволяет конечным распространителям снизить риски; все это затрудняет контроль со стороны правоохранительных органов за распространением наркотиков);

использование самоуправляемых машин для террористических атак (доставка взрывчатых веществ перестанет представлять прямую угрозу для жизни террористов, что повысит угрозу террористических актов);

политическая борьба с представителями органов власти, которая станет анонимной и децентрализованной (противники политического режима, оснащенные автономными средствами доставки, могут использовать идеологию точечного устранения противника).

Нормативное регулирование должно определять не только зону ответственности при эксплуатации автоматизированных транспортных средств, но и перечень нормативных технических документов, в которых отражены требования к безопасной эксплуатации такого типа транспорта. Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2018 г. № 1415 определена специальная декларация о безопасности высокоавтоматизированного транспортного средства в отношении свойств, которые не могут быть оценены на соответствие обязательным требованиям, установленным техническим регламентом Таможенного союза 018/2011 «О безопасности колесных транспортных средств», по причине их отсутствия в нормативном документе.

В декларации обозначены требования, которым должен соответствовать высокоавтоматизированный автомобиль. Требования выступают основанием для разработки нормативно-технических документов, которые, в свою очередь, содержат требования: 1) к осуществлению контроля дорожно-транспортной обстановки средствами технического зрения, а также безопасному взаимодействию с другими участниками дорожного движения и объектами дорожно-транспортной инфраструктуры; 2) безопасному взаимодействию с участниками, допускающими ошибки, с целью минимизации последствий; 3) соблюдению правил дорожного движения автоматизированной системой; 4) рабочим условиям эксплуатации транспортных средств; 5) обеспечению максимального уровня безопасности дорожного движения в случае сбоя в работе автоматизированных систем; 6) безопасному реагированию на непредвиденные ситуации; 7) обмену информацией с пользователем системы и другими участниками движения; 8) информационному обмену с водителем-оператором в случае выхода транспортного средства из нормируемых рабочих условий; 9) проверке функционирования системы автоматизированного управления на любом этапе эксплуатации; 10) безопасной деактивации системы и передаче управления водителю-оператору; 11) кибербезопасности.

Перечисленные нормативно-технические документы необходимо разрабатывать на основании Постановления Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2018 г. № 1415 с учетом требований технического регламента Таможенного союза 018/2018 «О безопасности колесных транспортных средств».

Подготовка нормативных правовых актов, регулирующих вопросы цифровизации в определенной сфере, должна сопровождаться оценкой возможных рисков с целью безотлагательной разработки (корректировки) уголовно-правовых норм, охраняющих соответствующие общественные отношения.

Следующим шагом в нормативном правовом регулировании эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств должна стать разработка и принятие соответствующего Федерального закона со следующей структурой:

Статья 1. Сфера действия Федерального закона.

Статья 2. Цели и принципы.

Статья 3. Основные понятия.

Статья 4. Правовые основы.

Статья 5. Полномочия органов государственной власти Российской Федерации.

Статья 6. Требования к транспортным средствам, оборудованным системой автоматического управления.

Статья 7. Общие требования к использованию транспортных средств, оборудованных системой автоматического управления (сфера использования таких транспортных средств, этапы их внедрения).

Статья 8. Требования к автомобильным дорогам общего пользования (сертификация таких дорог в целях использования транспортных средств, оборудованных системой автоматического управления).

Статья 9. Федеральный государственный контроль в сфере использования транспортных средств, оборудованных системой автоматического управления.

Статья 10. О внесении изменений в Федеральный закон «О безопасности дорожного движения».

Статья 11. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

Статья 12. О внесении изменений в Федеральный закон «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Статья 13. О внесении изменений в Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

Статья 14. Переходные положения.

Статья 15. Порядок вступления в силу Федерального закона.

Применительно к уголовному законодательству можно отметить, что запрет необходимо сформулировать в виде единой, универсальной нормы, распространяющей

свое действие на все виды беспилотных транспортных средств; диспозиция нормы должна носить бланкетный характер; субъект преступления специальный, трактовка которого должна быть достаточно широкой. Данный элемент состава преступления должен включать: 1) персонифицированных разработчиков конкретной компьютерной программы, предназначенной для конкретного беспилотного транспортного средства; 2) лиц, контролирующую безопасную эксплуатацию этих программ; 3) владельцев беспилотных транспортных средств, обязанных осуществлять текущий контроль за безопасными условиями их эксплуатации; 4) лиц, находящихся в беспилотном транспортном средстве и осуществляющих непосредственный контроль за безопасностью его эксплуатации.

Р. Д. ШАРАПОВ

УДК 343.3/.7

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХУЛИГАНСТВА

В соответствии с действующей редакцией ст. 213 Уголовного кодекса Российской Федерации состав хулиганства относится к группе сложных альтернативных составов преступлений, вменение которого возможно, если грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождалось хотя бы одним из трех обстоятельств: 1) было применено оружие или предметы, используемые в качестве оружия; 2) мотивом противоправных действий виновного послужила политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть или вражда либо ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы; 3) противоправные действия совершены на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования. Условно данные виды хулиганства можно именовать как «вооруженное хулиганство», «экстремистское хулиганство» и «транспортное хулиганство». Каждому из видов хулиганства сопутствуют вопросы квалификации, остро стоящие в теории уголовного права и судебной практике.

1. Характеризуя «вооруженное хулиганство», Пленум Верховного Суда Российской Федерации, вслед за традиционными для отечественного уголовного права разъяснениями того, что понимается под применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, сделал неожиданный вывод: «Применение в ходе совершения хулиганства незаряженного, неисправного, непригодного оружия (например, учебного) либо декоративного, сувенирного оружия, оружия-игрушки и т. п. дает основание для квалификации содеянного по пункту “а” части 1 статьи 213 УК РФ»¹.

Здесь возникают как минимум два вопроса. Первый вопрос: применение какого из орудий преступления, указанного в п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ, следует отражать в формулировке обвинения по уголовному делу данной категории — оружия или предмета, используемого в качестве ору-

¹ О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45. П. 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

жия? Представляется, что содеянное требует оценки как хулиганства с применением предмета, используемого в качестве оружия, поскольку с позиции Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии», теории и практики оружейно-экспертной экспертизы перечисленные в названном Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации предметы, имитирующие оружие (за исключением незаряженного оружия), оружием в юридическом смысле слова все же не являются. Использование в процессе хулиганства незаряженного оружия, полагаю, нужно инкриминировать по признаку «применение оружия»¹.

Если виновный, совершая хулиганство, использовал предмет, имитирующий оружие, в процессе физического насилия (например, наносил удары потерпевшему рукоятку неисправного пистолета либо макетом пистолета, отлитым из металла), то препятствий для квалификации содеянного по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ нет, так как имитирующий оружие предмет в точности соответствует понятию предметов, используемых в качестве оружия при совершении хулиганства, в трактовке Пленума Верховного Суда Российской Федерации (любые материальные объекты, которыми, исходя из их свойств, можно причинить вред здоровью человека).

Аналогичной квалификации подлежат случаи, когда при хулиганстве виновный угрожал заведомо негодным оружием либо имитацией оружия с намерением использовать эти предметы для причинения телесных повреждений, ибо такой подход к уголовно-правовой оценке следует из разъяснения, данного в абз. 4 п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое».

Второй вопрос состоит в том, можно ли инкриминировать п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ, если виновный в процессе хулиганских действий угрожал предметом, выдавая его за подлинное оружие, но не имел намерения

использовать данный предмет для причинения физического вреда потерпевшему, а равно если таким предметом объективно невозможно причинить телесные повреждения (например, бумажным пистолетом). Буквальное понимание позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации относительно оценки применения в ходе совершения хулиганства незаряженного, неисправного, непригодного оружия либо декоративного, сувенирного оружия, оружия-игрушки и т. п. дает основания для положительного ответа на поставленный вопрос. Но в таком случае нужно констатировать непоследовательность высшей судебной инстанции в решении одного и того же квалификационного вопроса применительно к хулиганству, с одной стороны, и разбою, с другой стороны, несмотря на то что этот вопрос имеет значение для разных составов преступлений. Потому что согласно позиции Пленума, изложенной в постановлении от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», использование виновным при разбое заведомо негодного или незаряженного оружия либо предметов, имитирующих оружие, без намерения использовать эти предметы для причинения вреда, опасного для жизни или здоровья, не дает оснований считать разбой вооруженным и квалифицировать содеянное по ч. 2 ст. 162 УК РФ.

Если представить, что предметом расследования по уголовному делу является реальная совокупность хулиганства и разбоя, совершенных с применением, скажем, оружия-игрушки, то с учетом указанных разъяснений Пленума выводы суда, изложенные в приговоре, будут содержать существенные противоречия, которые повлияют на правильность применения уголовного закона (п. 4 ст. 389.16 УПК РФ).

2. Теория и практика уголовного права традиционно исходят из того, что обязательным признаком субъективной стороны состава хулиганства является мотив (хулиганские побуждения), который, по моему мнению, зафиксирован в диспозиции ч. 1 ст. 213 УК РФ фразой «явное неуважение к обществу». Наиболее развернутое официальное толкование хулиганского мотива

¹ Шарапов Р. Д. Понятие оружия как орудия преступления // Журнал российского права. 2005. № 11. С. 76–81.

дано Пленумом Верховного Суда Российской Федерации применительно к п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ, по которому следует квалифицировать убийство, совершенное на почве явного неуважения к обществу и общепринятым нормам морали, когда поведение виновного является открытым вызовом общественному порядку и обусловлено желанием противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение (например, умышленное причинение смерти без видимого повода или с использованием незначительного повода как предлога для убийства)¹.

С большой долей скептицизма в теории уголовного права было воспринято решение законодателя включить в состав хулиганства дополнительный, так называемый экстремистский мотив — политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть или вражда либо ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы. Законодатель признал невозможным придание юридического значения наличию нескольких побуждений при совершении одного преступного деяния². При том что Пленум Верховного Суда Российской Федерации считает недопустимым квалификацию одного и того же убийства по нескольким пунктам ч. 2 ст. 105 УК РФ, предусматривающим различные мотивы и цели преступления³.

Практика, однако, показала жизнеспособность уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за

экстремистское хулиганство, о чем свидетельствует приговор по одному из самых «нашумевших» уголовных дел данной категории, по делу женской панк-группы «Пусси Райот»⁴. Стало быть, законодательный феномен полимотивированного хулиганства является уголовно-правовой реальностью, а значит, состав преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 213 УК РФ, характеризуется двумя мотивами, в одинаковой мере имеющими значение для квалификации хулиганства.

Впрочем, развернутая в теории уголовного права критика состава экстремистского хулиганства, а также далеко не однозначное восприятие обществом официальной уголовно-правовой оценки того деяния, которое совершили фигуранты дела «Пусси Райот», оказали влияние на законодателя. В июне 2013 года в ст. 148 УК РФ криминализованы публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих. На практике возник острейший вопрос о разграничении нового состава преступления с составом хулиганства, совершенного по мотиву религиозной ненависти или вражды.

Полагаю, что критерием, определяющим квалификацию религиозного экстремизма по статье Уголовного кодекса Российской Федерации о хулиганстве, является грубое нарушение общественного порядка в результате хулиганско-экстремистских действий. Иначе содеянное может квалифицироваться по ст. 148 УК РФ.

3. Федеральным законом от 3 апреля 2017 г. № 60-ФЗ криминализовано хулиганство на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования (п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ). Наряду с этим введена ст. 267.1 УК РФ, предусматривающая ответственность за совершение из хулиганских побуждений действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств. Возникший сразу же вопрос о разграниче-

¹ О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 : текст с изм. и доп. на 3 марта 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Волженкин Б. Хулиганство // Уголовное право. 2007. № 5. С. 21 ; Борисов С. В., Дмитренко А. П., Осипов В. А., Рускевич Е. А. Квалификация массовых беспорядков, хулиганства и преступлений экстремистской направленности: теория и практика / отв. ред. Н. Г. Кадников. М., 2012. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» ; Кибальник А., Соломенко И. «Экстремистское» хулиганство — нонсенс уголовного закона // Законность. 2008. № 4. С. 21 – 23.

³ О судебной практике по делам об убийстве ... П. 13.

⁴ Приговор Хамовнического районного суда г. Москвы от 17 августа 2012 г. по делу № 1-170/12 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> / (дата обращения: 30.11.2019).

нии этих составов преступлений по-прежнему является актуальным.

Из пояснительной записки к проекту указанного Федерального закона следует, что ст. 267.1 УК РФ рассчитана на применение, например, к таким случаям, как попытки ослепления лазерными лучами пилотов воздушных судов, заходящих на посадку или осуществляющих движение¹. Поэтому состав данного преступления будет иметь место и в тех случаях, когда действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств, совершены лицом, не находящимся на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспортном средстве, а также на любом ином транспортном средстве общего пользования. Для состава транспортного хулиганства место совершения преступления (на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования), напротив, является обязательным признаком объективной стороны преступления. К дискуSSIONным относится вопрос о том, признается местом преступления исключительно транспортное средство (судно, железнодорожный подвижной состав, автомобиль и т. п.) либо также общедоступные объекты транспортной инфраструктуры (залы ожидания, зоны пассажирского контроля, станции метрополитена, пассажирские переходы, перроны, пристани и т. п.)². В судебной практике имеются ре-

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Законопроект № 572517-5. Дата внесения: 01.07.2011 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² Куприянов Е. И., Майорова Е. И., Яковлева Л. В. Хулиганство, совершенное на транспорте общего пользования // Российский следователь. 2018. № 4. С. 51–53; Сичкаренко А. Ю. Актуальные вопросы квалификации «транспортного» хулиганства // Уголовное право. 2017. № 6. С. 55–59. В судебной практике неоднозначно решается вопрос оценки объекта транспортной инфраструктуры общего пользования как места совершения транспортного хулиганства. Например, совершение хулиганства на перроне станции метрополитена послужило основанием для осуждения по п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ (приговор Савеловского районного суда г. Москвы от 11 ок-

тября 2017 г. по делу № 01-0315/2017 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 17.11.2019)). Иначе квалифицированы хулиганские действия, совершенные в подуличном переходе станции метро (Апелляционное постановление Московского городского суда от 8 октября 2018 г. по делу № 01-0349/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 17.11.2019)).

Обсуждаемый критерий представляется недостаточным для разграничения рассматриваемых преступлений. Уголовно наказуемым хулиганством является грубое нарушение общественного порядка, устанавливаемое с учетом способа, времени, места совершения хулиганских действий, а также их интенсивности, продолжительности и других обстоятельств³. Преступление, предусмотренное ст. 267.1 УК РФ, состоит в совершении действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств. Указанные признаки диктуют различие в основных непосредственных объектах составов преступлений (хулиганство направлено против общественного порядка, а действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств, направлены против безопасности движения и эксплуатации транспорта).

Если хулиганские действия совершены виновным непосредственно на борту воздушного судна, судна морского или

тября 2017 г. по делу № 01-0315/2017 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 17.11.2019)). Иначе квалифицированы хулиганские действия, совершенные в подуличном переходе станции метро (Апелляционное постановление Московского городского суда от 8 октября 2018 г. по делу № 01-0349/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 17.11.2019)).

³ Приговор Савеловского районного суда г. Москвы от 11 октября 2017 г. по делу № 01-0315/2017 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 17.11.2019).

⁴ Апелляционное постановление Московского городского суда от 8 октября 2018 г. по делу № 01-0349/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 17.11.2019).

⁵ О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве ... П. 1.

внутреннего водного транспорта, на железнодорожном подвижном составе либо на ином транспортном средстве общего пользования (либо на объекте транспортной инфраструктуры общего пользования) и выражались в грубом нарушении общественного порядка на транспорте общего пользования, содеянное квалифицируется как хулиганство (например, учинение драки в вагоне метро).

В тех случаях, когда хулиганские действия, совершенные на транспорте общего пользования, угрожали безопасной эксплуатации транспортных средств, однако не обладали свойством грубого нарушения общественного порядка (например, самовольная без надобности остановка поезда стоп-краном¹), а равно когда хулиганские действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств, в том числе грубо нарушающие общественный порядок, совершены лицом, не находящимся на транспорте общего пользования (например, опасное вождение, совершенное в нарушение п. 2.7 Правил дорожного движения водителем личного автомобиля², размещение на железнодорожных путях посторонних предметов), содеянное нужно квалифицировать по ст. 267.1 УК РФ.

По статье 267.1 УК РФ следует квалифицировать совершение из хулиганских побуждений действий, входящих в объективную сторону правонарушений, предусмотренных ст. 267 УК РФ и ч. 1 ст. 11.1 КоАП РФ, когда эти действия угрожали безопасной эксплуатации транспортных средств, но не повлекли по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека либо причинение крупного ущерба.

Главный вопрос квалификации, однако, заключается в том, какую оценку давать поведению виновного, в действиях которого одновременно усматриваются как при-

¹ Ю. В. Голик приводит пример с выбрасыванием из хулиганских побуждений спасательных кругов с борта прогулочного теплохода во время рейса (Голик Ю. В. Ответственность за хулиганство: изменение законодательства // *Lex russica*. 2017. № 8. С. 162–166).

² Медведев Е. В., Кузнецова М. А. Стритрейсинг — транспортное преступление или уголовно наказуемое хулиганство? // *Транспортное право*. 2018. № 4. С. 5–8.

знаки состава транспортного хулиганства, так и признаки состава преступления, предусмотренного ст. 267.1 УК РФ (например, демонстративная попытка «авиадебошира» насильственным способом проникнуть в кабину пилотов воздушного судна во время полета). Квалифицировать содеянное по совокупности данных преступлений или по одной из указанных статей как единое преступление?

Если исходить из того, что составы преступлений, предусмотренные п. «в» ч. 1 ст. 213 и ст. 267.1 УК РФ, являются смежными и описывают посяательства на различные объекты уголовно-правовой охраны, которые не защищаются ни одной из данных уголовно-правовых норм в отдельности, то последует вывод о том, что действия виновного, который из хулиганских побуждений грубо нарушил общественный порядок на транспорте общего пользования, создав при этом реальную угрозу безопасной эксплуатации транспортного средства, должны быть квалифицированы по правилу идеальной совокупности указанных преступлений.

Предпочтительной видится иная позиция, основанная на том, что состав транспортного хулиганства характеризуется двумя непосредственными объектами преступления, один из которых основной (общественный порядок), а другой факультативный (транспортная безопасность³). Поэтому отношение между рассматриваемыми составами преступлений соответствует конкуренции общей и специальной норм, при которой норма о транспортном хулиганстве является специальной, стало быть, и подлежит применению только она. Именно так суды расценивают соотношение сравниваемых уголовно-правовых норм. Например, А. был осужден по п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ за то, что, находясь на борту самолета в состоянии алкогольного опьянения, пытался закурить в салоне самолета.

³ Транспортная безопасность — состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства (О транспортной безопасности : Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ : текст с изм. и доп. на 2 авг. 2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

При этом он грубо выражался нецензурной бранью, выкрикивал угрозы в адрес пассажиров и бортпроводников, бесцельно передвигался по салону самолета, задевая пассажиров, тем самым угрожая безопасности полета¹.

4. Текущее десятилетие ознаменовалось актуализацией некоторых форм девиантного поведения, создающих угрозу для общественной безопасности и общественного порядка (например, зацепинг, руфинг, сталкерство). К числу «новых» девиаций относится *пранк* (от англ. *prank* – проказа, выходка, шалость, розыгрыш, шутка), который уже не сводится к своему изначальному значению – телефонный розыгрыш, а нередко выражается в совершении публичных провокаций в общественных местах, связанных с имитацией убийства, причинения телесных повреждений, похищения людей и других общеуголовных преступлений (так называемый «живой» пранк). Расчет режиссеров уличных розыгрышей подобного рода (они это называют социальным экспериментом) строится на том, что прохожие, общественность, воспринимая происходящее как реальное событие, будут шокированы, последует их ответная реакция, что и станет предметом насмешки, в том числе в сети «Интернет», когда видеозапись уличной провокации будет размещена на сайте. Небезынтересным представляется вопрос об уголовно-правовой характеристике пранка.

Российское законодательство предусматривает как административную, так и уголовную ответственность за некоторые формы телефонных розыгрышей, представляющих общественную опасность. В статье 19.13 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за заведомо

¹ Приговор Уфимского районного суда Республики Башкортостан от 28 ноября 2017 г. по делу № 1-259/2017 (приводится по: Куприянов Е. И., Майорова Е. И., Яковлева Л. В. Указ. соч. С. 51). См. приговор по п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ Химкинского городского суда Московской области от 12 сентября 2017 г. по делу № 1-575/2017 в отношении «авиадебошира», неоднократно пытавшегося открыть дверь воздушного судна во время полета (Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 17.11.2019)).

ложный вызов специализированных служб. Если предметом телефонного пранка было заведомо ложное сообщение о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, то наступает уголовная ответственность по ст. 207 УК РФ «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма».

Случаи уличного пранка могут расцениваться как мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ), если публичный розыгрыш сопровождался нецензурной бранью или оскорбительным приставанием к гражданам. Именно так были квалифицированы действия блогеров из Волгограда, которые, выдавая себя за сотрудников полиции (переодевшись в форменную одежду), требовали от прохожих предъявления документов для проверки, предлагали пройти личный досмотр. «Розыгрыш» пранкеры фиксировали с помощью видеозаписи, а затем разместили ее в сети «Интернет» для увеличения числа подписчиков своего видеоканала².

Считаю правильной квалификацию действий уличных пранкеров как уголовно наказуемого хулиганства, при условии, что публичный розыгрыш с учетом способа, времени, места его совершения, интенсивности, продолжительности и других обстоятельств привел к грубому нарушению общественного порядка (дезорганизация работы предприятия или учреждения, приостановление работы общественного транспорта, срыв массового мероприятия, нарушение общественного спокойствия в многолюдных местах и т. п.) и сопровождался демонстрацией оружия или предметов, используемых в качестве оружия (в том числе, незаряженного, неисправного, непригодного, декоративного, сувенирного оружия, оружия-игрушки), если по обстоятельствам дела такая демонстрация может быть расценена как «иные действия, свидетельствующие о намерении применить насилие посредством этого оружия или пред-

² РИА Новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20191001/1559330680.html> (дата обращения: 17.11.2019).

метов, используемых в качестве оружия»¹. Таковы, например, случаи прилюдного совершения в общественных местах действий, имитирующих убийство или причинение вреда здоровью «потерпевшего» с использованием якобы настоящего оружия или других «опасных» предметов, когда действия пранкеров направлены на устрашение неопределенного круга лиц, ставших случайными очевидцами уличного розыгрыша. Так, К., выходя на станции метрополитена из вагона поезда, бросил в вагон муляж взрывного устройства – коробку с проводами, а сам стал проводить какие-то манипуляции с мобильным телефоном. Среди пассажиров началась паника, на следующей станции они покинули вагон, две пассажирки упали в обморок. К. осужден за хулиганство, совершенное с применением предмета, используемого в качестве оружия, на транспорте общего пользования².

Библиографический список

1. Борисов, С. В. Квалификация массовых беспорядков, хулиганства и преступлений экстремистской направленности: теория и практика / С. В. Борисов, А. П. Дмитренко, В. А. Осипов, Е. А. Рускевич ; отв. ред. Н. Г. Кадников. – Москва : Юриспруденция, 2012. – 117, [1] с. – ISBN 978-5-9516-0588-7.
2. Волженкин, Б. Хулиганство / Б. Волженкин // Уголовное право. – 2007. – № 5. – С. 17–22.
3. Голик, Ю. В. Ответственность за хулиганство: изменение законодательства / Ю. В. Голик // Lex russica. – 2017. – № 8. – С. 162–166.
4. Кибальник, А. «Экстремистское» хулиганство – нонсенс уголовного закона / А. Кибаль-

¹ О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве ... П. 2.

² Апелляционное постановление Московского городского суда от 4 февраля 2017 г. по делу № 10-19240/2017 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 17.11.2019).

ник, И. Соломоненко // Законность. – 2008. – № 4. – С. 21–23.

5. Куприянов, Е. И. Хулиганство, совершенное на транспорте общего пользования / Е. И. Куприянов, Е. И. Майорова, Л. В. Яковлева // Российский следователь. – 2018. – № 4. – С. 51–53.

6. Медведев, Е. В. Стритрейсинг – транспортное преступление или уголовно наказуемое хулиганство? / Е. В. Медведев, М. А. Кузнецова // Транспортное право. – 2018. – № 4. – С. 5–8.

7. Сичкаренко, А. Ю. Актуальные вопросы квалификации «транспортного» хулиганства / А. Ю. Сичкаренко // Уголовное право. – 2017. – № 6. – С. 55–59.

8. Шарапов, Р. Д. Понятие оружия как орудия преступления / Р. Д. Шарапов // Журнал российского права. – 2005. – № 11. – С. 76–81.

References

1. Borisov, S. V. Kvalifikaciya massovyh besporjadkov, huliganstva i prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti: teoriya i praktika / S. V. Borisov, A. P. Dmitrenko, V. A. Osipov, E. A. Russkevich ; otv. red. N. G. Kadnikov. – Moskva : YUrisprudenciya, 2012. – 117, [1] s. – ISBN 978-5-9516-0588-7.
2. Golik, YU. V. Otvetstvennost' za huliganstvo: izmenenie zakonodatel'stva / YU. V. Golik // Lex russica. – 2017. – № 8. – S. 162–166.
3. Kibal'nik, A. «Ekstremistskoe» huliganstvo – nonsens ugovnogo zakona / A. Kibal'nik, I. Solomonenko // Zakonnost'. – 2008. – № 4. – S. 21–23.
4. Kupriyanov, E. I. Huliganstvo, sovershennoe na transporte obshchego pol'zovaniya / E. I. Kupriyanov, E. I. Majorova, L. V. Yakovleva // Rossijskij sledovatel'. – 2018. – № 4. – S. 51–53.
5. Medvedev, E. V. Stritrejsing – transportnoe prestuplenie ili ugovlovno nakazuemoe huliganstvo? / E. V. Medvedev, M. A. Kuznecova // Transportnoe pravo. – 2018. – № 4. – S. 5–8.
6. SHarapov, R. D. Ponyatie oruzhiya kak orudiya prestupleniya / R. D. SHarapov // ZHurnal rossijskogo prava. – 2005. – № 11. – S. 76–81.
7. Sichkarenko, A. YU. Aktual'nye voprosy kvalifikacii «transportnogo» huliganstva / A. YU. Sichkarenko // Ugovlovnoe pravo. – 2017. – № 6. – S. 55–59.
8. Volzhenkin, B. Huliganstvo / B. Volzhenkin // Ugovlovnoe pravo. – 2007. – № 5. – S. 17–22.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Н. А. КОРНИЕНКО

УДК 343

ИСТОРИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКСПЕРТНОЙ СЛУЖБЫ В РОССИИ И СТАНОВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ¹

(продолжение)

Суждение о том, что криминалистика в России впервые стала изучаться в Университете Харькова, ошибочно. Ознакомление на занятиях по уголовному праву и процессу с ее отдельными разделами (судебной фотографией, дактилоскопией, антропометрией, организацией работы полиции ряда европейских стран) не является преподаванием учебной дисциплины.

К этому времени возглавивший юрисконсультскую часть Министерства юстиции С. Н. Трегубов, в служебные обязанности которого входила, в частности, разработка законопроектов по судоустройству и судопроизводству, общее руководство деятельностью сотрудников прокуратуры, предлагает приступить к созданию экспертной службы, позволяющей проводить все известные на тот момент криминалистические экспертизы. С. Н. Трегубов пользовался полным доверием министра юстиции И. Г. Щегловитова и многие деловые вопросы решал непосредственно с ним. Он подготовил законопроект об организации экспертной службы, занимался подбором и обучением будущих сотрудников, приобретением лабораторного оборудования и расходных материалов, подготовкой служебных помещений.

¹ Продолжение, начало см.: «Криминалист». 2019. № 4 (29).

Принятие закона о многопрофильной государственной экспертной службе осуществлялось быстро, так как на документах стояла отметка «заявлена поспешность». Тем самым депутатам Госдумы демонстрировалась важность законодательной регламентации ее функционирования. Аргументация необходимости предполагаемой деятельности новых для России учреждений, предложения о их структуре, различные организационные вопросы излагались в объяснительной записке к законопроекту, составленной С. Н. Трегубовым и представленной главой Министерства юстиции в Государственную думу.

Создание государственной экспертной службы являлось своего рода реакцией на сложившееся положение с преступностью в государстве. Выступая с докладом в Государственной думе, С. Н. Трегубов отметил «неудовлетворительную постановку розыска и технической стороны следственных приемов», низкую раскрываемость².

² Громов И. А. Кабинеты научно-судебной экспертизы в городах Москве, Киеве и Одессе по закону 4 июля 1913 года : (Собр. узак. 1913 г., № 158, ст. 1441) : Текст закона с законодат. мотивами и с текстом закона 28 июня 1912 г. : (Собр. узак. 1912 г., № 142, ст. 1237) об учреждении Каб. науч.-судеб. экспертизы в С.-Петербурге / сост. И. А. Громов, тов. прокурора Витеб. окр. суда. СПб., 1913. С. 8.

Так, в 1909 году было расследовано 441 065 уголовных дел, прекращено 233 770, из которых 96 247 — в связи с невозможностью установить преступника. Кстати, подобное положение вещей наблюдалось и в Европе, где раскрываемость составляла менее 50 %. Использование же возможностей криминалистики «представляется наиболее рациональным средством для предотвращения возможности судебных ошибок» и корректирования ложных или ошибочных показаний свидетелей, потерпевших¹.

Для организации профессиональной подготовки будущих экспертов С. Н. Трегубов командировается в Париж к А. Бертильону и в Женеву к А. Рейссу.

Отметим, что А. Бертильон никогда не читал курс криминалистики, он проводил ознакомительные занятия по отождествлению личности и организации учетов в бюро идентификации парижской полиции, слушателями которого в свое время были Э. Локкар, В. И. Лебедев, А. Рейсс, А. Д. Киселев и многие другие криминалисты.

Содержанием учебного процесса в Швейцарии охватывался более широкий круг вопросов криминалистики и судебной экспертизы, а общий стиль занятий в этой стране, кстати, привлекал многих россиян, составлявших треть всех студентов Лозаннского университета.

Для обучения в экспертном учреждении Рейсса было направлено 16 юристов. Группа состояла из прокуроров, следователей, в том числе одного военного, и воспитанников старших классов Училища правоведения. Занятия длились с 27 июня по 19 августа 1911 г., их тематика охватывала круг проблем, связанных с осмотром места происшествия, экспертным исследованием документов, а также расследованием имущественных преступлений и пожаров. Было прочитано 40 лекций, проведены практические занятия по исследованию возможных вещественных доказательств. Лекции детально конспектировались и впоследствии в обработанном виде были опубликованы².

¹ Там же.

² Рейсс А. Р. Научная техника расследования преступлений: курс лекций, прочтенных в г. Лозанне проф. Рейссом чинам рус. судеб. ведом-

ства летом 1911 г. / сост. под ред. С. Н. Трегубова СПб., 1912. 178 с.

Курс занятий у А. Рейсса основывался на его книге, вышедшей в том же году³. После окончания занятий у А. Рейсса русские слушатели в Париже ознакомились с деятельностью службы Бертильона и работой парижской полиции.

Вернувшись из командировки, С. Н. Трегубов выступил перед коллегами-юристами в Санкт-Петербургском окружном суде, Училище правоведения, Александровской военной юридической академии, членами высшего апелляционного суда — Сената, представителями адвокатуры.

Осенью 1911 года в Училище правоведения начались факультативные занятия со слушателями старших курсов по основам криминалистики, лекции читал С. Н. Трегубов, а практические занятия проводил С. М. Потапов. В Александровской военной юридической академии к изучению криминалистики приступили в следующем учебном году.

Отметим, что в ряде публикаций содержится досадная историческая ошибка. Утверждается, что впервые криминалистику начали преподавать в Александровской военной юридической академии, а затем в Училище правоведения. Однако свидетельства С. М. Потапова и других лиц опровергают указанный факт. Попутно заметим, что в публикациях, посвященных С. Н. Трегубову, воспроизводится не его фотография, а М. И. Зубовского, заведовавшего канцелярией Министерства внутренних дел и в 1911 году редактора журнала «Вестник полиции». К такому выводу можно прийти, ознакомившись, в частности, с фотоснимком, сделанным 31 января 1911 г. при посещении ЦДБ МВД слушателями Императорского училища правоведения, на котором изображены сидящие рядом С. Н. Трегубов и М. И. Зубовский.

В мае 1912 года по приглашению министра юстиции И. Г. Щегловитова и военного министра В. А. Сухамлинова Россию посетил А. Рейсс и в течение нескольких дней

ства летом 1911 г. / сост. под ред. С. Н. Трегубова СПб., 1912. 178 с.

³ Prof. D-r R. A. Reiss. Manual du police scientifique (tecknique). Lausanne, 1911.

выступал с лекциями в Александровской военной юридической академии и Училище правоведения, популяризируя молодую науку. Аудитория слушателей была представлена не только воспитанниками этих учебных заведений и военными юристами, но и «многими членами гражданского и военного судебного ведомства, сенаторами и другими лицами, интересующимися прогрессом судебного дела»¹.

Закон об учреждении кабинета научно-судебной экспертизы при прокуратуре Санкт-Петербургской судебной палаты был одобрен Госсоветом и Государственной думой 28 июня 1912 г. Главой Министерства юстиции И. Г. Щегловитовым 3 октября 1912 г. утверждена Инструкция управляющему кабинетом научно-судебной экспертизы при прокуратуре Санкт-Петербургской судебной палаты и его помощникам. Данный документ является первым нормативным актом в нашей стране, регламентирующим основные положения деятельности государственного судебного экспертного учреждения. Были дополнены и изменены ст.ст. 4291–4294 Устава уголовного судопроизводства.

Торжественное открытие Санкт-Петербургского кабинета научно-судебной экспертизы состоялось 9 декабря 1912 г., к работе сотрудники Кабинета приступили в первых числах января 1913 года. В торжественном открытии приняли участие глава Министерства юстиции и военный министр, прокуроры судебных палат и Уголовного департамента Сената, главный военный прокурор, директор Департамента полиции, начальник Корпуса жандармов, высшие чины прокуратуры и суда. Были получены поздравительные телеграммы и письма от 28 авторитетных криминалистов и судебных медиков Европы. В их числе значились Бертильон, Гросс, Лакассань, Минович, Ницефор, Оттоленги, Рейсс и ряд других известных судебных экспертов, руководители полиции крупных городов.

¹ Трегубов С. Первый кабинет научно-судебной экспертизы в России (история его учреждения и открытие) // Журнал Министерства юстиции. 1913. № 1. С. 232–258.

Следующим этапом создания экспертных учреждений в органах прокуратуры было открытие еще трех кабинетов – в Москве, Киеве и Одессе. Сотрудники Московского кабинета приступили к работе 1 февраля 1914 г., Киевского – 2 февраля 1914 г., Одесского – 15 марта 1914 г. Планировалось создать подобные учреждения в Тбилиси и Казани, но из-за начавшейся Первой мировой войны этого не удалось сделать. Поэтапное начало деятельности кабинетов научно-судебной экспертизы объяснялось тем, что требовалось разрешить хозяйственные вопросы, связанные с оборудованием специальных лабораторных помещений, всего по 12 рабочих комнат в каждом кабинете, осуществить приобретение техники и расходных материалов, укомплектование учреждений техническими специалистами и канцелярскими служащими, а также необходимостью подбора и специального обучения будущих сотрудников в зависимости от профиля предстоящей работы. Обучение профессиональным знаниям осуществлялось в Санкт-Петербургском кабинете научно-судебной экспертизы. Все претенденты относились к занятиям ответственно, а овладение соответствующими практическими навыками проходило под непосредственным руководством и контролем уже действующих экспертов А. Н. Попова и С. М. Потапова. Первым экспертам – А. Н. Попову, впоследствии управляющему Санкт-Петербургским кабинетом научно-судебной экспертизы, и его помощнику С. М. Потапову потребовалась повторная командировка в Лозанну. Предварительно они прошли обучение и стажировку при V фотографическом отделе Императорского Русского технического общества (ИРТО), после чего отправились к А. Рейссу для углубленного ознакомления с деятельностью экспертного учреждения.

Каждое экспертное учреждение состояло из трех отделов, возглавляемых помощниками управляющего. Первый отдел занимался работами, связанными с судебно-исследовательской фотографией и фотосъемкой на месте происшествия. Второй

отдел именовался уголовно-техническим, в функции которого входило «обнаружение и зафиксирование на месте совершения преступления всевозможного рода следов, могущих служить в целях отождествления личности...» (к ним относились следы рук, ног, орудий взлома, всевозможные пятна и пр., следы подлога, выскабливания, травления текста) и «...сличение почерков, восстановление сожженных документов, сличение пуль с огнестрельным оружием, орудий взломов со следами и пр.». Третий отдел — химический, «производящий все химические исследования, за исключением судебно-медицинских, как то: исследования чернил, бумаги, материи, волос, всевозможного рода пятен, состава пороха, спектральный анализ и т. д.»¹.

Согласно Инструкции управляющему кабинетом научно-судебной экспертизы при прокуроре Санкт-Петербургской судебной палаты и его помощникам на управляющего Кабинетом и его помощников возлагались следующие обязанности: проводить «различного рода исследования по уголовным и гражданским делам посредством фотографии, микрофотографии, дактилоскопии, химии, микрохимии и иных приемов, за исключением судебно-медицинских»; давать «заключения по поводу произведенных экспертиз и по иным техническим вопросам в судебных заседаниях по уголовным и гражданским делам»². Имеется в виду допрос эксперта в суде, по ходу которого разъясняются или уточняются для участников процесса обстоятельства исследования и следуют ответы на их возможные вопросы. В обязанности эксперта входили выезды «на место совершения или обнаружения преступления для производства фотографических снимков и участия в осмотрах местности, трупов, взломов и всевозможного рода следов, могущих служить

к восстановлению картины преступления, к обнаружению личности преступника и его изобличению или к установлению невиновности подозреваемого»³.

Следует отметить, что нормы УПК РФ, регламентирующие следственный осмотр и участие в нем специалиста, имеют значительное сходство с положением Инструкции управляющему кабинетом научно-судебной экспертизы при прокуроре Санкт-Петербургской судебной палаты и его помощникам: «...оказывает содействие следственной власти, а в период дознания — полиции при производстве действий, требующих особого технического опыта и средств, находящихся в распоряжении кабинета»⁴.

Сотрудники Кабинета также участвуют в осмотре места совершения преступления: «указывают следственным властям, а за их отсутствием чинам полиции, все те предметы, которые, по их мнению, надлежит приобщить к делу или охранить для дальнейшего исследования»⁵. Содержание приведенного положения отражает преемственность УПК РФ, ведомственных актов МВД России в части регламентации действий специалиста-криминалиста на месте производства следственных действий.

Общее число штатных экспертов Санкт-Петербургского (Петроградского) кабинета научно-судебной экспертизы первое время составляло 17 человек, но после начала Первой мировой войны осталось четыре сотрудника, и вся нагрузка пришлось на двух экспертов — управляющего и его помощника.

В период с января 1912 по декабрь 1914 года все четыре кабинета окончили производством 1 037 криминалистических экспертиз: по уголовным делам — 861, по гражданским — 176.

Больше всего было выполнено почерковедческих экспертиз — 543, причем основную массу составляли повторные, так как первичные исследования проводили

¹ Отчет о деятельности кабинета научно-судебной экспертизы при прокуроре Санкт-Петербургской судебной палаты за период времени с 9 декабря 1912 года по 1 января 1914 года // Журнал Министерства юстиции. 1914. № 5. С. 272–284.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

специалисты, действующие на коммерческой основе, но их выводы не удовлетворяли органы расследования и суды. Далее шли технико-криминалистические исследования документов – 191, дактилоскопические – 170. Незначительное количество составляли экспертизы следов обуви, объектов судебной баллистики, следов взлома и др.

По своему оснащению кабинеты научно-судебной экспертизы не имели равных в Европе. Лабораторное оборудование отвечало самым высоким требованиям. Например, использовалась установка к фотокамере и двум микроскопам, позволяющая осуществлять сопоставление и совмещение изучаемых объектов, что представляло своего рода прообраз современного сравнительного криминалистического микроскопа. В высоком уровне оснащения кабинетов убедился эксперт Е. С. Ельчанинов, посетивший в 1914 году основные экспертные учреждения в Европе.

Структура кабинетов научно-судебной экспертизы, наличие специальных рабочих помещений, оборудование, запас расходных материалов, финансирование – все превосходило зарубежные аналоги. Экспертные службы, как государственные, так и частно-коммерческие, в Париже, Вене, Риме, Белграде, Будапеште являлись составной частью полицейских структур либо учебного заведения, как в Лозанне. Их сотрудники служили в качестве специалистов по регистрации и отождествлению личности преступников. Производство судебных экспертиз имело место только в свободное от выполнения главной работы время. Эти лица занимались исследованиями по отдельным делам, принимая участие лишь в так называемых мировых процессах.

Для работы в кабинетах научно-судебной экспертизы в качестве экспертов были привлечены квалифицированные кадры, имеющие высшее образование – юридическое, химическое, физико-математическое, техническое, медицинское. Некоторые из них имели не одно высшее образование, например, С. М. Потапов помимо юридического имел филологическое образова-

ние, а В. А. Русецкий окончил физико-математический и юридический факультеты. Владение иностранными языками являлось обычным делом. С. М. Потапов знал немецкий, французский и английский языки, а В. А. Русецкий – французский, немецкий и итальянский. С тем чтобы быть в курсе европейских научно-технических достижений, управляющий Киевским кабинетом научно-судебной экспертизы С. М. Потапов принял на работу переводчика со знанием немецкого, французского и английского языков. Всем сотрудникам четырех кабинетов научно-судебной экспертизы было присуще стремление к творческой, экспериментальной деятельности, тем более если она касалась новых исследовательских методов и приемов, используемых в правовом поле.

За короткий отрезок времени эксперты кабинетов научно-судебной экспертизы разработали или усовершенствовали криминалистические методики исследований. Особо эффективны были методики технического исследования документов и почерка. Указанное обстоятельство объяснялось потребностями следственной и судебной практики, фиксирующей рост имущественных преступлений, связанных, в частности, с подделкой финансовых документов. В 1909 году возбуждено 6 639 уголовных дел о преступлениях, связанных с подлогом в актах и обязательствах, в 1910 году – 7 017, в 1911 году – 7 210, в 1912 году – 7 916, в 1913 году – 8 150¹. Известно, что в подобных делах решающим доказательством является заключение экспертов.

В Санкт-Петербургском кабинете научно-судебной экспертизы управляющий А. Н. Попов проводил эксперименты по изготовлению бумаги и чернил, которые не поддаются травлению. Он же разрабатывал методику, позволяющую устанавливать относительное время исполнения документа. В Киевском кабинете С. М. Потапов совершенствовал методику изучения документов в ультрафиолетовых лучах. До 1917 года в сфере его научных и

¹ Терзиев В. Н., Эйсман А. А. Введение в криминалистическое исследование документов / под ред. Л. П. Рассказова. М., 1949. Ч. 1. С. 84.

практических интересов были судебная фотография, технико-криминалистическое исследование документов, судебное почерковедение, организация и введение в практику криминалистических учетов, основы теории идентификации. Эксперт Одесского кабинета научно-судебной экспертизы Е. С. Ельчанинов предложил методику выявления следов пальцев рук на металлических поверхностях.

Для полного и точного представления о предстоящем исследовании, а также последующем значении его результатов для расследования преступления управляющий кабинетом был вправе потребовать дополнительные сведения. Ему «предоставлялось право требовать от надлежащих лиц и учреждений дополнительные сведения, а также через прокурора судебной палаты и продления производства, когда это по обстоятельствам дела окажется нужным и возможным»¹. Таким образом, в отечественную экспертную практику впервые введен порядок, позволяющий эксперту знакомиться с обстоятельствами расследуемого преступления и лично ознакомиться с материалами дела.

Инструкция управляющему кабинетом научно-судебной экспертизы при прокуратуре Санкт-Петербургской судебной палаты и его помощникам предписывала составление двух документов, оформляющих процесс и результат экспертизы. Содержание проводимого исследования следовало последовательно и детально изложить в специальном акте. В данный документ «вносятся все произведенные лабораторные работы и получаемые результаты». Образец акта прилагался к Инструкции, его необходимость обосновывалась тем, что не все сотрудники кабинета имели экспертный опыт, у начинающих специалистов должен был выработаться профессиональный алгоритм действий. Строгая последовательность действий и детальное их описание должны были обеспечить полноту и точность выполненного исследования, обоснованность выводов. Таким образом,

сотрудники прокуратуры впервые в нашей стране представили образец документа, являющегося одним из источников доказательств, носящего обязательный характер. Тем самым суду предъявлялись научно обоснованные, достоверные фактические данные. В настоящее время в отечественных экспертных учреждениях разработаны подобные образцы.

Экспертизу необходимо было выполнить в двухмесячный срок со дня получения поручения и предметов исследования. В сложных случаях или при выполнении более экстренного задания срок продлевался управляющим, что отмечалось в ежемесячных отчетах.

Инструкция предусматривала и внутренний контроль за качеством выполнения экспертизы, условиями и порядком производства дополнительных и повторных исследований. Кроме ознакомления с актом исследования и заключением управляющий кабинетом научно-судебной экспертизы «мог возвратить таковые» при их «неполноте» для «дополнения». Повторная экспертиза производилась в тех случаях, когда руководитель учреждения был «не согласен с заключением помощника». Заключение помощника оставалось в архиве, управляющий «составлял свое заключение, каковое и подписывал». Таким образом, подзаконным актом в криминалистическую практику помощника вводились основания и порядок производства дополнительных и повторных экспертиз. Впоследствии в усовершенствованных формулировках они вошли в отечественное законодательство.

Руководствуясь Инструкцией и образцом акта, до начала исследования эксперт фотографировал присланные «предметы или документы». Съемка осуществлялась с целью «иметь точнейшую копию с исследуемого предмета, на случай его уничтожения, изменения, могущего произойти при исследовании, либо каких-либо иных обстоятельств», а также «для первоначального личного впечатления эксперта». Поэтому почти каждая экспертиза сопровождалась соответствующими фототаблицами, сведе-

¹ Громов И. А. Указ. соч. С. 37–43.

ния о которых рекомендовалось приводить в конце описания процесса исследования¹.

Известно, что изображение на снимке расширяет возможности изучения и сравнения общих и частных признаков. «При первоначальном сделанном фотоснимке иногда гораздо легче усмотреть малейшие детали, чем при рассмотрении оригинала, а в громадном большинстве случаев именно детали и мельчайшие подробности (другими словами, совокупность признаков) решают судьбу того или иного исследования»².

Приведенное суждение принадлежит С. М. Потапову, утверждавшему, что содержание фотоснимка должно быть «показательным», так как предназначается для неспециалистов в области научного исследования вещественных доказательств, а для таких лиц наглядный конечный результат является более убедительным, чем сложное описание, вычисления и измерения, а тем более личные впечатления эксперта³.

Рекомендовалось при изучении объекта экспертного исследования осуществлять как его внешний осмотр, простым глазом, так и под микроскопом. Описывались виды исследования в отношении изучаемого предмета, причины выбора того или другого способа исследования, с какой целью произведено исследование. В ситуации, связанной с поиском и выявлением следов пальцев рук, отмечалось, например, что осуществлялась обработка следов дактилоскопическими порошками либо парами йода.

При изменении внешнего вида или строения объекта указывалось, что исследование происходило «с разделением материи на волокна посредством иголок». С. М. Потапов писал, что его сотрудники в процессе экспертизы «признают лучшим тот метод, который оставляет этот объект после исследования по возможности в неизменном виде или с микроскопической затратой материала»⁴.

¹ Краткий очерк деятельности кабинетов научно-судебной экспертизы в 1914 году // Журнал Министерства юстиции. 1916. № 6. С. 303–345.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

В соответствии со ст. 333 Устава уголовного судопроизводства сведущее лицо вправе проявить экспертную инициативу и обратить внимание следователя на те «признаки, на которые он не обратил внимания, но неисследование коих может привести к сокрытию истины». Данное положение содержится в ст. 57, ч. 2 ст. 204 УПК РФ и в Федеральном законе от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

При сравнительном исследовании следовало его описать и сослаться на фототаблицы. Описание процесса одного из первых сравнительных исследований судебно-криминалистических объектов в отечественной криминалистике содержит отчет о деятельности Санкт-Петербургского кабинета научно-судебной экспертизы за 1913 год. Отмечается, в частности, что следы от бойка на двух гильзах, обнаруженных на месте происшествия, и на восьми экспериментальных гильзах «вполне тождественные». Указывается, что вся «поверхность углубленных следов бойка на пистоне во всех случаях с одинаково расположенными углублениями, которые вполне совпадают со следами бойка на исследуемом пистолете». При сравнении следов на пуле, извлеченной из тела потерпевшего, и следов на восьми экспериментальных пулях установлены «совершенно тождественные царапины, являющиеся результатом дефектов нарезки ствола пистолета»⁵.

Убедительные результаты сравнительного исследования стали возможными благодаря тому, что эксперты использовали «сравнительный окуляр». Он устанавливался в качестве насадки на микроскопе и фотокамере, что позволяло получить изображение двух объектов в одном поле. Все кабинеты были оснащены указанной насадкой, представляющей собой одно из новейших усовершенствований. Квалификация экспертов и наличие подобного оборудования позволяли устанавливать совпадение или различие признаков изучаемых микроскопических объектов.

⁵ Отчет о деятельности кабинета ... С. 272–284.

Эксперты Одесского кабинета научно-судебной экспертизы на примере судебно-баллистической экспертизы продемонстрировали высокий уровень знаний и умений. При проведении сложной экспертизы в 1913 году в комиссии экспертов ведущим, возможно, являлся С. Н. Матвеев, имевший медицинское образование. В отечественной криминалистике он известен как авторитетный специалист в области судебно-баллистики.

Изучая револьвер, изъятый у подозреваемого, эксперты отметили, что для этого оружия типично «при употреблении постепенное распатывание всего механизма». В канале его ствола, особенно при неумелом или небрежном обращении, появляются различного рода индивидуальные дефекты: ржавчина, раковины с острыми краями, вздутие или отслаивание металла, присутствие только данному револьверу. Особенно важное значение для экспертизы имеют дефекты канала ствола, так как они отражаются на поверхности пули.

Экспериментальный отстрел производился патронами, изъятymi у подозреваемого. Исследуемые пули и экспериментальные изучались под микроскопом, но главным образом по фотоснимкам, изготовленным с помощью фотомикрофотографии. На некоторых из них устойчиво просматривался броский признак, а у ряда микротрасс не проявлялась их устойчивость.

Объясняя причину нестабильности признаков, эксперты указали, что причиной их образования являются обстоятельства заводского производства патронов. В первую очередь, не совпадали размеры пуль, несмотря на изготовление их на одном заводе. Возможное «одномерное снаряжение порохом трудно уловимо», может быть различие «в большей или меньшей давности их снаряжения, в степени сухости пороха, в степени чистоты канала ствола и во многих других, не поддающихся учету условиях, оказывающих влияние на внешний вид пули после выстрела». Эксперты установили «сходство» броских признаков с незначительной вариационностью на экспериментальных пулях и исследуемой, но наблюдались различия в частных признаках. Сложившаяся ситуация

оставила единственный выход — констатировать только вероятностный вывод. Пуля, вероятнее всего, выпущена из револьвера, изъятого у подозреваемого¹.

После 1917 года девять действующих государственных экспертов продолжили свою профессиональную деятельность. Сотрудник Московского кабинета научно-судебной экспертизы В. Л. Русецкий был избран в Петрограде профессором Высшего института фотографии и фототехники (ныне — Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения), где заведовал кафедрой судебно-фотографической энциклопедии. В мае 1920 года его пригласили на работу в Москву в Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) на должность эксперта-консультанта. С января 1922 года он возглавил там экспертную службу. Из-за тяжелой болезни В. Л. Русецкий увольняется, и с 1 июня 1923 года его преемником становится С. М. Потапов, занимавший данную должность до 15 января 1933 г. Он стал пионером разработки теории идентификации, воспитавшим известнейших представителей российской криминалистики. В числе его учеников были А. И. Винберг, А. А. Эйсмэн, Б. М. Шевченко, Б. М. Комаринец, ряд начальников экспертных подразделений в системе НКВД, каждый из которых внес крупный вклад в разработку положений основных разделов криминалистики и их практическое использование правоохранительными органами. С. М. Потапов руководил обучением и вел занятия с будущими экспертами. В 1946 году на учредительном съезде избирается председателем секции криминалистики Всесоюзного научного общества судебных медиков и криминалистов. Последнее место работы С. М. Потапова — ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР.

Сотрудники Киевского кабинета научно-судебной экспертизы проф. В. М. Фаворский, Н. А. Петров, В. А. Франковский, В. Л. Павлов после 1917 года продолжали проводить технико-криминалистические исследования документов, дактилоскопиче-

¹ Краткий очерк ...

ские и трасологические экспертизы. После С. М. Потапова руководителем Киевского кабинета научно-судебной экспертизы стал проф. В. М. Фаворский, который совместно с Н. А. Петровым усовершенствовал методику усиления фотографического контраста, позволившую устанавливать содержание выцветших или подвергнутых травлению текстов. В 1925 году Киевский кабинет научно-судебной экспертизы был преобразован в Киевский научный институт судебной экспертизы.

Сотрудники Одесского кабинета научно-судебной экспертизы в полном составе, за исключением одного эксперта, продолжали свою профессиональную деятельность и после 1917 года. Руководителем Одесского кабинета научно-судебной экспертизы был бывший до 1917 года следователем по особо важным делам Н. П. Макаренко, который возглавлял учреждение с 1917 по 1938 год. В последующие годы, став профессором, он занимал должность заместителя директора по научной и научно-оперативной работе до своей смерти в 1951 году. Эксперт С. Н. Матвеев работал в Одесском кабинете научно-судебной экспертизы, а затем и в лаборатории с 1914 по 1937 год. По отзыву С. М. Потапова, он являлся специалистом по исследованию почерка, химико-микроскопическому и биологическому исследованиям, им разработана методика идентификации обреза на капсуле изношенного оружия, а также идентификация оружия по следам на пулях¹. Сотрудник Кабинета Б. А. Малиновский с 1922 года трудился в научно-техническом отделе НКВД в должности начальника фототехнического отдела.

Таким образом, деятельность экспертной службы послужила совершенствованию криминалистики. В распоряжение следователя и суда поступил новый источник научно обоснованных доказательств, позволяющий выдвигать по уголовным делам дополнительные общие и частные версии и планировать расследование, в конечном счете обосновывать причастность лица к преступлению, что особо существенно — совершенного в условиях неочевидности.

¹ Там же.

Библиографический список

1. Громов, И. А. Кабинеты научно-судебной экспертизы в городах Москве, Киеве и Одессе по закону 4 июля 1913 года : (Собр. узак. 1913 г., № 158, ст. 1441) : Текст закона с законодат. мотивами и с текстом закона 28 июня 1912 г. : (Собр. узак. 1912 г., № 142, ст. 1237) об учреждении Каб. науч.-судеб. экспертизы в С.-Петербурге / сост. И. А. Громов, тов. прокурора Витеб. окр. суда. — Санкт-Петербург : Типо-лит. И. Г. Брауде, 1913. — 64 с.
2. Краткий очерк о деятельности кабинетов научно-судебной экспертизы в 1914 году // Журнал Министерства юстиции. — 1916. — № 6. — С. 303—345.
3. Отчет о деятельности кабинета научно-судебной экспертизы при прокуроре Санкт-Петербургской судебной палаты за период времени с 9 декабря 1912 года по 1 января 1914 года // Журнал Министерства юстиции. — 1914. — № 5. — С. 272—284.
4. Рейсс, А. Р. Научная техника расследования преступлений : курс лекций, прочтенных в г. Лозанне профессором Рейссом чинам русского судебного ведомства летом 1911 года / А. Р. Рейсс ; сост. под ред. С. Н. Трегубова. — Санкт-Петербург : Сенат. тип., 1912. — 178 с.
5. Трегубов, С. Первый кабинет научно-судебной экспертизы в России (история его учреждения и открытие) / С. Трегубов // Журнал Министерства юстиции. — 1913. — № 1. — С. 232—258.

References

1. Gromov, I. A. Kabinety nauchno-sudebnoj ekspertizy v gorodah Moskve, Kieve i Odesse po zakonu 4 iyulya 1913 goda : (Sobr. uzak. 1913 g., № 158, st. 1441) : Tekst zakona s zakonodat. motivami i s tekstem zakona 28 iyunya 1912 g. : (Sobr. uzak. 1912 g., № 142, st. 1237) ob uchrezhdenii Kab. nauch.-sudeb. ekspertizy v S.-Peterburge / sost. I. A. Gromov, tov. prokurora Viteb. okr. suda. — Sankt-Peterburg : Tipo-lit. I. G. Braude, 1913. — 64 s.
2. Kratkij ocherk o deyatel'nosti kabinetov nauchno-sudebnoj ekspertizy v 1914 godu // Zhurnal Ministerstva yusticii. — 1916. — № 6. — S. 303—345.
3. Otchet o deyatel'nosti kabineta nauchno-sudebnoj ekspertizy pri prokurore Sankt-Peterburgskoj sudebnoj palaty za period vremeni s 9 dekabrya 1912 goda po 1 yanvarya 1914 goda // Zhurnal Ministerstva yusticii. — 1914. — № 5. — S. 272—284.
4. Rejss, A. R. Nauchnaya tekhnika rassledovaniya prestuplenij : kurs lekciy, prochtennyh v g. Lozanne professorom Rejssom chinam russkogo sudebnogo vedomstva letom 1911 goda / A. R. Rejss ; sost. pod red. S. N. Tregubova. — Sankt-Peterburg : Senat. tip., 1912. — 178 s.
5. Tregubov, S. Pervyj kabinet nauchno-sudebnoj ekspertizy v Rossii (istoriya ego uchrezhdeniya i otkrytie) / S. Tregubov // Zhurnal Ministerstva yusticii. — 1913. — № 1. — S. 232—258.

**ВОЗВРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ В ПОРЯДКЕ СТАТЬИ 237 УПК РФ:
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

С принятием в 2001 году Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации законодательным новшеством стало упразднение института возвращения уголовного дела для производства дополнительного расследования, взамен которого был введен институт возвращения уголовного дела прокурору в порядке, предусмотренном ст. 237 УПК РФ. В Концепции судебной реформы в РСФСР, утвержденной Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1, были намечены основные направления реформирования уголовного судопроизводства и сказано, что институт возвращения уголовного дела прокурору будет ориентирован на устранение только формальных нарушений закона, которые препятствуют рассмотрению уголовного дела и исключают дополнение проведенного предварительного расследования.

Спустя некоторое время после принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и законодательного закрепления института возвращения уголовного дела прокурору в ст. 237 УПК РФ стали вноситься многочисленные изменения¹, которые демонстрировали отсутствие единой позиции в законодательстве, что не могло быть оценено как положительное явление, поскольку внесение любых изменений и совершенствование законодательства должно быть последовательным².

¹ См., напр., Федеральные законы от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», от 26 апреля 2013 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», от 21 июля 2014 г. № 269-ФЗ «О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и др. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

² Давыдова Н. Н. Возвращение уголовного дела прокурору в российском уголовном про-

цессе // Российский следователь. 2019. № 6. С. 26–29.

Необходимо согласиться с мнением о непоследовательности, недосказанности, противоречивости и отсутствии ясности в правовом регулировании рассматриваемого института³.

Анализ научных публикаций позволяет сделать вывод, что отдельные авторы не без оснований указывают на этот институт как на завуалированную форму (восстановленную или видоизмененную) института возвращения уголовного дела для производства дополнительного расследования⁴.

Подтверждают сказанное и результаты опроса прокуроров, проходивших повышение квалификации в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации в 2019 году и первом полугодии 2020 года.

Процесс возрождения института возвращения уголовного дела для дополнительного расследования, начавшийся в 2003 году, когда был принят Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», достиг решающего этапа с принятием Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 269-ФЗ «О внесении изменений в статьи 236 и 237

³ Назарова К. Н. Возвращение уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ: проблемы правоприменения // Российская юстиция. 2014. № 12. С. 56–59.

⁴ См., напр.: Азаров В. А., Баранов А. М., Супрун С. В. Возвращение уголовного дела для производства дополнительного расследования: правосознание и закон, толкование и применение // Уголовное право. 2004. № 2. С. 84–86; Морозов П. Трансформация института возвращения судом уголовного дела прокурору // Законность. 2005. № 8. С. 36–38; Зыкин В. В. Возвращение судом дел для дополнительного расследования: состояние и перспективы // Российский следователь. 2006. № 1. С. 6–9; Назарова К. Н. Указ. соч.; Тришева А. А. Возвращение уголовного дела прокурору: судьба института // Законность. 2015. № 4. С. 50–55.

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в ст. 237 УПК РФ в редакции Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 269-ФЗ содержится перечень оснований возвращения уголовного дела прокурору, который ранее включала в себя ст. 232 УПК РСФСР «Возвращение дела для дополнительного расследования», за исключением единственного основания — неполнота либо односторонность ранее проведенного дознания или предварительного следствия. Отдельные авторы указывают, что в завуалированном виде и это основание предусмотрено ст. 237 УПК РФ, в частности п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, в соответствии с которым суд вправе возвращать уголовное дело прокурору в случае установления новых фактических обстоятельств, влекущих предъявление обвинения в совершении более тяжкого преступления. Поскольку установление судом новых фактических обстоятельств, которые органу расследования не были известны, всегда указывает на то, что предварительное расследование было проведено без достаточной полноты, возвращение уголовного дела прокурору для учета этих новых обстоятельств свидетельствует о том, что фактически такое дело направляется прокурору для дополнительного расследования¹.

Изменения уголовно-процессуального законодательства в части наделения суда полномочием по собственной инициативе возвращать уголовное дело прокурору без осуществления им при этом обвинительной функции² обозначили отдельные вопросы к рассматриваемому институту со стороны правоприменителей. В связи с чем положения ст. 237 УПК РФ неоднократно являлись поводом для проверки Конституционным Судом Российской Федерации на предмет соответствия их требованиям Основного закона страны — Конституции Российской Федерации, именно поэтому их следует применять с учетом высказанных Консти-

туционным Судом Российской Федерации правовых позиций³.

Высший орган конституционного правосудия указал, что, направляя уголовное дело прокурору, суд не осуществляет уголовное преследование, т. е. процессуальную деятельность, осуществляемую в целях избличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ), он лишь указывает на существо ущемляющих права участников уголовного судопроизводства нарушений, которые не могут быть устранены в судебном заседании и препятствуют разрешению уголовного дела судом, и тем самым не подменяет сторону обвинения⁴.

Таким образом, согласно уголовно-процессуальному законодательству суд фактически наделен полномочием возвращать уголовное дело следователю, но только через прокурора, а целью данной судебной процедуры является не восполнение пробелов и неполноты предварительного расследования, не устранение каких-либо недостатков и упущений органов и лиц, осуществляющих уголовное преследование, а устранение препятствий к рассмотрению уголовного дела судом по существу. Сущность возвращения судом уголовного дела прокурору заключается в устранении препятствий к рассмотрению уголовного дела судом посредством направления его прокурору, который обязан обеспечить создание условий для реализации участниками уголовного судопроизводства гарантированных прав и законных интересов, постановления законного, обоснованного и

³ См., напр., Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П, от 16 июля 2015 г. № 23-П и др.; Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 2015 г. № 1222-О-Р, от 27 марта 2018 г. № 798-О, от 29 мая 2018 г. № 1348-О и др. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

⁴ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П. П. 3.1. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

¹ Тришева А.А. Указ. соч. С. 50—55.

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

справедливого приговора или иного решения по уголовному делу.

Учитывая высказанную Конституционным Судом Российской Федерации правовую позицию о возможности возвращения уголовного дела прокурору¹, Верховный Суд Российской Федерации неоднократно давал разъяснения о допустимости возвращения уголовного дела судом прокурору в случаях, когда в ходе досудебного производства допущены существенные нарушения закона, не устранимые в судебном заседании².

Сегодня в ст. 237 УПК РФ определена процедура возвращения судом уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения по ходатайству сторон или по инициативе судьи при наличии оснований, предусмотренных данной нормой. Таким образом, возможности суда посредством указанного института устранить препятствия для вынесения решения по уголовному делу определяются предусмотренными УПК РФ основаниями для возвращения уголовного дела прокурору. При этом необходимо отметить, что, несмотря на значительное расширение этих оснований под влиянием правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации³, их перечень является закрытым.

¹ См., напр., Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 18-П; Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2004 г. № 389-О, от 2 февраля 2006 г. № 57-О и др. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

² См., напр., Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 г. № 1 (ред. от 01.06.2017) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (п. 14), от 9 декабря 2008 г. № 25 (ред. от 24.05.2016) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» (п. 12.1), от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» (п. 19) и др. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

³ См., напр., Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 8 де-

В решениях коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации неоднократно отмечалось, что государственный обвинитель является ключевой фигурой уголовного преследования, поскольку именно он от имени государства представляет суду результаты работы и оперативников, и следователей⁴. При этом обращалось внимание на то, что участие в судебных стадиях уголовного судопроизводства является одним из важнейших направлений деятельности органов прокуратуры. Профессионализм и принципиальность участвующего в судебном разбирательстве прокурора, активность в защите законных прав и интересов участников уголовного процесса во многом способствуют постановлению законных, обоснованных и справедливых судебных решений.

Последние несколько лет ознаменовались неблагоприятной тенденцией возвращения уголовных дел прокурору в порядке, предусмотренном ст. 237 УПК РФ. Практически не снижающееся количество возвращенных судами уголовных дел свидетельствует о допусках прокурорами погрешностей при изучении уголовных дел и утверждении обвинительных заключений (актов, постановлений).

На этапе утверждения обвинительного заключения прокурорами выявляются многочисленные нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона, препятствующие направлению уголовного дела в суд. Некоторые нарушения, допущенные на досудебных стадиях органами предварительного расследования, остаются без должного внимания и надлежащего реагирования со стороны надзирающих прокуроров, что приводит к возвращению уголовных дел судами в порядке, предусмотренном ст. 237 УПК РФ.

кабря 2003 г. № 18-П, от 2 июля 2013 г. № 16-П, от 16 июля 2015 г. № 23-П и др. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

⁴ Об итогах работы органов прокуратуры в 2009 году и задачах по повышению эффективности прокурорского надзора и обеспечению законности в 2010 году : Решение коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 4 марта 2010 г. // Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances/appearances/13702/ (дата обращения: 20.01.2020).

Нередко государственный обвинитель вынужден по собственной инициативе заявлять ходатайство перед судом о возвращении уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 237 УПК РФ, когда в ходе судебного разбирательства по уголовному делу устанавливаются нарушения уголовно-процессуального законодательства, не выявленные надзирающим прокурором при изучении материалов уголовного дела в соответствии с требованиями ст.ст. 221, 226 и 226.1 УПК РФ и препятствующие постановлению законного, обоснованного и справедливого судебного решения по уголовному делу. Не всегда государственные обвинители могут исправить ошибки органов предварительного следствия и дознания непосредственно в судебном заседании¹.

Изучение будущим государственным обвинителем материалов уголовного дела на этапе утверждения обвинительного заключения (акта, постановления) могло бы исключить или свести к минимуму возвращение судом уголовных дел в порядке, предусмотренном ст. 237 УПК РФ. Особое значение имеет именно своевременное принятие надлежащих мер по реализации комплекса мероприятий для выявления и устранения нарушений, послуживших основанием для возвращения уголовного дела. Полагаем, первоочередной задачей по изменению сложившейся ситуации должно являться не только пресечение существенных нарушений закона, но и реальное их устранение в досудебном производстве.

Требуется более широкое использование ресурса государственных обвинителей при утверждении обвинительных заключений²,

¹ См., напр.: Постановление Ленинского районного суда Тульской области от 9 октября 2018 г. № 1-89/2018 // Ленинский районный суд Тульской области : сайт. URL: https://leninsky--tula.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=57404989&_uid=&_deloId=1540006&_caseType=0&_new=0&_doc=1&srv_num=1 (дата обращения: 20.01.2020).

² Об итогах работы органов прокуратуры в 2009 году и задачах по повышению эффективности прокурорского надзора и обеспечению законности в 2010 году : Решение коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации от

обеспечение взаимодействия надзирающих прокуроров и государственных обвинителей при разрешении вопросов, возникающих в ходе разбирательства уголовного дела, а в необходимых случаях — при изучении дела и решении вопроса о направлении его в суд, а также осуществление своевременного обмена информацией о выявленных в ходе судебного разбирательства недостатках расследования между заинтересованными подразделениями прокуратуры, а также с органами предварительного расследования³.

При рассмотрении причин возвращения уголовных дел в порядке, предусмотренном ст. 237 УПК РФ, установлено, что в ходе судебного разбирательства наряду с нарушениями уголовно-процессуального законодательства выявляются недостатки в работе органов предварительного следствия и дознания при производстве по уголовному делу. При этом вследствие отсутствия должной организации прокурорского надзора и ведомственного контроля со стороны руководителей органов предварительного расследования соответствующие меры к устранению выявленных недостатков не принимаются, что приводит к признанию отдельных доказательств недопустимыми и неполучению информации, имеющей значение по уголовному делу. При надлежащей организации надзора в ходе изучения уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением, случаи применения судом ст. 237 УПК РФ можно было исключить.

Вышесказанное свидетельствует о необходимости повышения качества прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и органов дознания, а также по-

4 марта 2010 г. // Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances/appearances/13702/ (дата обращения: 20.01.2020).

³ О практике участия прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства : Решение коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 30 октября 2018 г. // Там же. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1481218/> (дата обращения: 20.01.2020).

выпения персональной ответственности за принимаемые решения на этапе утверждения обвинительного заключения (акта, постановления).

Изучение материалов уголовных дел, возвращенных судами прокурорам в порядке, предусмотренном ст. 237 УПК РФ, позволило прийти к выводу, что наиболее распространенными (типичными) причинами (основаниями) возвращения уголовных дел являются допущенные в ходе предварительного расследования нарушения уголовно-процессуального закона: неконкретность предъявленного обвинения (не конкретизирован способ совершения преступления); несоответствие предъявленного обвинения собранным доказательствам, содержащимся в материалах уголовного дела; несоответствие постановления о привлечении в качестве обвиняемого, приобщенного к уголовному делу, постановлению, врученному обвиняемому; наличие в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого ошибок при описании преступления (например, не указаны либо ошибочно указаны дата, время, место совершения преступления и иные обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии с пп. 1–4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ); фактические обстоятельства свидетельствуют о наличии оснований для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления; нарушения уголовно-процессуального закона, связанные с назначением и проведением судебных экспертиз (например, в отношении обвиняемого не проведена судебно-психиатрическая экспертиза при наличии веских оснований для назначения такого исследования); нарушение требований ст.ст. 151, 152 УПК РФ о подследственности; нарушение требований ст. 156 УПК РФ о принятии следователем (дознавателем) уголовного дела к своему производству; нарушение требований пп. 6, 7 ч. 4 ст. 46 и пп. 6, 7 ч. 3 ст. 47 УПК РФ о предоставлении подозреваемому (обвиняемому) переводчика, а также о производстве следственных (процессуальных) действий на языке, которым он владеет; нарушение права на защиту и неисполнение требований ч. 2 ст. 48 Конституции

Российской Федерации (например, защита одним адвокатом интересов нескольких обвиняемых, в показаниях которых имелись существенные противоречия); нарушение требований ст. 217 УПК РФ при ознакомлении обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела (например, неразъяснение обвиняемому при ознакомлении с материалами уголовного дела прав, предусмотренных ч. 5 ст. 217 УПК РФ); невручение обвиняемому копии обвинительного заключения (акта, постановления)¹.

Имеют место и другие основания возвращения прокурору уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 237 УПК РФ, например, составление следователем (дознавателем) обвинительного заключения (акта, постановления) с нарушением требований УПК РФ (в обвинительном заключении отсутствует или неверно изложена формулировка предъявленного обвинения, приведенная в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, и др.²).

Указанные нарушения, по справедливому мнению суда, исключают возможность постановления законного, обоснованного и справедливого приговора или иного решения по уголовному делу. При этом большинство из приведенных нарушений можно выявить на этапе изучения материалов уголовного дела и утверждения обвинительного заключения (акта, постановления).

Объективный анализ судебной практики в совокупности с результатами анализа надзорной деятельности свидетельствует, что лишь в единичных случаях прокуроры по объективным причинам не

¹ Подтверждают сказанное и результаты опроса прокурорских работников, проходивших повышение квалификации в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации. В опросе приняли участие более 350 человек.

² Ларинков А. А. Типичные ошибки, выявляемые прокурором на этапе изучения уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением // Актуальные вопросы прокурорской деятельности : лекции / С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации ; под ред. Г. В. Штадлера. СПб., 2017. С. 118–131. (Серия «В помощь прокурору» ; вып. 5).

могут выявить обстоятельства, установленные впоследствии судом и послужившие основанием для возвращения уголовного дела (например, представление в суд стороной защиты дополнительных документов, производство повторных судебных экспертиз и др.).

Анализ правоприменительной практики показывает, что прокуроры не во всех случаях соглашались с решением суда о возвращении уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 237 УПК РФ. Некоторые решения суда о возвращении уголовного дела прокурору должны быть предметом обжалования при наличии фактических оснований. При этом важное значение имеет принципиальность выбранной прокурором позиции. Так, Верховный Суд Российской Федерации, обсудив доводы кассационного представления и проверив материалы уголовного дела, изменил постановление Президиума Мурманского областного суда, поскольку по уголовному делу были допущены нарушения закона. Исключив указание о возвращении уголовного дела прокурору в порядке, предусмотренном ст. 237 УПК РФ, для устранения препятствий его рассмотрения судом, Верховный Суд Российской Федерации мотивировал свое решение тем, что неявка подсудимого в судебные заседания не может свидетельствовать о составлении обвинительного заключения с нарушениями требований уголовно-процессуального закона, а указывает на то, что после завершения предварительного следствия обвиняемый, не содержащийся под стражей, скрылся от суда¹.

В теории уголовного процесса институт возвращения уголовного дела прокурору в порядке, предусмотренном ст. 237 УПК РФ, вызывает оживленные дискуссии. Изменения в УПК РФ, по мнению отдельных авторов, вносят долю сомнений в соблюдение принципов состязательности сторон и правовой определенности судебных решений

¹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 июля 2017 г. № 34-УДП17-2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в уголовном судопроизводстве, поскольку первоначальная редакция ст. 237 УПК РФ предусматривала только формальные основания для возвращения уголовного дела прокурору, предусмотренные ч. 1 ст. 237 УПК РФ².

Справедливости ради согласимся с тем, что принцип состязательности может быть реализован в суде только тогда, когда органы предварительного расследования исследовали обстоятельства уголовного дела полно, всесторонне и объективно, а принцип правовой определенности судебных решений не следует абсолютизировать³. Вследствие этого любые ошибки и нарушения, допущенные на стадии предварительного расследования, имеют существенное влияние на рассмотрение уголовного дела по существу и принятие итогового решения по уголовному делу в судебных стадиях. Поэтому возможность устранения недостатков предварительного расследования приобретает особое значение для принятия законного и справедливого решения по уголовному делу.

В связи с вышеизложенным не вызывает сомнения, что поиск оптимальных механизмов устранения следственных ошибок должен продолжаться⁴.

Институт возвращения судом уголовного дела прокурору имеет право на существование, но действующее уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующее основания для такого возвращения, нуждается в совершенствовании. По нашему глубокому убеждению, все мероприятия, связанные с существенными изменениями института возвращения уголовного дела прокурору, в уголовно-процессуальном законодательстве должны проводиться системно и взаимосвязанно и обеспечивать при этом внутреннюю логичность закона.

² Давыдова Н. Н. Указ. соч. С. 26–29.

³ Балакшин В. С. О судьбе института дополнительного расследования в российском уголовном процессе // Российский юридический журнал. 2017. № 6. С. 127–133.

⁴ Тришева А. А. Указ. соч. С. 50–55.

Библиографический список

1. Азаров, В. А. Возвращение уголовного дела для производства дополнительного расследования: правосознание и закон, толкование и применение / В. А. Азаров, А. М. Баранов, С. В. Супрун // Уголовное право. — 2004. — № 2. — С. 84–86.
2. Балакшин, В. С. О судьбе института дополнительного расследования в российском уголовном процессе / В. С. Балакшин // Российский юридический журнал. — 2017. — № 6. — С. 127–133.
3. Давыдова, Н. Н. Возвращение уголовного дела прокурору в российском уголовном процессе / Н. Н. Давыдова // Российский следователь. — 2019. — № 6. — С. 26–29.
4. Зыкин, В. В. Возвращение судом дел для дополнительного расследования: состояние и перспективы / В. В. Зыкин // Российский следователь. — 2006. — № 1. — С. 6–9.
5. Ларинков, А. А. Типичные ошибки, выявляемые прокурором на этапе изучения уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением / А. А. Ларинков // Актуальные вопросы прокурорской деятельности : лекции / С.-Петербург. юрид. ин-т (фил.) Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации ; под ред. Г. В. Штадлера. — Санкт-Петербург : СПбЮИ (фил.) АГП РФ, 2017. — С. 118–131. — (Серия «В помощь прокурору»; вып. 5).
6. Морозов, П. Трансформация института возвращения судом уголовного дела прокурору / П. Морозов // Законность. — 2005. — № 8. — С. 36–38.
7. Назарова, К. Н. Возвращение уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ: проблемы правоприменения / К. Н. Назарова // Российская юстиция. — 2014. — № 12. — С. 56–59.
8. Тришева, А. А. Возвращение уголовного дела прокурору: судьба института / А. А. Тришева // Законность. — 2015. — № 4. — С. 50–55.

References

1. Azarov, V. A. Vozvrashchenie ugovornogo dela dlya proizvodstva dopolnitel'nogo rassledovaniya: pravosochnanie i zakon, tolkovanie i primenenie / V. A. Azarov, A. M. Baranov, S. V. Suprun // Ugolovnoe pravo. — 2004. — № 2. — S. 84–86.
2. Balakshin, V. S. O sud'be instituta dopolnitel'nogo rassledovaniya v rossijskom ugovornom processe / V. S. Balakshin // Rossijskij juridicheskiy zhurnal. — 2017. — № 6. — S. 127–133.
3. Davydova, N. N. Vozvrashchenie ugovornogo dela prokuroru v rossijskom ugovornom processe / N. N. Davydova // Rossijskij sledovatel'. — 2019. — № 6. — S. 26–29.
4. Larinkov, A. A. Tipichnye oshibki, vyyavlyayemye prokurorom na etape izucheniya ugovornogo dela, postupivshogo s obvinitel'nym zaklyucheniem / A. A. Larinkov // Aktual'nye voprosy prokurorskoj deyatel'nosti : lekciy / S.-Peterb. yurid. in-t (fil.) Akad. General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii ; pod red. G. V. Shtadlera. — Sankt-Peterburg : SPbYUI (fil.) AGP RF, 2017. — S. 118–131. — (Seriya «V pomoshch' prokuroru»; vyp. 5).
5. Morozov, P. Transformaciya instituta vozvrashcheniya sudom ugovornogo dela prokuroru / P. Morozov // Zakonnost'. — 2005. — № 8. — S. 36–38.
6. Nazarova, K. N. Vozvrashchenie ugovornogo dela prokuroru v poryadke st. 237 UPK RF: problemy pravoprimeneniya / K. N. Nazarova // Rossijskaya yusticiya. — 2014. — № 12. — S. 56–59.
7. Trisheva, A. A. Vozvrashchenie ugovornogo dela prokuroru: sud'ba instituta / A. A. Trisheva // Zakonnost'. — 2015. — № 4. — S. 50–55.
8. Zykin, V. V. Vozvrashchenie sudom del dlya dopolnitel'nogo rassledovaniya: sostoyanie i perspektivy / V. V. Zykin // Rossijskij sledovatel'. — 2006. — № 1. — S. 6–9.

Е. Б. СЕРОВА, Д. В. НЕСТЕРЕНКО

УДК 343.98

**К ВОПРОСУ О ПОДДЕРЖАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ
ПО ДЕЛАМ О СБЫТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ,
РАССМАТРИВАЕМЫМ СУДОМ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ**

Распространение наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (далее — наркотики) признается одной из серьезных угроз национальной безопасности России, здоровью населения страны, генофонду народов, в ней проживающих. Наркомания стимулирует рост преступности, разрушает общество, поражает людей

независимо от их социального положения, пола, религии и расы.

Государственная политика в этой сфере направлена на установление строгого контроля за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, раннее выявление их потребления, постепенное сокращение числа больных наркоманией, а также со-

кращение количества правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Анализ состояния преступности свидетельствует, что с 2012 года активный рост числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, приостановился и ситуация в известной мере стабилизировалась. Более того, в последние годы наблюдалось определенное снижение количественных показателей. Так, в 2018 году правоохранительными органами Российской Федерации зарегистрировано 200 306 (-4 %) преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, количество лиц, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения, сократилось на 43,9 % (с 21 370 до 11 998)¹, за ноябрь – декабрь 2019 года зарегистрировано 176 746 (-5 %) преступлений, количество лиц, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения, сократилось на 34,8 %². Несмотря на такую тенденцию, количество выявленных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков продолжает оставаться стабильно значительным. Представляется, что приведенные статистические данные свидетельствуют о необходимости особо взвешенного подхода к решению задач по противодействию сбыту наркотических средств. Причем данный вывод касается как досудебного производства, так и судебных стадий уголовного процесса.

Специфика выявления фактов сбыта наркотиков и формирования системы доказательств по этим делам, сложность в доказывании виновности субъекта преступления, необходимость использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности обуславливают не только особенности расследования на-

званных преступлений, но и особенности прокурорского надзора и поддержания государственного обвинения, в том числе в суде с участием присяжных заседателей. Мы разделяем точку зрения А. М. Ларина, который отмечал в свое время, что если событие преступления как объект познания в уголовно-процессуальном доказывании обладает всеми признаками системы, объединяющей совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, то совокупность доказательств, отражающих это событие, также является системой – вторичной системой – системой-образом³. А. А. Хмыров, исследуя теоретические вопросы, касающиеся системы доказательств по уголовному делу, справедливо отмечает, что такая система должна отвечать следующим требованиям:

полнота (имеются доказательства, устанавливающие все без исключения обстоятельства, подлежащие доказыванию по делу);

достоверность (в качестве основания для вывода о наличии образующих предмет доказывания обстоятельств могут фигурировать только достоверно установленные промежуточные факты);

надежность (способность системы доказательств достоверно устанавливать фактические обстоятельства дела с известным «запасом прочности», создавать резерв доказательственной информации, необходимый на тот случай, если в ходе дальнейшего производства по делу отдельные доказательства подвергнутся сомнению или будут исключены из системы);

согласованность (соответствие между частными системами и промежуточными фактами, устанавливающими отдельные элементы предмета доказывания, и аналогичными системами и промежуточными фактами, относящимися к другим элементам предмета доказывания);

однозначность (из имеющихся доказательств может быть сделан только один логически обоснованный вывод о наличии

¹ Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/be9/sbornik_12_2018.pdf (дата обращения: 14.01.2020).

² Состояние преступности в России : ежемесячный сборник за ноябрь 2019 г. // Портал правовой статистики / Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 14.01.2020).

³ Ларин А. М. От следственной версии к истине. М., 1976. С. 40.

доказываемых фактов и исключается возможность иной логической интерпретации данной системы доказательств)¹.

Следователь, осуществляющий расследование незаконного сбыта наркотиков, должен принять все меры для формирования системы доказательств. В свою очередь прокурор, осуществляющий надзор, должен изучить все доказательства и получить ответ на вопрос, решена ли задача формирования системы доказательств, отвечающей всем вышеназванным требованиям. При поддержании государственного обвинения все доказательства должны быть предъявлены суду, причем таким образом, чтобы суд не просто получил представление о доказательствах по делу, а воспринял их именно как систему, из которой можно сделать однозначный вывод относительно законности и обоснованности предъявленного обвинения.

Сказанное позволяет прийти к выводу о необходимости теоретического исследования криминалистической составляющей деятельности прокурора на всех стадиях уголовного судопроизводства. Особенно остро этот вопрос стоит в современных условиях, характеризующихся все большим распространением сферы деятельности суда с участием присяжных заседателей, к подсудности которого отнесены, помимо прочего, и дела о сбыте наркотиков в особо крупном размере (ч. 5 ст. 228.1 УК РФ).

Не вызывает сомнений утверждение, что государственный обвинитель, участвующий в любом судебном процессе, должен иметь достаточные знания уголовного и уголовно-процессуального законодательства, криминалистики, основ социальной и юридической психологии, лингвистики, а также должен проявлять умение вовремя сориентироваться в условиях динамично развивающегося судебного следствия, где любая неожиданная ситуация может коренным образом повлиять на мнение присяжных. В противном случае приходится говорить

о ненадлежащей реализации прокурором функции уголовного преследования в суде с участием присяжных заседателей, что не только нивелирует всю деятельность правоохранительных органов в досудебном производстве, но и влечет за собой недостижение целей уголовного судопроизводства, позволяет преступнику избежать наказания и, что особенно важно, ведет к утрате доверия граждан к прокуратуре и суду, а в их лице — к государству в целом, создав представление о юридической незащищенности и эффективности внеправовых методов разрешения уголовно-правового конфликта.

Государственный обвинитель, поддерживающий обвинение в суде с участием присяжных заседателей, должен решить комплекс разноплановых задач, важнейшей из которых является убеждение присяжных в правильности и обоснованности позиции обвинения, что является необходимой предпосылкой вынесения обвинительного вердикта. Для решения названной задачи прокурор должен знать материалы уголовного дела, обладать навыками представления доказательств присяжным, даром убеждения, быть хорошим психологом, оратором и т. п. Значительную помощь при этом ему может оказать умение использовать в судебном процессе научно обоснованные криминалистические рекомендации по поддержанию государственного обвинения в суде. Иначе говоря, успех деятельности прокурора в суде присяжных зависит прежде всего от его подготовленности, стремления к установлению обстоятельств совершенного преступления и умения избрать и отстаивать правильную позицию, основанную на законе. В полной мере данный тезис применим и к поддержанию государственного обвинения по делам о незаконном обороте наркотиков.

Между тем следует признать, что до настоящего времени глубокого всестороннего исследования особенностей поддержания обвинения по названной группе преступлений в суде с участием присяжных заседателей не проводилось. Первоначально значительное место в исследованиях занимал историко-правовой анализ развития

¹ Хмыров А. А. Система доказательств по уголовному делу: понятие и значение // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2013. № 2 (55). С. 4–7.

института присяжных в нашей стране. Кроме того, внимание отечественных юристов было направлено на исследование процессуальных аспектов ведения судебного следствия с участием присяжных заседателей. В более поздних исследованиях начинают затрагиваться криминалистические аспекты деятельности прокурора в суде присяжных, однако следует признать, что в современной криминалистической литературе, как правило, предлагаются либо общие криминалистические рекомендации, адресованные прокурору, участвующему в суде с участием присяжных заседателей, либо рекомендации по поддержанию обвинения по уголовным делам об убийствах, традиционно подсудных суду присяжных.

Данное обстоятельство побудило нас обратить внимание на проблемы, возникающие при поддержании государственного обвинения в суде присяжных по делам о незаконном обороте наркотиков.

Первое, на что следует обратить внимание в связи с исследованием обозначенных нами вопросов, — особенности формирования коллегии присяжных заседателей по делу о таком специфическом преступлении, как сбыт наркотиков.

Присяжные — «судьи факта», которые не имеют специального юридического образования, профессионально не ориентируются в вопросах уголовного права и процесса, доказывания и других дисциплин, изучаемых в юридических вузах. В своей деятельности они руководствуются житейским опытом, обыденными знаниями и лишь в незначительной степени знаниями, которые условно можно определить как специальные (в той или иной области медицины, экономики, инженерии и др.). В зависимости от того, кто входит в состав коллегии, от уровня образования присяжных, гендерного состава, социального статуса и многих других факторов, характеризующих присяжных, прокурор избирает тактику своих действий, порядок и способы исследования доказательств, выбирает методы психологического воздействия на присяжных (в рамках закона, разумеется), стремится добиться объективной и беспристрастной оценки

присяжными представленных им доказательств. Тем самым он создает предпосылки для успешного разрешения дела.

Для обеспечения формирования работоспособной, объективной коллегии присяжных без признаков тенденциозности прокурор должен принимать активное участие в опросе кандидатов в присяжные, правильно использовать право мотивированного и немотивированного отвода.

Обязательной предпосылкой эффективного опроса кандидатов является заблаговременная разработка вопросов, которые могут быть им заданы в процессе отбора. Так, при постановке вопросов кандидатам, которые могут войти в состав коллегии, рассматривающей дело о сбыте наркотиков, необходимо стремиться к решению следующих задач:

выявление кандидатов, которые могут в последующем отнестись к подсудимому предвзято в связи с ярко выраженным негативным отношением к любым лицам, так или иначе связанным с незаконным оборотом наркотиков;

выявление лиц, полагающих возможным осуществление предпринимательской деятельности вне установленных законом рамок;

выявление лиц, рассматривающих сбыт наркотиков как одну из форм предпринимательской деятельности, как один из возможных источников доходов.

Кроме того, государственный обвинитель должен учитывать, каким способом было совершено преступление. Например, при сбыте наркотиков через сеть «Интернет» целесообразно выяснять уровень компьютерной грамотности кандидата, который должен ориентироваться в особенностях возникновения, фиксации, распространения, выявления и изъятия цифровой информации. В противном случае у него могут возникнуть трудности в оценке представленных стороной обвинения доказательств, подтверждающих способ преступления.

С учетом санкции ч. 5 ст. 228.1 УК РФ кандидатам в присяжные всегда следует задавать вопрос об отношении к пожизненному

лишению свободы, а также к возможности назначения наказания в виде длительных сроков (до 20 лет) лишения свободы.

Поскольку в совершение преступления могут быть вовлечены несовершеннолетние, кандидатам в присяжные следует задавать вопросы об их отношении к несовершеннолетним наркоманам, к возможности перевоспитания и исправления подростков, причастных к наркобизнесу, о причинах, которые, по мнению опрашиваемого, могли повлечь участие несовершеннолетнего в сбыте наркотиков.

Сбыт наркотиков относится к преступлениям, выявление и расследование которых нередко широко освещается в СМИ, что предполагает необходимость выяснения у кандидата уровня его осведомленности об обстоятельствах дела, которое будет рассматриваться в суде, наличии сформированного мнения о факте совершения преступления и виновности привлекаемого к ответственности лица.

Еще один важный вопрос, который следует выяснять при формировании коллегии, связан с отношением кандидата к органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, его возможным предубеждением и негативным отношением к правоохранительным органам, поскольку значительное место в системе доказательств по делам о преступлениях рассматриваемой нами группы занимают доказательства, основанные на результатах проведения оперативно-розыскных мероприятий. Вряд ли целесообразно включать в состав коллегии присяжных человека, уверенного, что все изымаемые правоохранительными органами наркотики изначально были подброшены лицу, «невинно пострадавшему от произвола властей». Причем, как ни парадоксально, такой позиции отдельные граждане придерживаются даже в случае изъятия у лица многокилограммовых партий наркотиков.

Конечно, государственный обвинитель должен помнить о вероятности получения неправдивых и неискренних ответов на поставленные вопросы. В связи с этим А. С. Дежнев отмечает, что законность приговора фактически поставлена в зави-

симость от того, насколько честно гражданин рассказал о себе в ходе процесса отбора¹. Тем не менее данное обстоятельство не должно влиять на активность прокурора, участвующего в формировании коллегии присяжных. Вместе с тем мы не можем признать соответствующей закону практику изучения прокурором личности кандидатов в присяжные заседатели после формирования коллегии, в том числе с использованием возможностей, предоставляемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

Еще одним важным обстоятельством является выяснение вопроса о знакомстве кандидата с подсудимым. Поскольку в настоящее время дела с участием присяжных заседателей рассматриваются и в районном суде, государственный обвинитель нередко сталкивается с трудноразрешимой задачей формирования коллегии из числа лиц, не только не знакомых с подсудимым, но и не имеющих информации о его деятельности и роде занятий (в нашем случае — причастности к незаконному обороту наркотиков). В небольших населенных пунктах, где местные жители хорошо знают друг друга, информированы об образе жизни, источниках доходов своих соседей, сформировать независимую, объективную коллегию весьма сложно.

В ходе судебного следствия прокурор должен четко представлять себе предмет и пределы доказывания, обусловленные предъявленным обвинением, и правильно расставлять акценты при представлении и исследовании доказательств. Только в этом случае появляется возможность донести до присяжных суть предъявленного подсудимому обвинения. В частности, государственный обвинитель должен помнить, что каждое действие, составляющее содержание обвинения, должно быть доказано в суде, раскрыта его сущность, показана роль в нем подсудимого. Это особенно сложно по делам о сбыте наркотиков, который осуществляла группа, действовавшая на зна-

¹ Дежнев А. С. Организационные и правовые проблемы формирования коллегии присяжных заседателей // Российская юстиция. 2005. № 7. С. 17.

чительной территории (в том числе, транснациональная) и носящая организованный характер. Для упрощения решения данной задачи в суде должно быть правильно сформулировано обвинение в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого. По нашему мнению, необходимо организовать взаимодействие между следователем, в чьем производстве находится уголовное дело, надзирающим прокурором и будущим государственным обвинителем. Каждый из участников такого взаимодействия, будучи самостоятельной процессуальной фигурой, решает свои задачи для достижения единой цели. Прокурор, которому будет поручено поддержание обвинения в суде присяжных, сможет сопоставить предъявленное лицу обвинение с потенциальным вопросным листом и высказать свои предложения относительно того, каким образом должно оно быть сформулировано.

Деятельность государственного обвинителя в ходе судебного следствия также имеет определенную специфику, обусловленную, с одной стороны, отсутствием у присяжных юридических знаний, вследствие чего они не всегда правильно понимают суть происходящего, а с другой — особенностями преступления, которое исследуется в судебном процессе. Сбыт наркотиков достаточно часто сопровождается использованием субъектами специально разработанного сленга, который не понятен присяжным и в каждом случае требует расшифровки со стороны государственного обвинителя (это, прежде всего, условные обозначения наркотика и действий с ним). Также должны быть разъяснены специальные термины, используемые в цифровых технологиях и сети «Интернет» (облачное хранилище, ник, логин и др.), а иногда и суть осуществляемых преступниками операций (как осуществлялись перевод и обналачивание денежных средств, как и где возникают виртуальные следы преступления и пр.). Для этого прокурор может использовать помощь специалиста, сведущего в компьютерной технике, который будет, возможно, более убедителен для присяжных. Важно только, чтобы избранный специалистом способ разъясне-

ния информации позволял донести ее суть понятным для обывателя (т. е. простого человека, не имеющего специальных знаний) языком.

Также с участием специалиста целесообразно предъявлять присяжным заседателям вещественные доказательства, в данном случае речь идет прежде всего о различных девайсах, в которых может быть обнаружена доказательственная информация.

Как мы уже отмечали, значительная часть информации о сбыте наркотиков может быть получена оперативным путем. В обычном процессе государственные обвинители нередко заявляют ходатайство о допросе оперативных работников с целью получения от них сведений об обстоятельствах, послуживших основанием для проведения оперативно-розыскного мероприятия, обстоятельствах его проведения и последовавших за этим действиях. По своей сути такие допросы носят характер допроса по процессуальным моментам, что невозможно в суде присяжных, а потому допрос указанных лиц в качестве свидетелей недопустим.

Представляя доказательства сбыта наркотиков, государственный обвинитель должен учитывать, что присяжные могут оперировать только той информацией, которая становится им известна в ходе судебного следствия. Если такая информация носит фрагментарный характер, несистематизирована и противоречива, у присяжных не складывается полная картина преступления. У них возникает своего рода психологический барьер, препятствующий формированию внутреннего убеждения в виновности подсудимого даже при наличии в деле серьезных улик и проявляющийся как чувство тревожного сомнения и страха осудить невиновного человека¹. Особенно сложно присяжным в тех случаях, когда всю информацию они воспринимают

¹ Владыкина Т. А. Психологические особенности реализации принципа состязательности сторон в суде присяжных // Журнал российского права. 2012. № 8. С. 81–92; Петров А. Организация подготовки к рассмотрению уголовных дел с участием присяжных заседателей // Законность. 2016. № 11. С. 17–20.

только на слух¹. Для облегчения присяжным решения стоящих перед ними задач государственный обвинитель должен максимально использовать метод наглядности в своей деятельности. Только в этом случае представляемые прокурором доказательства станут очевидными для присяжных заседателей, понятными им по содержанию и «прозрачными» по источнику их происхождения². В частности, им можно продемонстрировать протоколы следственных действий, фото- и видеоматериалы, имеющиеся в деле³, вещественные доказательства. Отдельно следует упомянуть использование государственным обвинителем планов местности, схем расположения тайников, изображения структуры организованной группы, структуры преступной деятельности по сбыту наркотиков и т. д. Здесь же могут быть указаны такие сведения, как масса наркотических средств, в сбыте которых обвиняется подсудимый (по каждому эпизоду преступной деятельности и общая), их потенциальная стоимость, круг возможных потребителей и т. п.

Необходимо подчеркнуть, что данные материалы могут быть доведены до сведения присяжных при представлении доказательств как с использованием компьютерной техники, так и с помощью планннга, школьной доски и др. Более того, мы не видим препятствий для использования подобного рода планов и схем как во вступительном заявлении прокурора, так и в его речи в прениях. Важно только обратить внимание присяжных заседателей на то, что представляемые им материалы (схемы, планы и т. д.)

¹ Быков В. М., Митрофанова Е. Н. О расширении прав присяжных заседателей // Российская юстиция. 2009. № 3. С. 30–34; Тисен О. Н. Основные психологические и тактические принципы участия государственного обвинителя и защитника в суде присяжных // Администратор суда. 2010. № 2. С. 29–31.

² Фалилеев В. Демонстрационный характер формирования доказательств, представляемых суду присяжных // Законность. 2017. № 8. С. 8–11.

³ Исаенко В. Н. Приложения к протоколам следственных действий — объект прокурорского надзора в досудебном производстве // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 2. С. 172–175.

в данном случае не носят характера доказательств, а используются исключительно в целях наглядности.

В. Фалилеев отмечает, что «в ходе предварительного расследования процесс закрепления тех или иных доказательств, особенно ключевых... следует сопровождать изготовлением демонстрационных материалов. Такие материалы могут формироваться следователем специально для суда с целью наглядно показать и пояснить те или иные события, обстоятельства, объекты, процессы и другие, нередко технические, аспекты дела. К демонстрационным материалам можно отнести модели, образцы, графики, схемы, диаграммы, фото-, видео- и аудиоматериалы, основная цель которых — визуализировать отдельные специфические моменты. Подобные демонстрационные материалы — способ систематизации, обобщения и подачи доказательств в удобной для восприятия форме, позволяющей суду разобраться в содержании и ценности представленных доказательств»⁴.

Реализация предложенных рекомендаций, по нашему мнению, может помочь присяжным при отправлении правосудия и обеспечит вынесение законного и справедливого вердикта, поскольку «судьям факта» будет проще качественно, всесторонне, полно и объективно оценить исследуемое в ходе судебного следствия событие.

В заключение отметим, что, несмотря на несомненную значимость имеющихся в современной криминалистической литературе исследований, еще только предстоит составить целостное представление об особенностях поддержания государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей по делам о сбыте наркотиков. При всем богатстве научного материала теоретико-прикладные проблемы криминалистического характера, возникающие при анализе материалов уголовного дела, подготовке и поддержании государственного обвинения по делам о сбыте наркотических средств и психотропных веществ, предметно не изучались, а отдельные положения остаются дискуссионными и нуждаются в дальнейшей разработке. Отсутствие

⁴ Фалилеев В. Указ. соч.

данной части научного знания негативно сказывается на качестве участия прокурора в уголовном судопроизводстве по уголовным делам о рассматриваемых преступлениях. Предстоит еще большая работа как ученых, так и практиков для устранения этого пробела.

Библиографический список

1. Быков, В. М. О расширении прав присяжных заседателей / В. М. Быков, Е. Н. Митрофанова // Российская юстиция. — 2009. — № 3. — С. 30–34.
2. Владыкина, Т. А. Психологические особенности реализации принципа состязательности сторон в суде присяжных / Т. А. Владыкина // Журнал российского права. — 2012. — № 8. — С. 81–92.
3. Дежнев, А. С. Организационные и правовые проблемы формирования коллегии присяжных заседателей / А. С. Дежнев // Российская юстиция. — 2005. — № 7. — С. 15–18.
4. Исаенко, В. Н. Приложения к протоколам следственных действий — объект прокурорского надзора в досудебном производстве / В. Н. Исаенко // Пробелы в российском законодательстве. — 2015. — № 2. — С. 172–175.
5. Ларин, А. М. От следственной версии к истине / А. М. Ларин. — Москва: Юрид. лит., 1976. — 200 с.
6. Петров, А. Организация подготовки к рассмотрению уголовных дел с участием присяжных заседателей / А. Петров // Законность. — 2016. — № 11. — С. 17–20.
7. Тисен, О. Н. Основные психологические и тактические принципы участия государственного обвинителя и защитника в суде присяжных / О. Н. Тисен // Администратор суда. — 2010. — № 2. — С. 29–31.
8. Фалилеев, В. Демонстрационный характер формирования доказательств, представляемых суду присяжных / В. Фалилеев // Законность. — 2017. — № 8. — С. 8–11.
9. Хмыров, А. А. Система доказательств по уголовному делу: понятие и значение / А. А. Хмыров // Юридический вестник Кубанского государственного университета. — 2013. — № 2 (55). — С. 4–7.

References

1. Bykov, V. M. O rasshirenii prav prisyazhnykh zasedatelej / V. M. Bykov, E. N. Mitrofanova // Rossijskaya yusticiya. — 2009. — № 3. — S. 30–34.
2. Dezhnev, A. S. Organizacionnye i pravovye problemy formirovaniya kollegii prisyazhnykh zasedatelej / A. S. Dezhnev // Rossijskaya yusticiya. — 2005. — № 7. — S. 15–18.
3. Falileev, V. Demonstrationnyj harakter formirovaniya dokazatel'stv, predstavlyaemykh sudu prisyazhnykh / V. Falileev // Zakonnost'. — 2017. — № 8. — S. 8–11.
4. Hmyrov, A. A. Sistema dokazatel'stv po ugolovnomu delu: ponyatie i znachenie / A. A. Hmyrov // YUridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2013. — № 2 (55). — S. 4–7.
5. Isaenko, V. N. Prilozheniya k protokolam sledstvennykh dejstvij — ob`ekt prokurorskogo nadzora v dosudebnom proizvodstve / V. N. Isaenko // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. — 2015. — № 2. — S. 172–175.
6. Larin, A. M. Ot sledstvennoj versii k istine / A. M. Larin. — Moskva: YUrid. lit., 1976. — 200 s.
7. Petrov, A. Organizaciya podgotovki k rassmotreniyu ugolovnykh del s uchastiem prisyazhnykh zasedatelej / A. Petrov // Zakonnost'. — 2016. — № 11. — S. 17–20.
8. Tisen, O. N. Osnovnye psihologicheskie i takticheskie principy uchastiya gosudarstvennogo obvinitelya i zashchitnika v sude prisyazhnykh / O. N. Tisen // Administrator suda. — 2010. — № 2. — S. 29–31.
9. Vladykina, T. A. Psihologicheskie osobennosti realizacii principa sostyazatel'nosti storon v sude prisyazhnykh / T. A. Vladykina // ZHurnal rossijskogo prava. — 2012. — № 8. — S. 81–92.

В. С. ШАДРИН

УДК 343

ПОЛНОМОЧИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРОРА ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБВИНЕНИЕМ

Согласно чч. 2 и 4 ст. 246 УПК РФ прокурор в качестве государственного обвинителя поддерживает государственное обвинение в судебном разбирательстве уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения, а также дел частного обвинения, если уголовное дело было возбуждено сле-

дователем либо дознавателем с согласия прокурора. Однако в действительности деятельность прокурора в судебном заседании отнюдь не сводится лишь к поддержанию предъявленного подсудимому обвинения, с изложения которого в соответствии с ч. 1 ст. 273 УПК РФ начинается судебное след-

ствие. Фактически прокурор осуществляет действия по распоряжению¹ государственным обвинением.

Характер полномочий прокурора и его деятельности в судебном заседании позволяет утверждать, что в условиях действия принципа состязательности в современном российском уголовном судопроизводстве прокурор является, образно говоря, «хозяином государственного обвинения», поскольку обладает реальной возможностью корректировать содержание и объем государственного обвинения в зависимости от конкретной ситуации и результатов исследования доказательств в судебном следствии и даже вообще снять инициированный им ранее вопрос об обвинении подсудимого с рассмотрения суда.

С учетом установленных ст. 252 УПК РФ пределов судебного разбирательства и выяснившихся в судебном заседании новых или дополнительных обстоятельств по уголовному делу прокурор до удаления суда в совещательную комнату вправе изменить обвинение в сторону смягчения путем, во-первых, исключения из юридической квалификации инкриминируемого подсудимому деяния признаков преступления, отягчающих наказание; во-вторых, исключения из обвинения ссылки на какую-либо норму УК РФ, если деяние подсудимого предусматривается другой нормой УК РФ, нарушение которой вменялось ему в обвинительном заключении или обвинительном акте; в третьих, переквалификации деяния в соответствии с нормой УК РФ, предусматривающей более мягкое наказание (ч. 8 ст. 246 УПК РФ).

Более того, если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он может отказаться от обвинения с изложением суду мотивов отказа. При этом полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследо-

¹ Распоряжаться — управлять чем-нибудь; вести себя, как хозяин (Ожегов С. И. Словарь русского языка. 23-е изд., испр. М., 1991. С. 574).

вания полностью или в соответствующей его части вследствие отсутствия события преступления, отсутствия в деянии состава преступления или непричастности подсудимого к совершению преступления (ч. 7 ст. 246 УПК РФ).

Указанные полномочия наглядно демонстрируют обладание прокурором безусловной прерогативой распоряжения государственным обвинением. Конституционный Суд Российской Федерации наличие у прокурора рассматриваемых полномочий, принадлежащих только ему, единственному из всех властных участников уголовного судопроизводства, признает полностью соответствующим Конституции Российской Федерации. Вместе с тем в качестве своего рода гарантии законного и обоснованного использования прокурором своих исключительных полномочий, а также гарантии прав всех заинтересованных в исходе уголовного дела участников судебного разбирательства одновременно предусматривается, что «полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения, как влекущий прекращение уголовного дела, равно как и изменение государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения должны быть мотивированы со ссылкой на предусмотренные законом основания, а вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты»².

Пленум Верховного Суда Российской Федерации недвусмысленно разъяснил, что в соответствии с чч. 7 и 8 ст. 246 УПК РФ полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства, а также изменение им обвинения в сторону смягчения пре-

² По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 18-П. П. 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

допределяют принятие судом решения в соответствии с позицией государственного обвинителя¹. Игнорирование судом предписаний ст. 246 УПК РФ и приведенных выше разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации расценивается как существенное нарушение уголовно-процессуального закона, о чем наглядно свидетельствует следующий пример.

По приговору суда Н. осужден по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ, ч. 2 ст. 162 УК РФ, пп. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, ч. 4 ст. 111 УК РФ, ч. 1 ст. 105 УК РФ и другим статьям УК РФ. Последующие судебные инстанции оставили приговор без изменения. Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по надзорным жалобам осужденного, изменил судебные решения в связи с тем, что имело место существенное нарушение уголовно-процессуального закона. Из материалов дела следует, что по факту совершения преступления в отношении потерпевшего Г. органами следствия действия осужденного, в числе других инкриминируемых ему преступлений, квалифицированы по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ. Государственный обвинитель, выступая в прениях, по данному эпизоду предложил квалифицировать действия осужденного по ч. 3 ст. 111 УК РФ, поскольку обвинение по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ не нашло подтверждения. Суд первой инстанции, не согласившись с мнением прокурора, действия Н. по факту совершения преступления в отношении Г. квалифицировал в соответствии с предъявленным обвинением по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ как разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего. Между тем в силу ст.ст. 246 и 254 УПК РФ полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства, а также изменение обвинения в сторону смягчения

¹ О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства) : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51. П. 20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

предопределяют принятие судом соответствующего решения. В силу изложенного Президиум переквалифицировал действия осужденного Н. по факту совершения преступления в отношении Г. в ночь с 26 на 27 марта 2006 г. с п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ на п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ².

С точки зрения характеристики правового статуса государственный обвинитель, участвуя в судебном разбирательстве уголовных дел, является представителем прокуратуры — единой централизованной системы органов, осуществляющих на основе подчинения нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору Российской Федерации возложенные на нее Российским государством различные функции, в том числе функцию уголовного преследования (чч. 1, 2 ст. 1, ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»). Не случайно ряд положений указанного Закона и закона уголовно-процессуального взаимосвязаны. В пункте 6 ст. 5 УПК РФ указывается, что «государственный обвинитель — поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу должностное лицо органа прокуратуры». Далее уточняется, что под используемым в тексте уголовно-процессуального закона понятием «прокурор» подразумевается Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры, их заместители и иные должностные лица органов прокуратуры, участвующие в уголовном судопроизводстве и наделенные соответствующими полномочиями Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» (п. 31 ст. 5 УПК РФ). В свою очередь Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» гласит, что «осуществляя уголовное преследование в суде, прокурор выступает в качестве государственного обвинителя» (ч. 2 ст. 35). Для уточнения круга должностных лиц органов прокуратуры, наделенных полномочиями

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015) : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25 ноября 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

государственного обвинителя, непосредственное значение имеет разъяснение, содержащееся в ст. 54 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»: «Прокурор – Генеральный прокурор Российской Федерации, его советники, старшие помощники, помощники и помощники по особым поручениям, заместители Генерального прокурора Российской Федерации, их помощники по особым поручениям, заместители, старшие помощники и помощники Главного военного прокурора, все нижестоящие прокуроры, их заместители, помощники прокуроров по особым поручениям, старшие помощники и помощники прокуроров, старшие прокуроры и прокуроры управлений и отделов, действующие в пределах своей компетенции». Расширительное толкование понятия «прокурор», содержащееся в данном разъяснении, признается и поддерживается судебной практикой. Так, по одному из уголовных дел, сравнительно недавно рассмотренному в кассационном порядке, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в своем определении конкретно указала, что «государственным обвинителем является должностное лицо органа прокуратуры, поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу. При этом, по смыслу закона, им может быть любое должностное лицо органа прокуратуры, а не только то, которое утверждает обвинительное заключение, как ошибочно считает осужденный Е.»¹. О сущностной близости, взаимопроникновении уголовно-процессуальной и прокурорской деятельности в осуществлении обвинения – что имеет глубокие исторические корни и обуславливает специфику правового регулирования и практики уголовного преследования в большинстве стран мира – свидетельствует и основанная на принципе централизации построения органов прокуратуры взаимозаменяемость прокурорских работников, выполняющих обязанности государственного обвините-

ля. Если в ходе судебного разбирательства обнаруживается невозможность по тем или иным причинам дальнейшего участия прокурора в судебном разбирательстве, он может быть заменен. Такая замена не влечет за собой повторения действий, выполненных к тому времени в ходе судебного разбирательства (ч. 4 ст. 246 УПК РФ).

Также представляется важным для определения круга полномочий прокурора по распоряжению государственным обвинением, обусловленных его ролью и статусом в уголовном судопроизводстве, ясно представлять, когда обвинение, о котором в уголовно-процессуальном законе речь идет применительно к досудебному производству, переходит в обвинение государственное и когда прокурор начинает проявлять себя как его распорядитель.

Если понятие «обвинение» разъясняется в п. 22 ст. 5 УПК РФ, то о том, что означает «государственное обвинение», уголовно-процессуальный закон умалчивает. В юридической литературе по этому поводу высказаны различные точки зрения. Без малого полвека назад В. М. Савицкий утверждал, что государственное обвинение представляет собой разновидность уголовно-процессуальной функции обвинения, осуществляемой в специфических условиях судебного разбирательства. Истоки государственного обвинения лежат в деятельности органов предварительного расследования, усилиями которых лицо изобличается в совершении преступления. Но, попадая в суд, обвинение, даже при полной неизменности сформулированного в обвинительном заключении по уголовному делу тезиса, начинает претворяться в жизнь с помощью совершенно иных, чем в стадии предварительного расследования, средств и методов. Эта совокупность средств и методов реализации обвинительной функции исчерпывающе охватывается одним общим собирательным понятием «поддержание государственного обвинения»². Таким образом, известный в прошлом ученый-про-

¹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2017 г. № 46-О17-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1972. С. 8.

пессуалист связывал момент преобразования обвинения, выдвигаемого в отношении обвиняемого органами расследования, в обвинение государственное с началом поддержания последнего в судебном разбирательстве, что не вполне соответствует действительности.

По мнению В. А. Лазаревой, «государственное обвинение — это основанный на собранных в процессе расследования доказательствах, сформулированный органом расследования и утвержденный прокурором вывод о совершении обвиняемым конкретного уголовно наказуемого деяния. Государственное обвинение, в отличие от обвинения, содержащегося в процессуальных решениях следователя (дознателя), исходит от государства в лице прокурора, официально представляющего в уголовном судопроизводстве государственную обвинительную власть»¹. Такая точка зрения более предпочтительна, обоснованно отражает значение деятельности прокурора в досудебном производстве для объективизации государственного обвинения, однако также оставляет вопрос о моменте его появления отчасти открытым.

Действительно адекватным объективной реальности ответом на вопрос о том, когда конкретно обвинение следственное становится обвинением государственным, представляется суждение Н. Н. Ковтуна — тогда, когда прокурор утверждает обвинительное заключение в качестве главы обвинительной власти. «Исключительно актом последней обвинение приобретает характер государственного; это уже не утверждение следственного органа, а позиция государства»². Полностью разделяя данный вывод, трудно, однако, согласиться с тем, что решение прокурора об утверждении обвинительного заключения — это акт формирования государственного обвинения. Говоря

словами автора, — «...акт формирования государственного притязания-иска на рассмотрение и разрешение независимым и беспристрастным судом права государства на наказание»³.

Во-первых, если прокурор в результате анализа материалов представленного ему уголовного дела полностью принимает выводы следователя в обвинительном заключении как вполне подтвержденные доказательствами, он сразу утверждает обвинительное заключение. Тем самым он не просто солидаризируется со следователем, а берет уже персонально на себя ответственность за полноту, всесторонность и объективность произведенного по уголовному делу предварительного расследования и, более того, за успешность поддержания по данному уголовному делу обвинения в последующем судебном разбирательстве. По существу, никакого формирования⁴ государственного обвинения, его изменения, дополнения или иного корректирования в подобном случае не происходит. Хотя в момент утверждения прокурором обвинительного заключения сформулированное органами предварительного расследования обвинение качественно меняется, приобретает значение уже государственного, содержание его остается в целом неизменным.

Во-вторых, прокурор в ряде случаев по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, действительно способен активно формировать обвинение в соответствии со своим, основанным на анализе материалов уголовного дела и положениях уголовно-процессуального закона, представлением о содержании обвинительного вывода, который должен быть законным, обоснованным и убедительным для суда. С учетом этого вывод Н. Н. Ковтуна о наличии оснований считать период рассмотрения прокурором уголовного дела с обвинительным заключением в качестве самостоятельной стадии уголовного процесса, а именно стадии формирования госу-

¹ Лазарева В. А. Прокурор в уголовном процессе : учеб. пособие для магистров. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014. С. 156.

² Ковтун Н. Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 123–137. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

³ Там же.

⁴ Формировать — придавать определенную форму, законченность; создавать, составлять (Ожегов С. И. Указ. соч. С. 743).

дарственного обвинения¹, можно признать вполне оправданным. Но только не в части сведения формирования государственного обвинения исключительно к утверждению обвинительного заключения.

Да, несомненно, именно в момент утверждения прокурором обвинительного заключения государственное обвинение возникает, обретает юридическое значение тезиса, выдвигаемого и затем отстаиваемого обвинительной властью государства перед судом с тем, чтобы орган судебной власти, единственно правомочный осуществлять от имени государства правосудие, признал обвиняемого (подсудимого) виновным в совершении преступления и назначил ему справедливое наказание. Однако утверждение обвинительного заключения является не единственным, а лишь одним из решений прокурора, принимаемых им в результате изучения уголовного дела. Если прокурор убеждается в том, что проведенное расследование не отвечает требованиям полноты, всесторонности и объективности исследования обстоятельств вменяемого обвиняемому преступления или уголовно-правовая квалификация данного преступления не соответствует действительности, он принимает решение о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия или изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемого. В случае несоответствия обвинительного заключения предусмотренной уголовно-процессуальным законом форме прокурор возвращает уголовное дело для пересоставления обвинительного заключения.

При этом прокурор в письменной форме дает следователю конкретные указания по устранению выявленных недостатков, на что права он не имел на протяжении всего предварительного следствия (п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ). Несмотря на то что предписания прокурора об устранении выявленных им недостатков не являются безусловно обязательными, следователь вправе их обжаловать с согласия руководителя следственного органа вышестоящему прокурору в поряд-

ке, установленном ч. 4 ст. 221 УПК РФ. Однако, как показывает практика, следователи в подавляющем большинстве случаев предпочитают выполнять предписания прокурора, потому что они обычно имеют под собой вполне объективные основания. Фактически прокурор на данном этапе досудебного производства, имеющем особое значение для обеспечения эффективности поддержания обвинения в судебном разбирательстве уголовного дела, хотя и не выносит постановление о принятии уголовного дела к своему производству, становится распорядителем обвинения. Причем обвинения уже не следственного, а формируемого путем дачи следователю соответствующих указаний, как исходящего непосредственно от прокурора, т. е. обвинения собственно государственного. Утверждение обвинительного заключения в подобных случаях выступает лишь заключительным аккордом реализации прокурором своих полномочий по распоряжению государственным обвинением в досудебном производстве.

В связи с этим как нонсенс воспринимается отсутствие у прокурора в настоящее время полномочий, какими он обладал согласно ст. 221 УПК РФ до 5 июня 2007 г., в целом соответствующих полномочиям прокурора, предусматривавшимся ранее ст.ст. 214–216 УПК РСФСР. В их числе вполне логично упоминалось и право прокурора принять уголовное дело, поступившее с обвинительным заключением, к своему производству и произвести по нему необходимые следственные и иные процессуальные действия для успешного завершения предварительного расследования². Не случайно даже представители следственных органов, которых вряд ли можно заподозрить в особых симпатиях к прокурору, в настоящее время откровенно признают, что «лишение прокурора полномочий изменить обвинительное заключение в части смягчения обвинения, дополнения списка свидетелей по просьбе стороны обвинения, составления

¹ Ковтун Н. Н. Указ. соч.

² Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / А. В. Агутин, А. С. Александров, Л. Б. Алексеева [и др.] ; науч. ред. В. Т. Томин. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 362.

нового обвинительного заключения, прекращения дела является неоправданным»¹.

В свете изложенного представляется логичным ожидать от законодателя в ходе дальнейшего совершенствования правового регулирования уголовного судопроизводства наделения прокурора — главы обвинительной власти государства в уголовном судопроизводстве комплексом полномочий, действительно достаточным как для полноценного формирования государственного обвинения, так и для последующего эффективного распоряжения государственным обвинением.

Библиографический список

1. Ковтун, Н. Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России / Н. Н. Ковтун // Журнал российского права. — 2019. — № 9. — С. 123–137.
2. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / [А. В. Агутин, А. С. Александров, Л. Б. Алексеева и др.] ; науч. ред. В. Т. Томин. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 1999. — 742 с. — ISBN 5-85294-087-9.
3. Лазарева, В. А. Прокурор в уголовном процессе : учеб. пособие для магистров / В. А. Лазарева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2014. — 295 с. — (Серия: Магистр). — ISBN 978-5-9916-1762-8.
4. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — 23-е изд., испр. — Москва : Рус. яз., 1991. — 915, [1] с. — ISBN 5-200-01088-8.

¹ Штекеров К. И. Возвращение уголовного дела прокурором и руководителем следственного органа для производства дополнительного расследования: основные проблемы и тенденции развития уголовно-процессуального закона // Российский следователь. 2019. № 4. С. 28.

5. Савицкий, В. М. Государственное обвинение в суде : специальность 12.715 «Уголовное право и уголовный процесс» : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Савицкий Валерий Михайлович ; Акад. наук СССР, Ин-т гос-ва и права. — Москва, 1972. — 39 с.

6. Штекеров, К. И. Возвращение уголовного дела прокурором и руководителем следственного органа для производства дополнительного расследования: основные проблемы и тенденции развития уголовно-процессуального закона / К. И. Штекеров // Российский следователь. — 2019. — № 4. — С. 27–30.

References

1. Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu RSFSR / [A. V. Agutin, A. S. Aleksandrov, L. B. Alekseeva i dr.] ; nauch. red. V. T. Tomin. — 3-e izd., pererab. i dop. — Moskva : YUrajt, 1999. — 742 s. — ISBN 5-85294-087-9.
2. Kovtun, N. N. Formirovanie gosudarstvennogo obvineniya kak samostoyatel'naya stadiya ugolovnogo sudoproizvodstva Rossii / N. N. Kovtun // ZHurnal rossijskogo prava. — 2019. — № 9. — S. 123–137.
3. Lazareva, V. A. Prokuror v ugolovnom processe : ucheb. posobie dlya magistrrov / V. A. Lazareva. — 2-e izd., pererab. i dop. — Moskva : YUrajt, 2014. — 295 s. — (Seriya: Magistr). — ISBN 978-5-9916-1762-8.
4. Ozhegov, S. I. Slovar' russkogo yazyka / S. I. Ozhegov. — 23-e izd., ispr. — Moskva : Rus. yaz., 1991. — 915, [1] s. — ISBN 5-200-01088-8.
5. Savickij, V. M. Gosudarstvennoe obvinenie v sude : special'nost' 12.715 «Ugolovnoe pravo i ugolovnyj process» : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk / Savickij Valerij Mihajlovich ; Akad. nauk SSSR, In-t gos-va i prava. — Moskva, 1972. — 39 s.
6. SHtekerov, K. I. Vozvrashchenie ugolovnogo dela prokurorom i rukovoditelem sledstvennogo organa dlya proizvodstva dopolnitel'nogo rassledovaniya: osnovnye problemy i tendencii razvitiya ugolovno-processual'nogo zakona / K. I. SHtekerov // Rossijskij sledovatel'. — 2019. — № 4. — S. 27–30.

НОВОЕ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

А. В. ХОЛОПОВ

УДК 343.98

НОВОЕ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

**Студенты СПбГУ придумали,
как защитить документы
с помощью светящихся чернил**

**Students of St. Petersburg state
University came up with how to protect
documents using luminous ink**

Участники конкурса «Start-up СПбГУ – 2018» придумали необычный способ защиты документов: команда «Quantum Break» разрабатывает светящиеся чернила на основе квантовых точек.

Документы, напечатанные с их помощью, практически невозможно будет подделать, ведь состав красящего вещества позволяет создать любое уникальное цветовое сочетание, проявляющееся под ультрафиолетовым светом.

В паспорте, в документах на квартиру, в трудовом договоре – современный человек практически всюду оставляет подпись, уникальный рукописный знак, который позволяет идентифицировать его личность. Подобные символы есть и у современных компаний – невозможно представить себе фирму без собственной печати. Увы, даже самую необычную подпись или печать можно подделать, а значит – завладеть правами или имуществом других людей. Чтобы сделать документооборот более безопасным, студенты СПбГУ разрабатывают чернила на основе квантовых точек.

Квантовые точки – это особые наночастицы, способные излучать свет. В зависимости от их размера, химического состава и времени синтеза излучаемый свет может быть самых разных цветов: синего, красного, зеленого, желтого – любого. Проявляется он под действием ультрафиолета, а люминесцирующие свойства состава сохраняются, пока вы химическим или механическим образом не разрушите наночастицы.

Сегодня самая известная область применения квантовых точек – это дисплеи. В последние годы особую популярность набирают телевизоры с подобной технологией. Как объясняет исследователь, спектральный диапазон квантовых точек достаточно ровный, поэтому такие телевизоры, к примеру, не страдают от потери качественного синего цвета в отличие от экранов предыдущих поколений.

Синтезируют квантовые точки из халькогенидов цинка и кадмия – именно эти вещества дают самый широкий цветовой диапазон, с помощью которого можно получить миллионы оттенков. Процесс создания квантовых точек занимает около двух часов, а чтобы «считать» зашифрованную цветовую информацию, достаточно иметь при себе даже карманный ультрафиолетовый фонарик.

URL: <https://spbu.ru/press-center/press-relezy/studenty-spbgu-privumali-kak-zashchitit-dokumenty-s-pomoshchyu> (дата обращения: 23.01.2020).

Полицейские научились вычислять преступников в толпе

Police officers have learned to identify criminals in a crowd

Китайская полиция начала использовать очки со встроенной технологией распознавания лиц. Как сообщает «South China Morning Post», всего за несколько дней гаджет отлично показал себя в деле.

За рабочий день очки позволили выявить в людных местах семь лиц, скрывающихся от правосудия. Им вменяют противоправные действия в отношении других граждан Китая (в том числе, торговлю людьми). Также гаджет смог зафиксировать 26 случаев мошенничества, произошедших в поле зрения полицейских, носивших очки.

Устройство было разработано специально для полицейских. После сканирования лиц данные об изображении поступают на подключенный к гаджету планшет, где находится база данных подозреваемых. При совпадении данных полицейские могут задержать потенциального преступника.

В основном устройство используется на железнодорожных станциях. Согласно статистическим данным, ежедневно каждой станцией пользуется от 70 до 120 тысяч человек. Также поступление гаджета в распоряжение полиции совпало с так называемым чуньюнем (chunyun) — периодом китайских новогодних праздников, когда загрузка транспортных узлов увеличивается в несколько десятков раз.

URL: <https://lenta.ru/news/2018/02/07/ochki/> (дата обращения: 23.01.2020).

Возраст научились определять по слюне

Age learned to determine by saliva

Международная группа генетиков выяснила, что метилирование ДНК, выделенной из слюны и крови, может служить биомаркером хронологического возраста человека. Ученые исследовали эпигенетические изменения в таких африканских популяциях, как племена пигмеев бака и бушмены.

Препринт статьи, в которой представлены результаты исследования, опубликован в репозитории bioRxiv.

Метилированием называют присоединение CH_3 (метильной группы) к участку, который состоит из цитозинового и гуанинового нуклеотидов (СрG-динуклеотид или СрG-участок). Обычно это приводит к снижению активности гена.

Генетики изучили уровень метилирования в образцах слюны и крови, взятых у 56 бушменов и 133 представителей народа баки. С помощью технологии секвенирования (определения последовательности нуклеотидов) была определена степень эпигенетической модификации 485 тысяч СрG-динуклеотидов.

Найдено объяснение механизмам смерти и старения.

Ученым удалось идентифицировать сотни СрG-участков, в которых уровень метилирования в значительной степени был связан с биологическим возрастом. 399 маркеров старения были определены в образцах слюны людей из племени бака, 276 — у бушменов. Дополнительно биологи выявили 306 динуклеотидов в ДНК, выделенной из крови пигмеев. Кроме того, генетики провели статистический анализ полученных данных, а также изучили результаты других исследований.

Одним из выявленных биомаркеров является пониженный уровень метилирования GC-участков в гене DDO, отвечающем за ликвидацию разрушительной для белков аномальной аминокислоты (D-аспартат). Уменьшение степени эпигенетической модификации DDO увеличивает активность гена, препятствующего повреждению белков, и способствует «здоровому» старению.

Эпигенетической модификацией называется процесс, который не затрагивает последовательность ДНК, т. е. не приводит к мутациям. Однако в результате может меняться активность генов, что отражается на внешних признаках организма. Такие модификации осуществляются сторонними молекулами и могут передаваться по наследству.

URL: <https://lenta.ru/news/2016/09/06/genes/> (дата обращения: 23.01.2020).

Найдена связь между психопатией и любовью к рэпу

Found a link between psychopathy and love of rap

Психопаты предпочитают слушать музыку в жанрах хип-хоп и R&B. Такую теорию выдвинули ученые Нью-Йоркского университета, передает «The Guardian».

Специалисты провели исследование с участием 200 добровольцев – им проиграло 260 композиций различных жанров. В ходе эксперимента выяснилось, что опрошенные, проявлявшие больше всего признаков психопатологического синдрома, оказались поклонниками песни «Lose Yourself» рэпера Эминема и трека «No Diggity» R&B-коллектива «Blackstreet».

Ученые подчеркнули, что результаты исследования – предварительные. Сотрудники университета планируют проверить свои находки в более масштабном эксперименте, в котором примут участие тысячи людей с различными психическими расстройствами.

Отмечается, что меньше всего признаков психопатии было у фанатов песни «My Sharona» рок-группы «The Knack» и композиции «Titanium» поп-исполнительницы Sia и диджея Дэвида Гетты.

Если предположение подтвердится, психические отклонения можно будет обнаружить, изучив плейлист человека, заявили исследователи.

URL: <https://lenta.ru/news/2017/09/26/raund/> (дата обращения: 23.01.2020).

Российские ученые разработали сенсор, определяющий взрывчатку по одной молекуле

Russian scientists have developed a sensor that detects explosives by a single molecule

Группа российских ученых разработала плазмонный прибор на основе графена, который может обнаруживать органические вещества, в том числе яды и взрывчатку, по наличию даже одной молекулы.

Для расчета теоретических возможностей прибора на основе графена ученые разработали квантовую модель поведения плазмонов в графене. В результате исследователи описали режимы работы поверхностного плазмонного светодиода (СПЕД) и поверхностного плазмонного лазера (СПАЗЕР) с использованием графенового слоя.

В устройстве СПАЗЕР исследователи увидели потенциал для создания спектроскопических устройств, способных фиксировать даже одну молекулу вещества.

В частности, возможно обнаруживать органические молекулы по их характеристическим переходам, которые как раз находятся в средней инфракрасной области, где работает СПАЗЕР на основе графена.

По принципу работы СПАЗЕР похож на лазер, но в нем оптические переходы в усиливающей среде генерируют поверхностный плазмон вместо обычной электромагнитной моды лазерного резонатора. СПЕД также использует для работы поверхностные плазмоны, но создает некогерентное излучение и для его работы требуется значительно меньшая мощность накачки. Оба устройства работают в инфракрасном диапазоне, в котором проводится изучение биологических молекул.

Работу над данным проектом ведут физики из МФТИ, Института спектроскопии РАН, Всероссийского НИИ автоматики им. Н. Л. Духова и Института теоретической физики им. Ландау РАН.

URL: http://zoom.cnews.ru/rnd/article/item/rossijskie_uchenye_razrabotali_sensoropredelyayushchij_vzryvchatku (дата обращения: 23.01.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ИНДЕКСА НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ

АВДЕЕВ Вадим Авдеевич, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Юридического института Югорского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье раскрываются ключевые направления новеллизации уголовного закона в сфере противодействия преступлениям против общественной безопасности. Рассмотрены состояние и структура преступности в сфере обеспечения общественной безопасности. Исследованы современные тенденции уголовно-правовой политики в сфере противодействия посягательствам на общественную безопасность. Проведен анализ правоприменительной деятельности по уголовным делам, выявлены основные проблемы реализации уголовно-правовой политики по обеспечению общественной безопасности. Особое внимание уделяется стратегическим направлениям противодействия преступлениям террористического характера

Ключевые слова: национальная безопасность, общественная безопасность, преступления против общественной безопасности, уголовно-правовая политика, уголовный закон, уголовно-правовые меры противодействия преступности

AVDEEV Vadim A., Professor at the Department of criminal law and criminal procedure, Law Institute of Ugra State University, Doctor of Law, Full Professor

STRATEGIES OF THE CRIMINAL LAW ENSURING PUBLIC SECURITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article explores the key areas of novelization of the criminal law in the field of combating crimes against public safety. The state and structure of crime in the field of public safety are considered. Investigation has been carried out of the modern trends in the criminal law policy in the sphere of countering attacks against public safety. The analysis of law enforcement practice in criminal cases has been conducted, the main problems of the implementation of the criminal law policy to ensure public safety having been identified. Particular attention is paid to strategic directions in countering terrorist crimes

Keywords: national security, public security, crimes against public safety, criminal law policy, criminal law, criminal law measures to combat crime

<p>АРЗАМАСЦЕВ Максим Васильевич, доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, советник Конституционного Суда Российской Федерации, кандидат юридических наук</p> <p>КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ЗАПРЕТОВ В СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ</p> <p>В статье рассматриваются проблемы обеспечения средствами уголовного права конституционных прав личности, в том числе права на безопасность. В уголовном законе не учтен современный уровень технологического развития, в том числе появление беспилотных летательных аппаратов и систем искусственного интеллекта. Для противодействия техногенным преступлениям необходим пересмотр отдельных правил о сроках давности уголовного преследования. Определенность уголовно-правовых норм должна достигаться с учетом их межотраслевых связей</p> <p>Ключевые слова: общественная безопасность, конституционные права, техногенные преступления, срок давности уголовного преследования, определенность уголовного закона</p>	<p>ARZAMASTSEV M. V., Counselor of the Constitutional Court of the Russian Federation, Associate Professor at the Department of criminal law in St. Petersburg State University, PhD in Law</p> <p>CONSTITUTIONAL FRAMEWORK OF THE CRIMINAL LAW BANS IN THE SPHERE OF PUBLIC SAFETY</p> <p>The article addresses the problems of ensuring constitutional rights of the individual by means of criminal law, including the right to security. The criminal law lacks for taking into account modern technological development, including the emergence of unmanned aerial vehicles and artificial intelligence systems. In order to combat technogenic crimes, it is necessary to revise certain rules on the statute of limitations for criminal prosecution. The certainty of criminal law should be achieved in the light of their cross-sectoral linkages</p> <p>Keywords: public safety, constitutional rights, technogenic crimes, statute of limitations on criminal prosecution, certainty of criminal law</p>
<p>БУРЛАКОВ Владимир Николаевич, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук</p> <p>ЩЕПЕЛЬКОВ Владислав Федорович, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук</p> <p>ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ КАК ОСНОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ</p> <p>Конкретизируется основание криминализации занятия высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ). Обоснован вывод, что статус лидера возможен на высшей стадии развития организованной преступности, и ее фаза становится критерием</p>	<p>BURLAKOV Vladimir N., Professor at the Department of criminal law, St. Petersburg State University, Doctor of Law</p> <p>SHCHEPELKO V Vladislav F., Professor at the Department of criminal law, St. Petersburg State University, Doctor of Law</p> <p>THE POSITION OF A LEADER IN CRIMINAL COMMUNITY HIERARCHY AS A REASON FOR CRIMINAL RESPONSIBILITY</p> <p>The paper specifies the grounds for criminalization of holding the highest position in criminal hierarchy (art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). The reasoning is given for the conclusion that a status of the leader of a criminal community is not possible but at</p>

<p>для констатации такого статуса. Анализируются проблемы правоприменения ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ</p> <p>Ключевые слова: лидер преступного сообщества, основание криминализации статуса преступника, занятие высшего положения в преступной иерархии, личность субъекта преступления</p>	<p>a high stage of organized crime development, and therefore it is its phase that can serve as a criterion for ascertaining such status. The article discusses some problems of law enforcement (art. 200 and art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)</p> <p>Keywords: the leader of the criminal community, the grounds for criminalization of the status of the offender, occupation of the highest position in criminal hierarchy, identity of the perpetrator</p>
<p>ГИЛИНСКИЙ Яков Ильич, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор</p> <p>ТЕРРОРИЗМ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ</p> <p>В статье рассматриваются различные подходы к пониманию терроризма, соотношение террора и терроризма. Обосновывается положение об «исключенных» как социальной базе терроризма</p> <p>Ключевые слова: терроризм, террор, исключенные</p>	<p>GILINSKIY Yakov I., Professor at the Department of criminal law, criminology and penal executive law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Full Professor</p> <p>TERRORISM: MYTHS AND REALITY</p> <p>The article discusses various approaches to understanding terrorism, the correlation of terror and terrorism. Corroboration is given to the thesis of the "excluded" as the social basis of terrorism</p> <p>Keywords: terrorism, terror, excluded</p>
<p>ГОТЧИНА Лариса Владимировна, начальник кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор</p> <p>О СОСТОЯНИИ, ТЕНДЕНЦИЯХ И ПЕРСПЕКТИВАХ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ</p> <p>В статье обосновывается вывод о неприемлемости для России международных тенденций легализации наркотиков и лоббирования метадоновой терапии. Международное сообщество рекомендует бороться с наркомаркетом экономическими методами, хотя европейский опыт положительных результатов не принес</p> <p>Ключевые слова: легализация, рынок наркотиков, метадонная терапия</p>	<p>GOTCHINA Larisa V., Head of the Department of criminal law, St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Doctor of Law, Full Professor</p> <p>STATUS, TRENDS AND PROSPECTS OF CRIMINAL LAW POLICY IN RELATION TO CRIMES IN THE SPHERE OF DRUG TRAFFICKING</p> <p>The paper gives reasons for inadmissibility of the International trends imposed on Russia towards legalization of drugs and lobbying for methadone therapy. The international community recommends fighting against the drug market by means of economic methods, in spite of the fact that the European experience has not brought positive results</p> <p>Keywords: legalization, drug market, methadone therapy</p>

<p>КОРНИЕНКО Николай Александрович, кандидат юридических наук, доцент</p> <p>ИСТОРИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКСПЕРТНОЙ СЛУЖБЫ В РОССИИ И СТАНОВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)</p> <p>Исторический очерк посвящен созданию в России и первого в Европе многопрофильного криминалистического экспертного учреждения и его влиянию на развитие отечественной криминалистики</p> <p>Ключевые слова: судебная экспертиза, история криминалистики, кабинеты научно-судебной экспертизы</p>	<p>KORNIENKO Nikolay A., PhD in Law, Associate Professor</p> <p>HISTORY OF ORGANIZATION OF THE STATE EXPERT SERVICE IN RUSSIA AND EMERGENCE OF THE DOMESTIC FORENSIC SCIENCE (CONTINUED)</p> <p>The historical essay is devoted to the creation of a multidisciplinary criminalistics expert institution in Russia for the first time in Europe and its contribution to the development of the domestic forensic science</p> <p>Keywords: forensic examination, the history of forensic science, offices of scientific and forensic examination</p>
<p>ЛАРИНКОВ Анатолий Александрович, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент</p> <p>КРАВЦОВА Алена Дмитриевна, прокурор отдела по надзору за процессуальной деятельностью в органах СУ СК Тульской области Управления по надзору за следствием, дознанием и ОРД прокуратуры Тульской области</p> <p>ВОЗВРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ В ПОРЯДКЕ СТАТЬИ 237 УПК РФ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ</p> <p>Статья посвящена теоретико-прикладным проблемам, связанным с институтом возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ</p> <p>Ключевые слова: прокурор, суд, дополнительное расследование, возвращение уголовного дела прокурору</p>	<p>LARINKOV Anatoliy A., Associate Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor</p> <p>KRAVTSOVA Alena D., The Prosecutor of Department for supervision over procedural activities of the bodies of the SU IC in the Tula region Department for supervision over investigation, inquiry and HORDES of Prosecutor's office of Tula region</p> <p>THE RETURN OF A CRIMINAL CASE TO A PROSECUTOR UNDER ART. 237 OF THE RF CRIMINAL PROCEDURE CODE: RELEVANT ISSUES OF THEORY AND PRACTICE</p> <p>The article is devoted to theoretical and applied problems related to the institution of returning a criminal case to the Prosecutor by the court in accordance with art. 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation</p> <p>Keywords: Prosecutor, court, additional investigation, return of the criminal case to the Prosecutor</p>
<p>РАХМАНОВА Екатерина Николаевна, заведующий кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент</p>	<p>RAKHMANOVA Ekaterina N., Head of the Department of criminal law in the North-West branch of Russian State University of Justice, Doctor of Law, Associate Professor</p>

<p>ВЗАИМОСВЯЗЬ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ</p> <p>Глобализационные процессы последних десятилетий привели к стиранию границ между организованной преступной деятельностью и террористической. В настоящей статье показывается связь между ними и анализируются существующие международные документы, целью которых является противодействие данному негативному явлению</p> <p>Ключевые слова: организованная преступность, терроризм, документы ООН</p>	<p>THE RELATIONSHIP BETWEEN ORGANIZED CRIME AND TERRORIST ACTIVITY</p> <p>The globalization processes of recent decades have blurred the lines between organized and terrorist crimes. This article shows the relationship between them and analyzes existing international documents, the purpose of which is to counter this negative phenomenon</p> <p>Keywords: organized crime, terrorism, UN documents</p>
<p>СЕРОВА Елена Борисовна, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент</p> <p>НЕСТЕРЕНКО Денис Витальевич, прокурор зонального отдела по надзору за процессуальной деятельностью в органах Следственного комитета Российской Федерации Управления по надзору за процессуальной деятельностью в органах Следственного комитета Российской Федерации прокуратуры Санкт-Петербурга</p>	<p>SEROVA Elena B., Head of the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor</p> <p>NESTERENKO Denis V., Procurator of the zonal Division for supervision over procedural activities in the bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation within the Department of the Prosecutor's office of Saint Petersburg for supervision over procedural activities by the Investigative Committee bodies</p>
<p>К ВОПРОСУ О ПОДДЕРЖАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ ПО ДЕЛАМ О СБЫТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, РАССМАТРИВАЕМЫМ СУДОМ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ</p> <p>В статье рассматриваются некоторые вопросы участия прокурора в рассмотрении судом с участием присяжных заседателей уголовного дела о сбыте наркотических средств и психотропных веществ. Исследуются особенности подготовки прокурора к судебному следствию, проблемы формирования коллегии присяжных заседателей, отдельные аспекты представления доказательств в ходе судебного следствия. Особое внимание в статье уделено проблемам доказывания по делам о преступлениях, совершенных с использованием сети «Интернет»</p>	<p>REVISITING THE ISSUE OF PUBLIC PROSECUTION IN CRIMINAL CASES OF THE SALE OF NARCOTICS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES IN JURY TRIALS</p> <p>The article deals with some issues of the Prosecutor's participation in the jury trial of a criminal case involving the sale of narcotics and psychotropic substances. The author studies the peculiarities of the Prosecutor's preparation for a court investigation, the problems of selection of a trial jury, and certain aspects of presenting evidence for a judicial investigation. Special attention is paid to the problems of proof in cases of crimes committed with the use of the Internet</p>

<p>Ключевые слова: прокурор, уголовное судопроизводство, сбыт наркотических средств и психотропных веществ, присяжные заседатели, государственный обвинитель</p>	<p>Keywords: Prosecutor, criminal proceedings, sale of narcotic drugs and psychotropic substances, jurors, public Prosecutor</p>
<p>СИЛКИН Вячеслав Петрович, заведующий кафедрой уголовного права Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент</p> <p>УСИЛЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ОБЩЕЙ ТЕНДЕНЦИИ УЖЕСТОЧЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ</p> <p>В статье выдвигается тезис о том, что в настоящее время российский законодатель, определяя отечественную уголовно-правовую политику, поменял направление с идеи гуманизации уголовного законодательства на противоположное, идя по пути ужесточения закона. При этом вносимые в Уголовный кодекс изменения во многих случаях продиктованы сиюминутными соображениями и поэтому отличаются непродуманностью и низким качеством. Все это касается, в том числе, преступлений против общественной безопасности. Приводятся теоретические и практические аргументы, подтверждающие выдвинутый тезис</p> <p>Ключевые слова: преступления против общественной безопасности, ужесточение уголовно-правовой политики</p>	<p>SILKIN Vyacheslav P., Head of the Department of criminal law, Vologda State University, PhD in Law, Associate Professor</p> <p>HARSHER PENALTIES FOR CRIMES AGAINST PUBLIC SECURITY AS A MANIFESTATION OF THE GENERAL TREND OF TOUGHENING CRIMINAL LAW POLICY</p> <p>The article puts forward the thesis that nowadays the Russian legislators, defining the domestic criminal law policy, have changed the direction from the idea of humanization of criminal legislation to the opposite, going the way of toughening the law. At the same time, the changes made in the Criminal Code in many cases are accounted for by transitory considerations and therefore are distinguished by crudity and low quality. It concerns crimes against public safety as well. Theoretical and practical arguments supporting the thesis are presented in the article</p> <p>Keywords: crimes against public safety, tightening of criminal law policy</p>
<p>ТОПИЛЬСКАЯ Елена Валентиновна, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук</p> <p>ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 210 И 210.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ</p> <p>В статье рассматриваются составы преступлений, предусмотренных ст.ст. 210 и 210.1 УК РФ. Автор обращает внимание на дефекты законодательной техники, затрудняющие правоприменение, связанные</p>	<p>TOPILSKAYA Elena V., Associate Professor at the Department of criminal law, North-Western branch of the Russian State University of Justice, PhD in Law</p> <p>ON SOME SPECIFICS OF THE ELEMENTS OF CRIMES PROVIDED FOR IN ART. 210 AND ART. 210.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION</p> <p>The paper deals with the analysis of some elements of the crimes under art. 210 and art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author draws attention to defects in the legislative technique that make law enforcement</p>

<p>с перегруженностью диспозиции, с правовой неопределенностью, с отсутствием легального определения специального субъекта этих преступлений</p> <p>Ключевые слова: организованная преступность, высшее положение в преступной иерархии</p>	<p>difficult, such as overstretched definition of the serious crime, legal ambiguity and the absence of a legal definition of the specific perpetrator of these offences</p> <p>Keywords: organized crime, the highest position in the criminal hierarchy</p>
<p>ТЮНИН Владимир Ильич, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор</p> <p>К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МАССОВЫЕ БЕСПОРЯДКИ В ПАМЯТНИКАХ УГОЛОВНОГО ПРАВА И СОВРЕМЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ</p> <p>В рамках статьи предпринята попытка осветить различные аспекты такого явления, как массовые беспорядки. Массовые беспорядки не только преступление, предусмотренное ст. 212 УК РФ. Это сигналы, которые свидетельствуют о серьезных проблемах в российском обществе в экономической, политической, организационной, нравственной и других сферах жизни</p> <p>Ключевые слова: общественная безопасность, общественный порядок, массовые беспорядки</p>	<p>TUNIN Vladimir I., Professor at the Department of criminal law, St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Doctor of Law, Full Professor</p> <p>THE ISSUE OF CRIMINAL LIABILITY FOR MASS RIOTS IN MEMORIAL CRIMINAL LAW AND IN MODERN LEGISLATION</p> <p>The author makes an attempt to highlight various aspects of such a phenomenon as “mass riots”. Mass riots are not only a crime under art. 212 of the Criminal Code of the Russian Federation. These are signals that indicate serious problems unresolved in Russian society in the economic, political, organizational, moral, and other aspects of life</p> <p>Keywords: public safety, public order, mass riots</p>
<p>ХОЛОПОВ Алексей Васильевич, заведующий криминалистической лабораторией Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент</p> <p>НОВОЕ В КРИМИНАЛИСТИКЕ</p> <p>Приводятся сведения о современных достижениях науки, техники и технологии, использование которых позволяет повышать эффективность раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, а также совершенствовать криминалистику как науку и учебную дисциплину</p> <p>Ключевые слова: новости, криминалистика, идентификация, документы, генетика, психопатия, взрывчатые вещества</p>	<p>KHOLOPOV Alexey V., Head of the forensic science laboratory of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor</p> <p>THE NEW IN CRIMINALISTICS</p> <p>The article reflects the efforts made by contemporary science and technology the use of which allows to increase the effectiveness of detection, investigation and prevention of crimes, as well as to improve criminalistics as a science and academic discipline</p> <p>Keywords: news, criminalistics, forensic science, identification, documents, genetics, psychopathy, explosive substances</p>

<p>ЧУЧАЕВ Александр Иванович, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор</p>	<p>CHUCHAEV Alexandr I., Professor at the Department of criminal law, Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Full Professor</p>
<p>ГРАЧЕВА Юлия Викторовна, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор</p>	<p>GRACHEVA Yulia V., Professor at the Department of criminal law, Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Full Professor</p>
<p>МАЛИКОВ Сергей Владимирович, старший преподаватель кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук</p>	<p>MALIKOV Sergey V., Senior Lecturer at the Department of criminal law, Kutafin Moscow State Law University, PhD in Law</p>
<p>РОБОТИЗАЦИЯ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ: НЕОБХОДИМОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ</p>	<p>ROBOTIZATION OF VEHICLES: THE NEED FOR LEGAL REGULATION</p>
<p>В статье дается характеристика существующего в России нормативного правового регулирования эксплуатации высокоавтоматизированных (беспилотных) транспортных средств (БТС). Анализируются имеющиеся в ответственном уголовном праве подходы к ответственности лиц, управляющих БТС. Определены направления установления уголовно-правового запрета и выделены наиболее важные алгоритмы криминализации рассматриваемого деяния. Предлагается структура федерального закона о регулировании использования транспортных средств, оборудованных системой автоматического управления, на территории Российской Федерации</p>	<p>The article describes the existing legal regulation of the use of highly automated unmanned vehicles (AUV) in Russia. The authors analyze the approaches available in the domestic criminal law to the responsibility of persons operating unmanned vehicles. The directions have been proposed for setting down the criminal law prohibitions, and the most important algorithms for criminalization of the act considered have been highlighted. The structure of Federal law is proposed on regulation of the use of vehicles equipped with automatic control system on the territory of the Russian Federation</p>
<p>Ключевые слова: беспилотные транспортные средства, правовое регулирование, преступление, правовая природа, криминализация, уголовная ответственность, субъект преступления</p>	<p>Keywords: unmanned vehicles, legal regulation, crime, legal nature, criminalization, criminal liability, crime committer</p>
<p>ШАДРИН Виктор Сергеевич, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор</p>	<p>SHADRIN Victor S., Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of law, Full Professor</p>

<p>ПОЛНОМОЧИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРОРА ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБВИНЕНИЕМ</p> <p>В статье рассматривается дискуссионное понятие «государственное обвинение» и определяется момент возникновения государственного обвинения. Обосновывается утверждение, что прокурор не просто поддерживает государственное обвинение, а распоряжается им, при необходимости активно формируя его в досудебном производстве. Уточняется, кто именно из должностных лиц органов прокуратуры уполномочен выступать в качестве государственного обвинителя</p> <p>Ключевые слова: прокурор, государственное обвинение, досудебное производство, судебное разбирательство</p>	<p>POWERS AND ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR ON THE ORDER OF THE STATE PROSECUTION</p> <p>The paper considers the controversial concept of “public prosecution” and determines the moment of its coming into existence. The author argues that the public prosecutor not only prosecute on behalf of the State but administer prosecution, actively forming it where necessary in pre-trial proceedings. The author specifies which of the prosecutor’s office officials is authorized to act as a public prosecutor</p> <p>Keywords: Procurator, Prosecutor, public prosecution, pre-trial proceedings, trial</p>
<p>ШАРАПОВ Роман Дмитриевич, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор</p> <p>ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХУЛИГАНСТВА</p> <p>Статья посвящена рассмотрению некоторых вопросов уголовно-правовой квалификации хулиганства, совершенного с использованием незаряженного, неисправного, непригодного оружия либо декоративного, сувенирного оружия, оружия-игрушки; разграничению хулиганства и нарушения права на свободу совести и вероисповеданий, транспортного хулиганства и действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств. Дается юридическая оценка публичному пранку</p> <p>Ключевые слова: хулиганство, оружие, предмет, используемый в качестве оружия, ненависть, вражда, транспорт общего пользования, пранк</p>	<p>SHARAPOV Roman D., Professor at the Department of criminal law, criminology and penal executive law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Full Professor</p> <p>SOME ISSUES OF HOOLIGANISM QUALIFICATION</p> <p>The article is devoted to the consideration of some issues of criminal law qualification of hooliganism committed with the use of unloaded, defective, unsuitable weapon or decorative, souvenir weapon or toy weapon; differentiation between hooliganism and violations of the right to freedom of conscience and religion, transport hooliganism and actions that threaten the safe operation of vehicles. The legal assessment is also given to public prank</p> <p>Keywords: hooliganism, weapons, object used as a weapon, hatred, enmity, public transport, prank</p>

Перевод

П. Б. Кондратьев
 Е. С. Анистратова
 С. П. Синявская

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования

«УНИВЕРСИТЕТ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)

Лицензия на осуществление образовательной деятельности № 2731 от 9 апреля 2018 г.
Свидетельство о государственной аккредитации № 3160 от 26 июня 2019 г.

Наш вуз — это:

Высококвалифицированный профессорско-преподавательский состав, имеющий
опыт практической работы в правоохранительных органах.
Обеспечение учебного процесса техническими средствами, учебной и научной
литературой, наличие специализированных лабораторий,
современных компьютерных классов.
Возможность трудоустройства в органы государственной власти и управления,
органы прокуратуры и иные правоохранительные структуры.

Наш адрес: 191014, Санкт-Петербург, Литейный просп., 44.
Телефон приемной комиссии: (812) 273-33-38.
Сайт: www.procuror.spb.ru